

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И БЕЗОПАСНОСТЬ

Сыроежкин К.Л.	Специфика политической борьбы в КНР накануне XVIII съезда КПК	5
Алимов Р.К.	Правовые основы добрососедства	18
Пикулина М.Л.	Проблемы трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии	30

ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Кенжалин Ж.О.	Коренное обновление СМИ — залог наполнения информационного поля новыми веяниями	43
---------------	---	----

ЭКОНОМИКА

Байтенова Л.М., Муталиева Л.М.	Кластерные образования как системная управленческая инновация в конкурентной борьбе	50
Шаяхметова К.О., Баймахамбетова Г.И., Турсумбаева М.Ж., Рахимжанов Г.Т., Шыныбаев А.А.	Вопросы экономического развития системы риск-менеджмента в национальных компаниях Казахстана	66

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ

Бурнашев Р.Р., Черных И.А.	Региональный конфликт: сценарий для Центральной Азии	76
-------------------------------	--	----

РЕЦЕНЗИЯ

Лаумулин М.Т.	Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы; Aitken, J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan; Малащенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?; Евсеев В.В. Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы	101
---------------	--	-----

SUMMARY	117
---------------	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	120
---------------------------	-----

КАЗАХСТАНСКИЙ ИНСТИТУТ
СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Выходит ежеквартально с октября 1994 г.

Шеф-редактор **Б.К. СУЛТАНОВ**,
директор КИСИ при Президенте РК

Ответственный за выпуск А.А. Арзикулов
Редактор-корректор Н.И. Шестакова
Дизайн и верстка: А.К. Садуакасов, Е.В. Игнатенко
Адрес редакции: Республика Казахстан, 050010, Алматы, пр. Достык 87⁴⁶.
Телефон: (727) 264-34-04. Факс: (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
Журнал зарегистрирован Национальным агентством по делам печати и массовой информации РК 8 сентября 1997 г. Регистрационное свидетельство №844.
При перепечатке статей ссылка на журнал обязательна. Мнение редакционной коллегии журнала может не совпадать с точкой зрения авторов статей. Отпечатано в типографии ИП «Волкова Е.В.» г. Алматы. Тираж 500 экз.

Contents

INTERNATIONAL AFFAIRS AND SECURITY

Syroezhkin K.L.	Political Struggle in China prior XVIII CPC Congress	5
Alimov R.K.	Legal Basis for Good Neighborhood	18
Pikulina M.L.	On Transboundary Water Resources in Central Asia	30

DOMESTIC AND SOCIAL AFFAIRS

Kenzhalin Zh.O.	Radical Renovation of the Media to Bring New Trends in Information Space	43
-----------------	--	----

ECONOMY

Baitenova L.M., Mutaliev L.M.	Cluster Formation as Systematic Innovative Managerial Tool in Competition	50
Shayakhmetova K.O., Baymakhambetova G.I., Tursumbaeva M.Zh., Rakhimzhanov G.T., Shynybaev A.A.	On Development of Risk Management of Kazakhstan	66

THEORY AND ANALYSIS

Burnashev R.R., Chernykh I.A.	Regional Conflict: Scenario for Central Asia	76
----------------------------------	--	----

BOOK REVIEW

Laumulin M.T.	Aitken, J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan; Aitken, J. Kazakhstan. Surprises and Stereotypes; Malashenko, A. Central Asia What Does Russia Count for?; Yevseyev, V.V. Central Asia: Internal and External Threats	101
---------------	--	-----

SUMMARY	117
---------------	-----

AUTHORS	120
---------------	-----

THE KAZAKHSTAN INSTITUTE
FOR STRATEGIC STUDIES
UNDER THE PRESIDENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Quarterly since October 1994

Editor-in-Chief **B.K. SULTANOV**,
Director of KazISS under the President of RK

Responsible for publication A.A. Arzikulov
Editor-corrector N.I. Shestakova
Design & Layout: A.K. Sadvakasov, Y.V. Ignatenko
Address: 87 Dostyk ave, Almaty-050010, Republic of Kazakhstan.
Phone (727) 264-34-04. Fax (727) 264-49-95. E-mail: office@kisi.kz.
The Magazine was registered by the National Agency of press and information of the RK
on September 8, 1997. Registration certificate №644.
All copies from this magazine should be made with reference. The opinion of the editorial board may not coincide with that of the authors of articles.
Printed in printhouse of IE "Volkova Ye.V." Almaty. Copies 500.

Редакционный совет

Казахстан Республикасы Президентінің
қармағындағы Қоғамдық-саяси стратегиялық
зерттеулер институты
ҒЫЛЫМИ ЗАЛ

- Султанов Б.К.** — шеф-редактор, председатель редакционного совета, директор Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) при Президенте РК, доктор исторических наук
- Музапарова Л.М.** — заместитель шеф-редактора, первый заместитель директора КИСИ при Президенте РК, кандидат экономических наук
- Алшанов Р.А.** — президент образовательной корпорации «Туран», президент Ассоциации высших учебных заведений РК, доктор экономических наук, профессор
- Ашимбаев М.С.** — депутат Мажилиса Парламента РК, председатель Комитета по международным делам, обороне и безопасности, кандидат политических наук
- Закржевская О.Г.** — профессор Казахстанско-Немецкого университета, доктор исторических наук
- Ибрашев Ж.У.** — профессор Казахского национального университета им. аль-Фараби, доктор исторических наук
- Лаумулин М.Т.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Майлыбаев Б.А.** — заместитель Руководителя Администрации Президента РК, доктор юридических наук
- Сыроежкин К.Л.** — главный научный сотрудник КИСИ при Президенте РК, доктор политических наук, профессор
- Тажин М.М.** — государственный секретарь РК, доктор социологических наук, профессор
- Чуфрин Г.И.** — член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор
- Шаукенова З.К.** — директор Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН РК

Editorial Board

- Sultanov B.K.** — Editor-in-Chief, Chairman of Editorial Council, Director, Kazakhstan Institute for Strategic Studies (KazISS) under President of RK, Doctor of History
- Muzaparova L.M.** — Deputy Editor-in-Chief, First Deputy Director, KazISS under President of RK, Candidate of Economics
- Alshanov R.A.** — President of 'Turan' Educational Corporation, President of Higher Educational Institutions Association of RK, Doctor of Economics, Professor
- Ashimbayev M.S.** — Deputy of Majilis of Parliament of Kazakhstan, Chairman of Foreign Affairs, Defence and Security Committee, Candidate of Political Science
- Zakrzhevskaya O.G.** — Professor of International Relations Department, Kazakh-German University, Doctor of History
- Ibrashev Zh.U.** — Professor of Department of International Relations and Foreign Policy of RK, Al-Farabi Kazakh National University Doctor of History
- Laumulin M.T.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Mailybaev B.A.** — Deputy Head of Administration of President of RK, Doctor of Law (LLD)
- Syroezhkin K.L.** — Chief Research Fellow, KazISS under President of RK, Doctor of Political Science, Professor
- Tazhin M.M.** — State Secretary of Republic of Kazakhstan, Doctor of Social Science, Professor
- Chufrin G.I.** — Corresponding-Member of Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor
- Shaukenova Z.K.** — Director of Institute of Philosophy, Political and Religious Studies, Ministry of Education and Science of RK, Committee for Scientific Affairs, Doctor of Social Science, Professor, Corresponding Member of National Academy of Sciences

Специфика политической борьбы в КНР накануне XVIII съезда КПК

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Несмотря на динамичное развитие экономики, завоевание новых позиций в мировой таблице о рангах и активное решение социальных проблем, простым 2012 г. для уходящего тандема «Ху — Вэнь» не назовешь.

Первые признаки надвигающегося кризиса появились еще в октябре 2011 г., когда взбунтовалась рыбацкая деревушка Укань в провинции Гуандун*. Протестуя против изъятия земель, крестьяне и рыбаки этой деревни, организовав комитет защиты, выгнали местную администрацию и представителей партийного комитета КПК и заявили о том, что они не будут подчиняться никому, кроме самостоятельно выбранной власти.

Перед Пекином возникла дилемма: пойти на уступки недовольным или прибегнуть к мерам устрашения. С учетом того, что волна социальных протестов захлестывала Китай**, был выбран второй вариант и в деревне были проведены свободные выборы.

Этот, казалось бы, рядовой случай показал, что авторитет КПК и ее способность управлять государством падают, а коррупция и произвол местных чиновников растут катастрофически быстрыми темпами. В статье, опубликованной в партийном журнале «Цюйши»,

* Подробнее об этом инциденте см.: Anderlini Jamil. Wukan villagers agree peace deal // Financial Times. — December 21, 2011; Jacob Rahul. Chinese villagers step up pressure. Ibid. December 15, 2011; Jacob Rahul. Communist party tested by village protests. Ibid. December 18, 2011; Jacob Rahul. Wukan offers democratic model for China. Ibid. January 30, 2012; Jacob Rahul. Wukan challenges party line on democracy. Ibid. February 10, 2012; Jacob Rahul, Zhou Ping. Intimidation backfires in Wukan poll. Ibid. March 5, 2012; Pilling David. Where Wukan has led, Beijing will not follow. Ibid. February 8, 2012; Иванов И. Китайские крестьяне выгнали из деревни партийных чиновников // The Epoch Time. — 2011, 15 декабря // <http://www.epochtimes.ru>; Скосырев В. В китайской деревне вспыхнул бунт // Независимая газета. — 2011, 16 декабря.

** По данным западной прессы, в 2010 г. имело место 120 тысяч акций протеста, в 2011 г., по неполным данным, их было 180 тысяч — См.: Скосырев В. Демонстранты блокировали шоссе в Китае // Независимая газета. — 2011, 23 августа; Он же. В деревнях Китая не прекращаются бунты. Там же. 2011, 29 сентября.

премьер Госсовета Вэнь Цзябао был вынужден констатировать, что «самой большой угрозой способности партии управлять является коррупция» [1].

В марте разразился скандал, предопределивший как специфику политического процесса в преддверии XVIII съезда КПК, так и решения самого съезда.

Снятие со всех занимаемых постов Бо Силая — сына одного из «восьми бессмертных»*, а также одного из главных претендентов на членство в Постоянном Комитете (ПК) Политбюро ЦК КПК 18-го созыва, исключение его из рядов КПК; его вывод из числа депутатов ВСНП и начало судебного процесса по его делу; вынесение супруге Бо Силая Гу Кайлай смертного приговора и осуждение на 15 лет тюрьмы его ближайшего помощника Ван Лицзюня, а также арест и начало судебного разбирательства над большой группой связанных с Бо Силаем региональных чиновников — все это свидетельства серьезного противостояния между различными группами внутри политического класса КНР**.

Это противостояние имеет своей первоосновой выбор модели социально-экономического и политического развития КНР***. «Клану Цзян Цзэминя» (к которому принадлежат Бо Силай и Чжоу Юнкан), исповедующему консервативные методы управления, противостоит «клан Ху Цзиньтао», членов которого условно называют «реформаторами». Отсутствие консенсуса внутри политического класса и нежелание доводить дело до открытого конфликта и явились первопричиной того, что КПК начала терять свои позиции в обществе и была вынуждена максимально оттягивать проведение политических преобразований, пытаясь откупиться от населения экономическими успехами, нивелировать накопившиеся проблемы за счет стабильно высокого экономического роста. Однако сегодня эта тактика оказалась на грани краха.

* Термин возник в 1990-е гг. и является аллюзией на «восьмь бессмертных» из мифологии даосизма. В «восьмерку бессмертных» (ба да юань лао) входили те руководители «второго поколения», которые вместе с Дэн Сяопином начали реформы в Китае после «культурной революции»: Дэн Сяопин (1904—1997 гг.); Чань Юнь (1905—1995 гг.); Пэн Чжэнь (1902—1997 гг.); Ян Шанкунь (1907—1998 гг.); Ли Сяньнянь (1909—1992 гг.); Ван Чжэнь (1908—1993 гг.); Сун Жэньцзюнь (1909—2005 гг.) и Бо Ибо (1908—2007 гг.) — отец Бо Силая.

** О «деле Бо Силая» подробнее см.: Сыроежкин К. Политический перелом в Поднебесной // *Центр Азии*. — 2012. — №21-24, ноябрь/декабрь. — С. 83—108.

*** Как пишет видный китайский социолог Сунь Липин, в китайском истеблишменте есть сторонники возвращения к старому. Они доказывают, что в результате преобразований 1990-х гг. были ущемлены интересы рабочих госпредприятий и других категорий трудящихся. Эти люди должны теперь платить за жилье, лечение. Выгоды от рынка получают чиновники, богатые. Есть либеральное направление — за продолжение реформ без социальной ориентации. И третий тренд — те, кто ратует за то, чтобы реформы проводились с учетом социальной справедливости, равенства. — Цит. по: Схосырев В. Политическая драма в КНР стала детективом // *Независимая газета*. — 2012, 12 апреля.

Во-первых, «дело Бо Силая» обнажило главную проблему современного Китая — стало очевидно, что КПК теряет свое влияние в обществе, в высшем руководстве не только нет единства относительно методов управления страной, но и имеет место открытая политическая борьба. Какова бы ни была истинная причина краха Бо Силая, вполне очевидно, что связан он с политической борьбой в руководстве ЦК КПК.

Во-вторых, «дело Бо Силая» открыто продемонстрировало «секрет полишинеля» — в коррупционные схемы вовлечены практически все чиновники, в том числе и высшее руководство КПК и КНР, а принимаемые ЦК КПК и Госсоветом КНР жесткие меры по борьбе с коррупционерами имеют своей целью не столько предотвращение этого явления, сколько устранение политических конкурентов.

ЦК КПК пришлось признать и другую очень неприятную для него истину — личные материальные интересы преобладают в настроениях правящего класса. Партийная дисциплина и жесткая борьба с коррупцией отчасти сдерживают их, но изменить ситуацию не могут.

Неслучайно возникновение в современном Китае феномена «голого чиновника»*, число которых растет с каждым днем. По данным China Economic Weekly, за 2000—2011 гг. только во время попытки сбежать за границу с незаконно приобретенными ценностями были задержаны 18 487 чиновников. В 2011 г. Народный банк Китая привел свою оценку: с середины 1990-х гг. примерно от 16 до 18 тысяч чиновников сбежали из страны безвозвратно, прихватив около 800 млрд юаней (128 млрд долл.).

Но истинные масштабы этого явления показывает другая цифра. Так, согласно данным опубликованного в октябре 2011 г. отчета Вашингтонской исследовательской организации Global Financial Integrity, за период с 2000-го по 2011 г. незаконный отток денег из Китая составил 3,79 трлн долл. [2].

Согласно данным Академии общественных наук КНР, около 75% высших чиновников попадают под характеристику «голый чиновник». А согласно оценкам гонконгского журнала Trend, около 90% членов и кандидатов в ЦК КПК, а также членов Центральной комиссии КПК по проверке дисциплины (ЦКПД) имеют родственников, которые живут или работают за границей, а также уехали в западные

* «Голый чиновник» (ло гуань) — не имеющий официальной собственности на территории Китая чиновник, переправивший семью, родственников и капиталы за границу и имеющий собственность за пределами Китая.

страны [3]. Аналогичные тенденции выявлены и в среде китайских миллионеров. По ряду данных, 90% китайских миллионеров — это родственники партийных функционеров. Среди 3 220 китайцев, личное состояние которых превышает 100 млн юаней (15,9 млн долл.), только 288 не являются детьми чиновников [4].

Третья обнажившаяся проблема — признание высшим руководством КПК того факта, что центральные власти теряют контроль над местными органами власти, над руководством низовых организаций партии и над сельскими парткомами. По мнению бывшего председателя ЦКПД Хэ Гоцяна, это «результат ухудшения отношений между центральным и провинциальными партийными комитетами, что привело к кризису, который может повлиять на осуществление курса партии в политической и идеологической областях» [5].

Согласно опубликованным 12 июля 2012 г. результатам соцопроса, три самых крупных проблемы, стоящих перед китайским обществом, это коррупция (80,35%), недостаточная степень демократизации (53,4%) и социальная несправедливость (51,65%), причем корнем этих проблем и тормозом развития страны большинство опрошенных назвали социальный слой олигархов [6].

Это создает серьезный вызов как для сегодняшнего руководства КНР, так и в особенности для руководителей «пятого поколения». Суть этого вызова — все более актуализирующийся кризис доверия к властям («власти коррумпированы, не прислушиваются к простым людям, работают преимущественно в личных интересах и выражают интересы только правящего класса») и утрата КПК своего авторитета и способности эффективно осуществлять управление.

По данным гонконгского журнала «Дунсян», 26 октября в Пекине состоялось закрытое заседание ПК Политбюро ЦК КПК, на котором очень резко выступил Си Цзиньпин, указав на «несколько почему»: Почему отношения народа и партии с правительством находятся в состоянии напряжения? Почему низок уровень доверия народа к партии? Почему степень удовлетворенности народа стилем работы местных правительств, а также личными моральными качествами местных чиновников низкая? Почему народ дает низкую оценку партии, правительству, государственным учреждениям и кадровым работникам? Почему уровень поддержки народом курса и политики партии низкий?

Будущий генсек также подчеркнул, что необходимо не бояться смотреть в глаза самым болезненным проблемам, ведь фактически законность некоторых методов правления очень шаткая и уже «звонит набат» по легитимности правления КПК [7].

Как результат — признание руководством КПК и КНР необходимости проведения политической реформы.

Не подлежит сомнению, что прагматики и технократы «четвертого поколения», знакомые на собственном опыте со всеми прелестями политической либерализации и включения «народных масс» в активную политическую жизнь во времена «культурной революции», по-видимому, пришли к заключению — лучше «управляемая демократия», нежели неуправляемый хаос.

Тем не менее это не означает, что они отказались от политической реформы. Реформы в политической сфере проводились, но не так быстро, как того хотелось бы радикалам. Во всяком случае, если сравнить тезисы вброшенной в Интернет в 2008 г. «Хартии 2008» с тем курсом, который проводил тандем «Ху — Вэнь», то становится очевидным, что большинство из предложенных оппозицией тезисов были реализованы на практике [8].

Однако, судя по ежегодному увеличению акций протеста, которых в 2010 г. было 180 тысяч по сравнению с 40 тысячами в 2002 г., этого недостаточно. И вполне очевидно, что руководство КНР, согласно с максимой Алекса де Токвиля о том, что «революция происходит не тогда, когда в обществе плохо и становится еще хуже, а наоборот, когда в обществе было плохо, становится лучше, но хочется, чтобы было еще лучше».

На пресс-конференции после завершения 5-й сессии ВСНП 11-го созыва (март 2012 г.) Вэнь Цзябао подчеркнул: «В настоящее время реформа подошла к решающему этапу. Без успеха в реформировании политической системы реформа экономической системы не сможет быть проведена до конца, а уже достигнутые результаты могут быть потеряны, новые проблемы, возникающие в обществе, также не смогут получить кардинального решения, есть вероятность повторения исторической трагедии Великой культурной революции» [9].

14 мая в газете «Жэньминь жибао» на целую полосу была опубликована статья о проблемах политической реформы. В статье прямо указывалось на то, что «активно и разумно продвигать политическую реформу — это желание и цель партии и страны». Говорилось также об ограничении власти партии и о защите прав, чтобы люди стали хозяевами, о повышении жизнеспособности партии и мобилизации «народного энтузиазма». В статье также была предложена схема «самоуправления рядовыми членами партии» посредством трех комитетов: комитета по надзору за делами села на выборной основе, сельского комитета партии и сельского комитета [10].

По задумке уходящего «четвертого поколения», политическая реформа должна стать своего рода ребрендингом власти КПК и позволить облегчить решение целого ряда структурных проблем (в т.ч. и проблему коррупции). Проведением реформы должны заняться Си Цзиньпин и другие представители «пятого поколения». А чтобы им никто не мешал и «не раскачивал лодку», лидеры «четвертого поколения» приняли решение зачистить политическое пространство от неомооистов из числа «новых левых». Первым в этом списке оказался Бо Силай.

Однако, судя по всему, Бо Силай дело не ограничивалось. Об этом свидетельствует обострившаяся борьба между двумя крупнейшими элитными группировками — объединенной группой «шанхайцев» и «принцев» и группой «комсомольцев»*, а также начавшаяся война компроматов.

Несмотря на то, что это деление достаточно условно, а большинство из новых руководителей КПК можно отнести сразу к нескольким группам, если судить по их происхождению, месту службы и покровителям, тем не менее нельзя не признать того факта, что политический класс Китая неоднороден и борьба внутри него идет нешуточная.

Понимая, что обвинить тандем «Ху — Вэнь» в отсутствии успехов на пути социально-экономических реформ и эволюции в сторону повышения значимости Китая в мировой таблице о рангах вряд ли удастся**, «шанхайцы» организовали информационные атаки на Си Цзиньпина — как будущего лидера КПК и Вэнь Цзябао — как проводника экономической реформы и главного инициатора осуществления политической реформы.

* К числу «шанхайцев» относятся те, кто, так или иначе, связан с Шанхаем, а также бывшим генсеком ЦК КПК Цзян Цзяминем; к числу «принцев» — дети ответственных работников КПК и КНР «первого» и «второго» поколений, работающих под руководством Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина; к числу «комсомольцев» — оказавшиеся на ответственных постах в КПК и КНР лидеры китайского комсомола, работающие под руководством Ху Цзиньтао.

** Опубликованные в августе сравнительные цифры по социально-экономическому развитию за 2002—2012 гг. убедительно доказывали, что десять лет «четвертого поколения» прошли не напрасно. За 2002—2011 гг. ВВП вырос в 2,5 раза и достиг 47,2 трлн юаней. По этому показателю Китай вышел на второе место в мире. Объем бюджета вырос в 5,5 раз и достиг 10,37 трлн юаней.

В 2002—2011 гг. в Китае наблюдалось стремительное увеличение среднедушевого ВВП, который в 2011 г. достиг 35 083 юаней, что с учетом ценового фактора в 2,4 раза больше цифры 2002 г. Из расчета по среднему уровню обменного курса юаня к доллару США среднедушевой ВВП в Китае возрос с 1 135 долл. США в 2002 г. до 5 432 долл. в 2011 г.

Вложения в основные средства за 2003—2011 гг. составили 144,9 трлн юаней и росли темпами 25,6% в год. В 2010 г. удельный вес обрабатывающей промышленности Китая в мировой обрабатывающей промышленности составил 19,8%. По этому показателю Китай стал крупнейшей страной в мире, обогнав США. Среди 500 видов главных промышленных товаров мира 220 видов китайского производства заняли лидирующее место по объему выпуска.

Кроме того, именно Вэнь Цзябао и Си Цзиньпин настаивали на проведении судебного процесса над Бо Силаем и на вынесении ему жесткого приговора на основании его участия не только в коррупционных преступлениях, но и за преступления, связанные с организацией гонений на сторонников движения «Фалуньгун», а также за подготовку государственного переворота.

В июне в Интернет была вброшена информация о том, что, по данным Bloomberg, братья, сестры и другие члены большой семьи Си Цзиньпина владеют активами в 376 млн долл. в различных компаниях. Помимо этого, семье принадлежит часть компании, занимающейся добычей редкоземельных металлов (стоимость составляет примерно 1,73 млрд долл.), другие активы, а также вилла и другая недвижимость в Гонконге [11].

Проведенное расследование не показало, что сам Си, его жена Пэн Лиюань, знаменитая певица, или дочь Си Минцзе, которая обучается в США в Гарвардском университете, как-то помогли родственникам нажить богатство. Напротив, как подчеркивала Financial Times, «Си Цзиньпин приказал своим братьям и сестрам вести себя правильно и заставил их выйти из некоторых компаний» [12].

Так это или нет, сказать сложно. Возможно, что это действительно имело место быть. Во всяком случае, «скелетов в шкафу» у Си Цзиньпина до последнего времени выявлено не было. Более того, сегодня официальные китайские СМИ пытаются показать новых лидеров «белыми и пушистыми» [13], хотя ни для кого не является секретом, что вся китайская элита сумела обналить свой политический капитал. И Си Цзиньпин вряд ли являлся исключением. Во всяком случае, публикацией материала сомнения в нечистоплотности

Протяженность железных дорог выросла на 25,6% и достигла 93 тыс. км; протяженность автомобильных — в 2,3 раза и достигла 4 млн 106 тыс. км, в том числе автобанов — 85 тыс. км, протяженность которых выросла в 3,4 раза; протяженность авиалиний выросла в 2,2 раза и достигла 3 млн 491 тыс. км.

Объем импорта и экспорта по сравнению с 2002 г. вырос в 5,9 раза и в 2011 г. составил 3 трлн 642,1 млрд долл. При этом общий объем экспорта промышленных товаров ведущих предприятий Китая в стоимостном выражении достиг 10 трлн юаней, увеличившись в 5 раз по сравнению с 2002 г. Прямые инвестиции за рубежом выросли в 20,7 раза и в 2011 г. достигли 60,1 млрд долл. Объем золотовалютных резервов вырос в 11,1 раза и достиг 3 трлн 181,1 млрд долл.

Но, самое главное, постоянно росло благосостояние простых граждан и их образовательный уровень. Доходы городского и сельского населения выросли в 2,8 раза и достигли 21 810 и 6 977 юаней соответственно. В 2010 г. доля населения с высшим образованием в общей численности населения страны составила 8,9%, увеличившись вдвое против 2002 г., доля населения с начальным образованием составила 26,8%, со средним образованием высшей ступени — 14%, средним образованием — 38,8%.

Во время правления «четвертого поколения» мир узнал о «тайконавах» — китайских космонавтах. Была запущена космическая станция, началось осуществление программы зондирования Луны. — См.: Цун шилю дао шиба дао цзинцзи шэжуй фэчжань чэнцзю силе баогао. Гоцзя тунцзи цзю цзунцз сы (Системный доклад. Успехи социально-экономического развития с XVI по XVIII съезды КПК. Сводный департамент Госстата). — 2012, 15 август // <http://www.stats.gov.cn>.

сти будущего лидера КПК и КНР были посеяны, а сам Си Цзиньпин запаниковал*.

Команде Ху Цзиньтао пришлось принимать срочные меры по поиску компромисса с «шанхайцами». Состоявшееся в начале августа совещание Политбюро ЦК КПК в Бэйдайхэ определилось со списком будущих лидеров КПК и КНР. В избранный на съезде ПК Политбюро ЦК КПК должны были войти семь человек: Си Цзиньпин, Ли Кэцян, Юй Чжэншэн, Чжан Дэцзян, Ли Юаньчао, Ван Цишань и Ван Ян. За исключением Си Цзиньпина, компромисс по которому был достигнут еще в 2010 г., трое из будущего состава ПК относились к группировке «шанхайцев», а трое — к группировке «комсомольцев».

Вторым элементом достигнутого компромисса, по-видимому, стал суд над супругой Бо Силая Гу Кайлай, состоявшийся в конце августа в городе Хэфэй провинции Аньхой.

Опираясь на показания Гу Кайлай о том, что Нил Хэйвуд угрожал ее сыну Бо Гуагуа, все дело суд свел к банальному материнскому инстинкту, под влиянием которого, да еще в состоянии психического расстройства Гу Кайлай и совершила убийство. Обвинение звучало однозначно: совершение умышленного убийства на коммерческой основе. Ни о фактически доказанном факте коррупционных преступлений, совершенных семьей Бо Силая, ни об его участии в гонениях последователей движения «Фалуньгун», ни о доказанном факте участия Гу Кайлай и ее мужа в незаконной предпринимательской деятельности и переводе за рубеж 6 млрд долл. на суде речи не шло. Как не упоминалось и имя Бо Силая.

Отыграть утерянные позиции тандем «Ху — Вэнь» попытался в середине сентября. Начавшийся тайно 17 сентября судебный процесс над Ван Лицзюнем — главой управления общественной безопасности города Чунцин и помощником Бо Силая в его криминальных делах, первым озвучившим компромат на своего бывшего шефа, в том числе и предполагаемый факт его участия в заговоре против Си Цзиньпина, как раз и был призван решить эту задачу.

Хотя в официальном сообщении по «делу Ван Лицзюня» многое осталось за кадром [14], по-видимому, он рассказал достаточно, что-

бы начать процесс по делу Бо Силая. Так, согласно вердикту суда, оглашенному 24 сентября, по совокупности Ван Лицзюнь был приговорен к 15 годам тюремного заключения и лишению политических прав сроком на один год. Поскольку Ван Лицзюнь дал показания на Бо Силая и помог в расследовании «дела Хэйвуда», а также «раскрыл крупнейшие преступления и нарушения закона, совершенные другими лицами» и «сделал большой вклад в защиту правопорядка», вердикт оказался сравнительно мягким.

28 сентября на заседании Политбюро ЦК КПК было принято решение, согласно которому Бо Силай исключался из рядов ЦК КПК и увольнялся с государственной службы. Политбюро ЦК КПК также решило передать дело Бо Силая в судебные органы. 26 октября Постоянный комитет ВСНП объявил о том, что ПК Чунцинского СНП, забрав у Бо Силая депутатский мандат, лишил его и депутатского иммунитета от судебного преследования [15].

Параллельно Ху Цзиньтао предпринял попытку укрепить свои позиции в НОАК. 24 октября генералы Ма Сяотань, Фан Фэнхуэй, Чжан Ян, Чжао Кэши, Чжан Юся и Вэй Фэнхе были назначены на должности командующего ВВС, начальника Генерального штаба, начальника Главного политического управления, начальника Главного управления тыла, начальника Главного управления вооружения и военной техники и командующего Вторым артиллерийским корпусом (ядерные силы) соответственно [16]. Все новые назначения — протеже Ху Цзиньтао и большинство из них были повышены трижды самим Ху Цзиньтао*.

Эти шаги тандема «Ху — Вэнь» перевешивали чашу весов в его пользу, что явно не устраивало группировку «шанхайцев», которые решились на отчаянную попытку опорочить одного из членов тандема.

26 октября в New York Times появилась большая статья Дэвида Барбоза (David Barboza) [17], в которой утверждалось, что за время руководства Вэнь Цзябао разбогатели многие его родственники, включая мать, сына, дочь, младшего брата и шурина. Активы, которыми они владеют, оценивались журналистом как минимум в 2,7 млрд долл.

На имя самого Вэнь Цзябао никаких вкладов не зарегистрировано. Однако в статье содержалась крамольная мысль: «По документам

* В начале сентября он на две недели исчез из поля зрения журналистов. И хотя официальная пресса объясняла его долгое отсутствие в публичном пространстве болезнью, впоследствии стало известно, что Си Цзиньпин в конце августа подал прошение не назначать его генеральным секретарем и председателем КНР. — См.: Линь Фэнь. Почему Бо Силай рухнул, а Си Цзиньпин пропал на время? Часть 2 // The Epoch Times. — 2012, 17 октября // <http://www.epochtimes.ru>.

* Вэй Фэнхэ погоны генерал-полковника получил уже из рук Си Цзиньпина, а это свидетельствует о том, что новые назначения являются и его соратниками.

невозможно определить, отказался ли премьер принимать решения, которые могли повлиять на вклады его родственников, или к ним было какое-то предпочтительное отношение в плане инвестиций».

Адвокаты семьи Вэнь Цзябао отвергли обвинения как безосновательные, а сам Вэнь Цзябао инициировал проверку сведений, опубликованных в New York Times. ПК Политбюро ЦК КПК 5 ноября санкционировал начало расследования [18]. Чем оно закончится, сказать сложно, но то, что вброс этого компромата оказал влияние на ход съезда и его решения (особенно кадровые), уже свершившийся факт.

Незадолго до XVIII съезда КПК в журнале «Сюэси шибao» появилась статья Дэн Юйвэня под броским заголовком «Политическое наследство Ху — Вэня». Позднее статья была растиражирована наиболее влиятельными китайскими изданиями и воспроизведена на ряде сайтов в Интернете [19].

Статья обращает на себя внимание в силу нескольких обстоятельств. Во-первых, журнал — орган Центральной партшколы ЦК КПК, которая не только готовит партийных функционеров высокого ранга для всей страны, но и служит важнейшим мозговым центром разработки партийной идеологии и политики. Во-вторых, главой Центральной партшколы в то время являлся Си Цзиньпин. Поэтому легко предположить, что позиция журнала отражает его взгляды. Наконец, автор статьи — не рядовой профессор, а заместитель главного редактора журнала.

Но главное — содержание этой статьи. По традиции она начинается с перечисления успехов десятилетнего правления тандема «Ху — Вэнь». К их числу автор относит следующие:

- По объему экономики Китай занял второе место, войдя в число государств со средним уровнем дохода; численность бедных постоянно сокращалась; доход на душу населения увеличился с 1 000 долл. в 2002 г. до 5 414 долл. в 2011 г., а число бедных снизилось до 120 миллионов человек.
- Была предложена новая модель развития; научная концепция развития и концепция строительства гармоничного общества — ее символы.
- Сделаны первые шаги в открытости политической системы, началось создание прозрачного правительства.
- В ходе втягивания Китая в мировой финансовый кризис определилось место Китая в мировой экономике, и сейчас невозможно его возвращение к прошлой закрытости.
- Достигнуты первые успехи в социальном строительстве.

- Быстрыми темпами развивалась урбанизация.
- Выдвинуты идеи и позиции в отношении нового мирового порядка, усилились международные позиции и влияние, о чем свидетельствует появление «китайской модели» и концепции G2, а также повышение мощи Китая и китайского голоса в международных делах.

Вторая часть статьи говорит о том, чего тандему «Ху — Вэнь» сделать не удалось:

- Пока не удалось достичь качественного прорыва в упорядочении экономической структуры и в становлении общества потребления.
- Необходимо от модели экономического развития, основанной на инвестициях, экспорте и неограниченном потреблении ресурсов, переходить к модели экономического развития, базирующейся на инновациях и внутреннем потреблении, разрешая проблему устойчивого развития внутренней экономики.
- Пока не удастся эффективно готовить и воспитывать широкий средний класс.
- Сохранение прописки по исходному месту жительства консервирует разрыв между городом и деревней.
- Реализация устаревшей демографической политики ведет не только к быстрому старению населения, но и к стремительному сокращению демографических преимуществ.
- Администрирование образования и науки убивает стремление специалистов к инновациям; пока неочевидна тенденция перехода к оценке их труда по степени эффективности и научной специализации.
- Загрязнение окружающей среды стало повсеместным, проблема загрязнения не решается.
- Пока еще не создана система стабильных поставок энергоресурсов.
- Система общественной морали потерпела крах, старая идеология обанкротилась, не создана система ценностей, способная эффективно служить людям.
- Пожарные и стабилизирующие меры в дипломатии, недостаток общего кругозора, стратегии и конкретного понимания пока не позволяют эффективно использовать изменения международной обстановки в свою пользу, что ведет к пассивности китайской дипломатии.
- Политическая реформа и демократизация продвигаются слабо, далеко отставая от надежд граждан на возврат прав народу.

Во многом предложенный в статье анализ отражает реальное положение дел. И если добавить к данному списку необходимость борьбы с коррупцией*, а также падающий катастрофически быстрыми темпами позитивный имидж КПК, то перечень стоящих перед новым руководством КНР социально-политических проблем будет достаточно полным.

Другой вопрос, зачем такого рода статья понадобилась Си Цзиньпину? Здесь можно строить лишь предположения. Одно из них заключается в том, что тем самым Си Цзиньпин дает понять оппонентам тандема «Ху — Вэнь», а следовательно, и своим будущим оппонентам о некотором несогласии со своими предшественниками и готов идти дальше них. Это — аванс либералам и реформаторам.

С другой стороны, косвенная критика тандема со стороны «принца» Си Цзиньпина — сигнал «шанхайцам» о том, что будущий глава КПК и КНР готов к диалогу и «мостов не сжигает».

Наконец, это сигнал китайскому общественному мнению и Западу — новое руководство намерено углублять реформы, причем акцентируя внимание на реформе политической системы.

Как бы там ни было, но меседж сработал. Си Цзиньпин был принят и различными политическими группировками в КПК, и китайским общественным мнением, и Западом. Теперь дело за малым — попытаться, не нанося существенного ущерба социально-политической стабильности, предложить программу политической либерализации, а главное, реализовать ее на практике.

* Кстати говоря, обвинять тандем «Ху — Вэнь» в отсутствии борьбы с коррупцией не совсем корректно. За 2003—2009 гг. судами различных инстанций было рассмотрено более 240 тысяч дел по коррупционным преступлениям. В 2009 г. понесли уголовное наказание 3 194 коррупционера. В 2010—2011 гг. было рассмотрено 32 тысячи дел, по которым проходило более 44 тысяч человек. В 2010 г. к ответственности были привлечены 3 969 коррупционеров, в 2011 г. — 4 317 коррупционеров. В 2005—2009 гг. работа была сконцентрирована на выявлении коррупции в торговле, было рассмотрено 69,2 тысяч дел, ущерб от которых составил 16,59 млрд юаней. — См.: Ван Чжигу. *Фань фу чан лян: шици да илай 40 гз гуаньцзян цы (Против разложения за честность: 40 ключевых слов после XVII съезда) // Цзянча жибао. — 2012, 6 ноября // <http://www.qstheory.cn>; Чжунго ды фань фубай хэ лянчжэн цзяньшэ. Бай пишу (Белая книга о борьбе с разложением и строительстве честного правления в Китае) // Пресс-канцелярия Госсовета. — 2010, 29 декабря // <http://news.qq.com>.*

Не смущало их и то, что КПК «вынесет сор из избы» и даже шли на то, чтобы «пожарить большую рыбу». Уже после XVII съезда КПК за коррупционные преступления были приговорены к смертной казни: бывший вице-мэр Пекина Лю Чжигуа, президент компании Sinopet Чань Тунхай, бывший вице-губернатор провинции Аньхой Хэ Минсюй, бывший прокурор города Тяньцзинь Ли Баоцзинь, бывший глава администрации пекинского района Хайдянь Чжоу Ляньло, бывший гендиректор и председатель совета директоров Пекинского международного аэропорта Ли Пэйин, бывший начальник госуправления Китая по надзору за качеством продуктов и медикаментами Чжэн Сюаняй, к пожизненному заключению был приговорен бывший зампред Верховного суда КНР Хуан Сунью.

Наиболее «урожайным» на посадки высокопоставленных коррупционеров оказался 2012 г. К пожизненному заключению были приговорены: заместитель председателя правительства автономного района Внутренняя Монголия Лю Чжонжи, начальник управления транспорта провинции Хэнань Дун Шуйань, заместитель начальника департамента планирования и обустройства земель открытого экономического района Янгу провинции Хайнань, сделавший головокружительную карьеру, 32-летний Сяо Минхуй, заместитель начальника управления земельных ресурсов Чжан Гохуа. К десяти годам заключения был приговорен заместитель мэра города Сянтань Чжу Шаочжун, к семи годам — заместитель мэра города Чунцин, начальник управления общественной безопасности Ван Лицзюнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэнь Цзябао. Жан цюаньли цзай янгуан ся юньсин (Пусть власть движется при солнечном свете) // Цюйши. — 2012. — №8.
2. Иванов И. Из Китая массово утекают деньги и уезжают зажиточные люди // The Epoch Times. — 2012, 17 декабря; Линь Джейн. Богатства нации готовят к вывозу. Там же. 2012, 17 декабря; Лю Сяочжэнь. China Economic Weekly публикует отчет о чиновниках, сбегающих за границу. Там же. 2012, 20 июня // <http://www.epochtimes.ru>.
3. Лю Сяочжэнь. China Economic Weekly публикует отчет о чиновниках, сбегающих за границу.; Тянь Ариэль. Огромное количество чиновников готовится к побегу из Китая // The Epoch Times. — 2012, 3 июня // <http://www.epochtimes.ru>.
4. Иванов И. Китайские миллионеры — кто они? // The Epoch Times. — 2012, 3 июня // <http://www.epochtimes.ru>.
5. Линь Фэн. Ху Цзиньтао. Партия находится в критическом положении // The Epoch Times. — 2012, 1 июля // <http://www.epochtimes.ru>.
6. Иванов И. Необычные результаты соцопроса: китайцы не любят диктатуру и коммунистических лидеров // The Epoch Times. — 2012, 16 июля // <http://www.epochtimes.ru>.
7. Иванов И. Си Цзиньпин признал кризис законности правления компартии в Китае // The Epoch Times. — 2012, 29 октября // <http://www.epochtimes.ru>.
8. Галенович Ю.М. Китайские сюжеты. Чем доволен и недоволен Китай. — М.: Восточная книга, 2010. — С. 198—243.
9. Началась пресс-конференция премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао // Агентство Синьхуа. — 2012, 14 марта // <http://www.russian.xinhuanet.com>.
10. Чжэнчжи тичжи гайгэ взнбу туйцзинь (Уверенно проводить реформу политической системы) // Жэньминь жибао. — 2012, 14 мая.
11. Павлов В. В Китае к власти придет семья миллионеров // РБК daily. — 2012, 2 июля.
12. Скосяев В. Репутация Си Цзиньпина может серьезно пострадать // Независимая газета. — 2012, 2 июля.
13. Ци чанвэй гункай гэжэнь цзятин цинкуан чжансян синьчин (Развитие новой формы открытости информации о семье и личностях семи членов Постоянного Комитета) // Агентство Синьхуа. — 2012, 24—26 декабря // <http://renshi.people.com.cn>.
14. Ван Лицзюнь аньтин шэнь цзи аньцин шивэй: дуй Бо-Гу Кайлай мими луинь (Суд по делу Ван Лицзюня и материалы дела от начала до конца: Тайные записи в отношении Бо-Гу Кайлай) // Синьхуа Ван. — 2012, 20 сентября // <http://www.legaldaily.com.cn>.
15. По решению ЦК КПК Бо Силай исключен из рядов ЦК КПК и уволен с госслужбы // Агентство Синьхуа. — 2012, 29 сентября // <http://www.russian.xinhuanet.com>; Бо Силай освобожден от полномочий депутата ВСНП 11-го созыва. Там же. 2012, 26 октября // <http://www.russian.xinhuanet.com>.
16. Линь Джейн. Лидер компартии Китая усиливает контроль над военными перед уходом // The Epoch Times. — 2012, 1 ноября // <http://www.epochtimes.ru>; Мануков С. Пекин произвел перестановки в командовании вооруженными силами КНР // Expert Online. — 2012, 29 октября.
17. Barboza David. Billions in Hidden Riches for Family of Chinese Leader // The New York Times (US). — October 26, 2012.
18. Одинок А. На съезд КПК вынесли важный вброс // Коммерсантъ. — 2012, 29 октября; Петрова С. Обвинение Вэнь Цзябао в коррупции — продолжение борьбы фракций в Китае // The Epoch Times. — 2012, 29 октября // <http://www.epochtimes.ru>.
19. Дэн Юйвэнь. Ху Вэнь ды чжэнчжи ичан (Политическое наследство Ху — Вэня) // Сайцин. — 2012. — №22 (сентябрь) // <http://www.magazine.caijing.com.cn>; Дэн Юйвэнь. Дисы дай цзиги линдао ды чжэнчжи ичан (Политическое наследство коллективного руководства четвертого поколения). — 2012, 30 августа // <http://www.cuncunle.com>.

Правовые основы добрососедства

АЛИМОВ Р.К.

9 марта 1993 г. в Пекине состоялась первая встреча руководителей РТ и КНР на высшем уровне и была подписана Совместная декларация об основных принципах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой

В двадцатилетней истории отношений Таджикистана и Китая есть ряд двусторонних документов, которые являются фундаментальной основой и несущей конструкцией «высочайшей прочности» в наших добрососедских, дружеских отношениях. Среди таких документов важнейшей является *Совместная декларация об основных принципах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой* [1], которая заложила прочную правовую основу для развития двусторонних отношений в интересах народов двух соседних стран, внесла свой весомый вклад в дело сохранения мира и стабильности в Азии и во всем мире.

Как известно, период начала 90-х гг. XX столетия ознаменовался эпохальными преобразованиями, коренным образом изменившими жизнь народов во многих частях земного шара, в том числе и на обширном евразийском пространстве. В частности, на фоне стремительной дезинтеграции СССР на политической карте мира появились новые суверенные государства, каждое из которых, имея разные стартовые возможности и сложившиеся к тому времени внутренние условия, пыталось найти свой путь политического, социально-экономического и культурного развития для обеспечения долговременного и стабильного развития в интересах собственного народа, свое место в международном сообществе.

Стоит напомнить, что в отличие от других новообразованных государств Центральной Азии новейшая история таджикской госу-

дарственности с первых дней независимости* была омрачена тяжелым бременем внутривластного противостояния, которое привело общество к гражданской войне. Силы различной политической ориентации разжигали огонь вражды, а внешние силы пытались использовать ситуацию в своих целях. Центральное правительство было парализовано. Ядовитые бациллы ненависти и страха отравляли все поры таджикского общества. В этих условиях опасные явления сепаратизма, экстремизма и терроризма нашли питательную почву для своего активного проявления. Молодое таджикское государство, еще не встав на ноги, лицом к лицу столкнулось с реальной угрозой правового беспредела, анархии и распада, а общество — перед лицом глубочайшего раскола. На карту была поставлена не только судьба возрожденной таджикской государственности, но и таджикского народа, который требовал от легитимной власти положить конец правовому нигилизму и «потушить» разгоравшийся пожар междоусобицы.

Собравшийся в этих чрезвычайных условиях таджикский парламент в ноябре 1992 г. принял ряд важных решений, которые должны были вернуть мир и национальное согласие на таджикскую землю, создать условия для стабильного и устойчивого развития страны [2]. В частности, было сформировано ответственное правительство и избран новый глава государства. Во главе республики встал молодой, энергичный и целеустремленный политик — Эмомали Рахмон, которому народные представители доверили судьбу страны и народа. Благодаря титаническим усилиям нового главы государства и правительства, сумевшего консолидировать общество за короткий по историческим меркам период при поддержке ООН, России, Ирана и других государств — друзей Таджикистана, на таджикской земле установились прочный мир, национальное согласие и надежда на лучшую жизнь.

С именем Эмомали Рахмона по праву связаны крупные достижения таджикского народа в деле строительства демократического, правового и светского Таджикистана, а также достойное место страны в международном сообществе и ее заметная роль в решении региональных и международных проблем.

Неоценим вклад Президента РТ Эмомали Рахмона в установление прочных добрососедских отношений с великим восточным соседом — Китайской Народной Республикой, которая в числе первых

* Республика Таджикистан провозгласила о своей независимости 9 сентября 1991 г.

признала независимость Республики Таджикистан*. Во времена Советского Союза Китай для Таджикистана был далекой и загадочной страной. «Ворота в Китай» были наглухо закрыты, воздушных мостов и наземных (железнодорожного и автомобильного) путей сообщения с Таджикистаном не существовало, равно как и прямых торгово-экономических и культурно-гуманитарных связей. Для молодого государства, вступающего на самостоятельный независимый путь развития и ищущего свое место в сообществе наций, налаживание отношений дружбы и сотрудничества с КНР — мировой державой и одним из своих четырех соседей** имело исключительно важное, а во многом и судьбоносное значение. Президент Эмомали Рахмон глубоко осознал, что, только развивая и углубляя добрососедство, дружбу, взаимодействие и сотрудничество, Таджикистан и Китай смогут выйти на путь долгосрочного соразвития в интересах своих стран и с учетом самостоятельного выбора, сделанного таджикским и китайским народами.

8—11 марта 1993 г., то есть через сто дней после своего избрания на пост главы государства, Председателя Верховного Совета Республики Таджикистан, по приглашению правительства КНР Эмомали Рахмон совершил свой первый официальный визит в Китайскую Народную Республику. В Пекине в дружественной и деловой атмосфере прошли встречи и переговоры таджикского лидера с Генеральным секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Китая Цзян Цзэминем, Председателем Китайской Народной Республики Ян Шанкунем и Премьером Государственного совета КНР Ли Пэном. Состоялся глубокий обмен мнениями по вопросам двусторонних отношений, а также по международным проблемам, представляющим взаимный интерес. Визит получил широкое освещение в китайских и таджикских средствах массовой информации, вызвал большой интерес в регионе Азии и в мире [3].

Высокий уровень приема, открытый и доверительный характер обмена мнениями с китайскими руководителями и как результат — всесторонняя поддержка со стороны постоянного члена Совета Безопасности ООН имели неоценимое значение, оказывали большое влияние не только на дальнейший ход развития двусторонних отношений, но и на укрепление авторитета правительства Таджикистана

* Дипломатические отношения между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой были установлены 4 января 1992 г.

** Республика Таджикистан граничит с Исламским Государством Афганистан, Кыргызской Республикой, Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой.

в мире. Руководители РТ и КНР выразили удовлетворение итогами первой в истории таджикско-китайской встречи на высшем уровне, высоко оценили тот факт, что отношения двух стран вступили в качественно новый этап. Они выразили твердую убежденность в том, что имеются широкие перспективы развития отношений между двумя государствами, и заверили друг друга, что будут прилагать усилия для наиболее полной их реализации [4].

По итогам состоявшихся переговоров 9 марта 1993 г. в торжественной обстановке была принята *Совместная декларация об основных принципах взаимоотношений между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой*. В этом историческом документе, подписанном Председателем Верховного Совета Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном и Председателем Китайской Народной Республики Ян Шанкунем, был впервые сформулирован и одобрен целый ряд положений, которые затем стали фундаментальной основой для развития стабильных, обращенных в долгосрочное будущее взаимоотношений сторон.

Выработке и подписанию первой Совместной декларации предшествовала большая, кропотливая и творческая работа политиков и дипломатов двух стран. Стороны стремились к тому, чтобы в новых исторических условиях не только отразить желание двух соседних государств строить равноправные и взаимовыгодные отношения, но и определить главные направления и сферы таджикско-китайского сотрудничества на длительную перспективу, обозначить наиболее важные векторы взаимодействия, в том числе и на международном уровне, отвечающие интересам и чаяниям двух народов.

Прежде всего, стороны договорились, что будут развивать отношения добрососедства, дружбы и взаимовыгодного сотрудничества на основе принципов взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. Исключительно важной стала договоренность о том, что стороны будут решать мирными средствами все возникающие между ними вопросы, не будут прибегать к силе или угрозе силой в какой-либо форме в отношении друг друга. Каждая из сторон взяла на себя твердое обязательство воздержаться от участия в каких-либо враждебных действиях, направленных против одной из сторон, а также не допускать, чтобы территория одной стороны была использована в целях ущемления национального суверенитета и интересов безопасности другой стороны.

Принципиально важным шагом на пути становления подлинно равноправных отношений стало зафиксированное в Совместной декларации важнейшее положение о том, что «все государства, независимо от того, большие они или малые, сильные или слабые, богатые или бедные, имеют равные права в международном сообществе. Каждое государство имеет право в соответствии со своими особенностями выбирать социальный строй, идеологию, экономическую модель и путь развития. Различия в этих сферах не должны мешать развитию нормальных межгосударственных отношений» [5].

Это принципиальное положение совместного документа имело особую ценность, отражало мудрость и зрелость, присущие китайской политической культуре, свидетельствовало о проявлении большой политической дальновидности сторон. Оно стало не только важным фактором установления доверия в зарождающихся двусторонних связях, важным стимулом для выстраивания долгосрочных добрососедских отношений между РТ и КНР, но и послужило серьезным сигналом для тех внутренних и внешних сил, которые во «времена великих перемен» пытались сбить «корабль независимости» Республики Таджикистан с избранного курса на построение демократического, правового и светского государства.

Сегодня можно со всей определенностью сказать, что благодаря помощи и поддержке искренних друзей Таджикистана, среди которых Китай занимает особое место, ни «подводные рифы», ни «коварные воронки», никто и ничто не смогут изменить его фарватера. Супротив всему «корабль независимости» Республики Таджикистан выстоял и окреп, обрел новое дыхание и широко расправил свои паруса.

В Совместной декларации была также подтверждена неизменность поддержки политики друг друга в вопросах, касающихся суверенитета и территориальной целостности. Правительство Таджикистана подтвердило, что признает правительство Китая в качестве единственного законного правительства КНР, а Тайвань — как неотъемлемую часть Китая. Правительство КНР, в свою очередь, выразило поддержку усилиям, предпринимаемым правительством РТ по защите национальной независимости и суверенитета, установления мира и стабильности на территории Таджикистана.

Руководители РТ и КНР особо отметили важность развития экономического сотрудничества как составной части двусторонних отношений и обязались укреплять и углублять его на основе равенства и взаимной выгоды.

В Документе нашла также отражение заинтересованность сторон в развитии сотрудничества в таких областях, как наука и техника, образование и культура, информация и здравоохранение, туризм и спорт.

Большое значение стороны уделили обсуждению оставшихся от истории пограничных вопросов. Для независимого Таджикистана эта тема была новой, но исключительно важной. У СССР и Китая (а значит, и у вновь образованной Республики Таджикистан) никогда не было точно определенной линии границы. В период, когда Таджикистан входил в состав СССР, республика де-юре не имела внешних границ, а с союзными республиками (Кыргызстаном и Узбекистаном) границы были административными. Установление и оформление в правовом отношении международных границ с сопредельными государствами для любой страны вопрос всегда архисложный, так как речь идет об определении границ национальной территории. К примеру, вопрос о границе между СССР и КНР оказался в центре внимания в конце 1950-х гг., а развязка возникших проблем была найдена лишь в конце XX и начале XXI в. [6], причем после развала СССР.

Глубоко осознавая необходимость найти взаимоприемлемые, справедливые и рациональные решения, руководители РТ и КНР оговорились продолжить обсуждение нерешенных пограничных вопросов на основе общепризнанных норм международного права, в духе равноправных консультаций и взаимопонимания. Как известно, для полного и окончательного урегулирования спорных вопросов сторонам потребовалось почти два десятилетия. В настоящее время государственная граница между Китаем и Таджикистаном существует и представляет собой границу мира и дружбы [7]. Решение вопроса о точном определении прохождения линии границы на всем ее протяжении, признаваемой обоими государствами, стало важным шагом в развитии двусторонних отношений.

Особое внимание стороны уделили вопросам взаимодействия в борьбе с международным терроризмом, незаконной торговлей наркотиками, организованной преступностью, контрабандой и другим видам преступности. Дальнейший ход истории показал, насколько дальновидным было это решение.

Стороны подтвердили свою приверженность целям и принципам Устава ООН — наиболее авторитетной и универсальной международной организации, высказались за укрепление ее роли и авторитета в деле эффективного осуществления общепризнанных норм

международного права, обеспечения мира и международной безопасности. Стоит напомнить, что Китайская Народная Республика является одним из «отцов-основателей» ООН, а Республика Таджикистан стала полноправным членом Организации Объединенных Наций 2 марта 1992 г.

Руководители РТ и КНР констатировали, что оба государства имеют сходные и близкие позиции по основным проблемам, таким, как мир и развитие, разоружение, предотвращение гонки вооружений, будут содействовать обеспечению и сохранению мира, безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и во всем мире. Важным тезисом, прозвучавшим в Совместной декларации, стало положение о недопустимости проявления любого гегемонизма в международных отношениях.

Окидывая взглядом двадцатилетний период со времени подписания Совместной декларации, можно с глубоким удовлетворением отметить, что в марте 1993 г., определив «дорожную карту» перспективного развития таджикско-китайских отношений, стороны совместными усилиями за истекшие два десятилетия смогли добиться небывалого подъема двустороннего сотрудничества. В результате последовательной линии руководства двух стран были устранены «раздражители» и решены масштабные задачи, открывшие возможности для неуклонного продвижения отношений вперед. Полное и окончательное урегулирование пограничного вопроса позволило выйти на подписание в январе 2007 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РТ и КНР [8] и в дальнейшем развивать двусторонние отношения на более прочной и долгосрочной основе.

Особую ценность представляют сложившиеся глубоко доверительные и конструктивные отношения между высшими руководителями Таджикистана и Китая. В последнее десятилетие осуществляется самый интенсивный и разносторонний политический диалог, обогащающий и активно стимулирующий динамичное развитие таджикско-китайских отношений. Добрая традиция поддержания личных дружественных контактов на самом высоком уровне, заложенная на исторической встрече Эмомали Рахмона с Цзянь Цземинем в марте 1993 г., продолжается и поныне: в период между 2003-м и 2012 г. Президент РТ Эмомали Рахмон и Председатель КНР Ху Цзиньтао встречались тринадцать раз [9]. Такого уровня контактов нет ни с одной другой страной мира, за исключением России. Важно, что руководители двух государств встречаются не только в рам-

ках официальных визитов, но и используют возможности встреч «на полях» различных международных мероприятий.

Высокий уровень активности, демонстрируемый главами государств, является стимулирующим примером для членов правительств: регулярными стали встречи премьеров и ключевых министров, которые также установили между собой прямые дружеские связи. Ежегодные контакты на высоком уровне имеют большое практическое значение, так как в их рамках решаются наиболее важные вопросы взаимодействия сторон по межправительственной линии. Регулярные встречи и консультации проводятся по линии МИД двух стран, силовых структур и оборонных ведомств, министерств экономики, образования и культуры, законодательных органов и обществ дружбы. В последние годы все более значимую роль в двусторонних связях играет Межправительственная комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству между РТ и КНР, а также ее Подкомиссия «Таджикистан — Синьцзян», созданная в 2010 г. Многоуровневые диалоговые механизмы, созданные по различным направлениям сотрудничества, позволяют гибко и оперативно реагировать и успешно решать возникающие вопросы.

Важнейшее значение для укрепления основ двусторонних отношений имеет торгово-экономическое сотрудничество. Начав с нулевой отметки, за двадцать лет стороны добились впечатляющих успехов. Так, согласно данным Китайской государственной таможни, в 2011 г. внешнеторговый оборот между РТ и КНР достиг 2 млрд 69 млн долл., что почти в тысячу раз больше, чем в 1994 г. (Несмотря на незначительное снижение общего объема двустороннего товарооборота в 2012 г. — 1 млрд 856 млн, стоит отметить увеличение на 56% таджикского экспорта в Китай, которое впервые превысило планку в 100 млн долл.) [10]. Этому во многом способствовало открытие прямых авиарейсов между городами двух стран и автомобильной дороги. Воздушное и наземное сообщение с Китаем позволило Таджикистану впервые в истории выйти из транспортного тупика, активно развивать торговые связи с великим восточным соседом. Открытие «западных ворот» в сторону РТ, в свою очередь, дало возможность китайским компаниям начать освоение таджикского рынка, осуществлять крупные инвестиционные проекты. Большие перспективы для Китая заложены в транзитном потенциале Таджикистана. Своеобразным связующим и торговым мостом между двумя странами стал и открытый в 2004 г. контрольно-пропускной пункт Кульма — Карасу, через который, согласно данным Управле-

ния коммерции Кашгарского округа СУАР КНР, ныне осуществляется свыше 60% товарооборота между РТ и КНР [11].

Не останавливаясь подробно на торгово-экономических связях между РТ и КНР, считаем важным отметить нарастающий интерес Китая к всемерному расширению торгово-экономических связей с Таджикистаном, преимущественно заметно растущее стремление к углублению взаимовыгодного сотрудничества в освоении минеральных ресурсов. Из года в год растет число китайских компаний, инвестирующих в добычу золота, цинка и свинца, редкоземельных металлов, которыми богаты недра Таджикистана. Текстильное производство и промышленность строительных материалов, сельское хозяйство и рыбководство также находятся в фокусе внимания инвесторов из Китая. Хорошим примером сотрудничества являются крупномасштабные проекты, осуществленные в Таджикистане в сфере энергетики и дорожного строительства при поддержке правительства Китая. Таким образом, китайские компании вносят свой практический вклад в реализацию трех стратегических целей, выдвинутых Президентом РТ Эмомали Рахмоном: вывести страну из коммуникационного тупика, обеспечить энергетическую независимость и продовольственную безопасность.

Политическое и экономическое сотрудничество двух государств, заложенное руководителями РТ и КНР в ходе первой встречи, базируется на взаимном доверии и конструктивном диалоге. Важный вклад в процесс взаимопонимания и доверия вносят Дни культуры, регулярные встречи представителей деловых и научных кругов, деятелей культуры и народной дипломатии. Большое значение для обеспечения добрососедских отношений между Таджикистаном и Китаем имеет сотрудничество в сфере образования. Так, согласно данным Министерства образования КНР, число таджикских студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Китая, ежегодно растет и в 2011/2012 учебном году достигло 1 189 человек. С 2008 г. в Таджикистане успешно работает Институт Конфуция, который является центром по изучению китайского языка и популяризации китайской культуры. За четыре года, по сведениям Института Конфуция при Таджикском национальном университете, свыше 200 его выпускников стали студентами и аспирантами университетов КНР.

Различные внутренние и внешние обстоятельства в той или иной степени пытаются оказать неблагоприятное влияние на таджикско-китайское добрососедство и партнерство. Непростая региональная

и сложная международная обстановка, общие вызовы и угрозы не только испытывают прочность дружеских отношений между РТ и КНР, но и диктуют необходимость укрепления сотрудничества, расширения взаимодействия и создания новых возможностей для долгосрочного соразвития. Очевидно, что Таджикистан и Китай нуждаются в мирном и добрососедском окружении, а дальнейшее упрочение взаимоотношений отвечает не только коренным интересам народов двух государств, но и служит важным фактором стабильности и безопасности в Азии.

В ходе официального визита в Китай в июне 2012 г. Президент РТ Эмомали Рахмон в беседе с Председателем КНР Ху Цзиньтао отметил, что «отношения с КНР занимают приоритетное место во внешней политике Таджикистана», и добавил: «...наши страны на протяжении двадцати лет дипломатических отношений превратились в добрых соседей, верных друзей и надежных партнеров». Ху Цзиньтао, в свою очередь, обращаясь к Эмомали Рахмону, заявил следующее: «Я признаю правильность вашей устойчивой и категоричной позиции в борьбе с тремя угрозами современного мира. Ваша личная роль в обеспечении региональной безопасности весьма заметна, и мы высоко ценим это» [12].

Определяя ключевые векторы сотрудничества, Таджикистан и Китай, прежде всего, исходят из собственных национальных интересов. В то же время очевидно, что они сопрягаются с ситуацией в мире в целом и на обширной территории Евразии в частности, учитывают состояние взаимоотношений с третьими странами. Если крупным планом выделить совпадающие интересы Таджикистана и Китая, то можно «выстроить» следующий первоочередной ряд:

- заинтересованность в сохранении и обеспечении мира в регионе и во всем мире как необходимого условия для решения проблем развития в каждой из наших стран;
- совместная борьба против международного терроризма, сепаратизма и экстремизма, незаконного оборота наркотиков и организованной преступности;
- взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества с целью сохранения долгосрочного мира и безопасности на пространстве ШОС, превращения Центральной Азии в регион мира, взаимодействия, открытости, благополучия и полной гармонии;
- взаимодействие на международном и региональном уровне, прежде всего в рамках ООН и ШОС, по вопросам содействия Афганистану в деле возвращения устойчивого мира и стабильности на

афганскую землю, строительства современного, демократического и суверенного государства;

- взаимодополняющее многовекторное сотрудничество в деле взаимовыгодного долгосрочного соразвития Таджикистана и Китая.

В интересах РТ и КНР в среднесрочной и долгосрочной перспективе держать в фокусе постоянного внимания практические вопросы обоюдного взаимодействия и многовекторного сотрудничества.

Безусловно, что основной вектор развития китайско-таджикских отношений в среднесрочной перспективе определяется первостепенным значением, которое КНР придает отношениям с соседними государствами. В Отчетном докладе 18 съезду Компартии Китая Генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао подчеркнул, что Китай будет «с неизменной доброжелательностью и по-партнерски относиться к сопредельным странам, укрепляя с ними отношения дружбы и добрососедства, углублять взаимовыгодное сотрудничество и старательно добиваться того, чтобы они больше выгадывали от нашего развития... Китайский народ горячо любит мир, жаждет развития и готов вместе с народами всех стран прилагать неустанные усилия во имя благородного дела мира и развития человечества» [13].

В контексте прихода к руководству КНР нового поколения китайских руководителей это заявление имеет большое значение. Оно свидетельствует о том, что заинтересованность Китая в сотрудничестве с государствами Центральной Азии, включая Таджикистан, в ближайшее десятилетие будет объективно иметь тенденцию к развитию. Важно, чтобы на базе уже достигнутых успехов был обеспечен очередной прорыв в торгово-экономических и культурно-гуманитарных связях, а стремление к соразвитию наполнилось новым содержанием. Речь, прежде всего, идет о приходе китайского капитала в богатый ресурсами гидроэнергетический сектор экономики Таджикистана, ведущие отрасли промышленности и сельского хозяйства, о существенном (в разы!) увеличении инвестиционной составной двустороннего сотрудничества. Очевидно, что для достижения новых целей потребуются настойчивая и последовательная совместная работа, учет интересов друг друга и дальнейшее укрепление взаимного доверия.

РТ и КНР вступили в третье десятилетие добрососедства и сотрудничества. Перед сторонами открываются новые широкие горизонты сотрудничества, берущего свое начало с первой встречи руководителей Таджикистана и Китая в марте 1993 г. *Большое ви-*

дится на расстоянии. Чем дальше в историю уходит это событие, тем большую значимость оно приобретает. Историческое значение первой встречи руководителей Таджикистана и Китая в марте 1993 г. и подписания Совместной декларации об основных принципах взаимоотношений между РТ и КНР заключается в том, что они стали своеобразным ключом, которым были открыты «страновые ворота» друг друга и определены перспективы укрепления добрососедства, дружбы и соразвития. Исключительное значение имело и то, что стороны четко и недвусмысленно заявили о взаимной готовности оказывать друг другу поддержку в вопросах суверенитета и сохранения территориальной целостности. Первая встреча также продемонстрировала, что коренные интересы двух государств и народов совпадают. С тех пор и поныне Таджикистан и Китай непоколебимо стоят вместе перед лицом вызовов и угроз, твердо следуют выбранному курсу мира, созидания и развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Таджикистан — Китай. Сборник основных документов (1992—2002 гг.). — Пекин, 2008. — С. 48—52.
2. Рахмон Э. Речь на торжественном собрании, посвященном 20-й годовщине XVI сессии Верховного Совета Республики Таджикистан, Душанбе, 16 ноября 2012 г. // <http://www.president.tj>; Рахмон Э. Выступление на торжественном собрании, посвященном 20-летию XVI сессии Верховного Совета Таджикистана, Бабаджан Гафуровский район, 19 ноября 2012 г.
3. Назриев Д.Х., Саттаров И.Х. Республика Таджикистан: история независимости (хроника событий). Год 1993-й. Том Ш. — Душанбе: Ирфон, 2006. — С. 138—141.
4. Renmin Ribao, China Daily. — 1993, 8, 9, 10 марта.
5. Таджикистан — Китай. Сборник основных документов... С. 49.
6. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия — 2050: стратегия соразвития. — М., 2007. — С. 121—124.
7. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой. Статья 4. — В кн.: Таджикистан — Китай. Сборник основных документов... С. 130.
8. Китай и Таджикистан подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве // Женьмин жибао он-лайн // <http://russian.people.com>. — 2007, 16 января.
9. Ху Цзиньтао провел переговоры с Президентом Таджикистана Эмомали Рахмоном // Женьмин жибао он-лайн // <http://russian.people.com>. — 2012, 5 июня.
10. Алимов Р. Таджикистан и Китай: опыт и возможности соразвития. — М.: ИДН РАН, 2011. — С. 16.
11. Алимов Р. Таджикистан и Китай: на пути друг к другу. — М.: ИДН РАН, 2012. — С. 114.
12. Эмомали Рахмон встретился с Ху Цзиньтао // Президент Республики Таджикистан // <http://www.president.tj>. — 2012, 5 июня.
13. Полный текст доклада, с которым выступил Ху Цзиньтао на 18-м съезде КПК 1/1 (22) // Женьмин жибао он-лайн // <http://russian.people.com>. — 2012, 19 ноября.

Проблемы трансграничных водных ресурсов в Центральной Азии

ПИКУЛИНА М.Л.

Центральная Азия, включающая в себя территории Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана и южную часть Казахстана, представляет собой совокупность равнин с преобладанием пустынных и полупустынных ландшафтов (Туранская низменность) и горных систем Тянь-Шаня и Памиро-Алтая высотой до 7,5 км, изобилующих ледниками. Регион является областью внутреннего стока преимущественно в крупнейшие озера — Аральское море и Балхаш. Особенностью региона является засушливый климат с малым количеством осадков. Это делает воду одним из ценнейших ресурсов, а эффективное использование водных ресурсов в странах Центральной Азии — исключительно важной региональной проблемой.

Экономики государств Центральноазиатского региона полностью взаимосвязаны не только в аграрном секторе, но и в гидроэнергетике. При этом страны региона существенно различаются по степени обеспеченности водными ресурсами: если Таджикистан и Кыргызстан в силу своего географического положения находятся в более выгодном положении, то Казахстан и Узбекистан испытывают острый дефицит в воде, особенно в летний период. К числу центральноазиатских стран, испытывающих острую нехватку пресной воды, относится также и Туркменистан.

В связи с тем, что все страны региона являются в основном аграрными, водохозяйственная проблема в Центральной Азии стала одной из самых сложных, периодически вызывая серьезную напряженность в межгосударственных отношениях отдельных централь-

ноазиатских стран. Проблема доступа к ресурсам пресной воды и их рационального использования самым непосредственным образом связана с развитием сельского хозяйства, нормальным жизнеобеспечением населения. По прогнозам специалистов, в ближайшие десять-пятнадцать лет потребность в воде в регионе может увеличиться на 40%, что не может не отразиться на конфликтном потенциале региона, ведь недостаток водных ресурсов во многом ограничивает экономическое развитие государств ЦА.

История вопроса

Проблемы водопользования в советский период были связаны с нерациональным использованием водных ресурсов, приводившим к экологическим и экономическим проблемам. СССР нуждался в хлопке-сырце, который приходилось закупать за границей, а выращивать его на собственной территории в широких масштабах можно было лишь на орошаемых землях Аральского бассейна. Чтобы обеспечить «хлопковую независимость» и расширить площадь хлопковых посевов, строились оросительные каналы. В 1949 г. при содействии академика Александра Аскочинского была запущена программа перераспределения стока реки Амударьи по Приаральской низменности, что и стало началом сокращения речного питания Аральского моря. Все дальнейшие проекты по орошению пустынных земель приводили к усыханию Аральского моря. Построенный в период между 1954-м и 1988 г. Каракумский канал, который является одним из самых крупных каналов в мире, используемых для ирригации и переброски воды, по мнению многих международных экспертов, стал одним из основных факторов, приведших к экологической катастрофе Аральского моря. Впервые последствия перераспределения речного стока проявились в 1961 г., когда уровень Аральского моря начал падать. В дальнейшем последствия становились все трагичнее. В результате в настоящее время на месте Аральского моря образовалась солончаковая пустыня.

Айдаро-Арнасайская система озер появилась в результате катастрофического сброса воды из Чардарьинского водохранилища в 1969 г. Тогда было сброшено более 21 км³ воды. Образовалась система озер площадью 2 175 км². За последующие десять лет уровень воды понижался, засоленность и концентрация ядовитых веществ увеличивалась. К 1978 г. уровень понизился на 5 м и засоленность озер достигла критического уровня. Было решено приступить к ре-

конструкции озерной системы. Это привело к временному улучшению ситуации. В настоящее время ведутся постоянные наблюдения за ситуацией на этих озерах. Если не будет ежегодной строго определенной подпитки свежей воды для всей системы озер, то в скором времени минерализация начнет повышаться и водоем превратится во второй Арал.

Острым вопросом является и ситуация с Фархадской ГЭС. Она представляет собой сложный комплекс сооружений, расположенных на территории протяженностью 22 км. Помимо выработки электроэнергии, Фархадская ГЭС обеспечивает забор воды в ряд оросительных каналов. Фархадское водохранилище было образовано в 1947 г. плотиной Фархадской ГЭС на реке Сырдарье на территории Таджикской ССР и Узбекской ССР. Площадь — 48 км², объем — 350 млн м³. Это сложный комплекс сооружений, расположенных на территории протяженностью 22 км. Помимо выработки электроэнергии, Фархадская ГЭС обеспечивает забор воды в ряд оросительных каналов. В настоящее время оборудование ГЭС устарело и подлежит замене. Реконструкция оборудования Фархадской ГЭС входит в состав перспективных инвестиционных программ Узбекистана с планируемым сроком реализации в 2011—2013 гг. Стоимость модернизации ГЭС предварительно оценена в 5,5 млрд долл.

Наиболее полноводной рекой региона является Амударья, среднесуточный сток которой составляет 78,46 км³. Более 80% (62,90 км³) стока этой реки формируется на территории Республики Таджикистан. На территории Узбекистана формируется 4,70 км³ (6%), Кыргызстана — 1,90 км³ (2,42%), Туркменистана (с Ираном) — 2,79 км³ (3,5%) и Афганистана — 6,18 км³ (7,9%) стока реки Амударьи. Среднесуточный сток реки Сырдарьи равен 37,14 км³, из них 73,8% (27,40 км³) формируется на территории Кыргызской Республики. На территории Республики Таджикистан формируется только 1,10 км³ (2,96%) водных ресурсов бассейна реки Сырдарьи. Основным источником речного стока в Центральной Азии являются ледники и снежники, обеспечивающие 25—30% годового стока. Проблема сокращения ледников в горах Кыргызстана и Таджикистана влияет на ситуацию с водой.

За период с 1960-го по 2000 г. орошаемая площадь в регионе увеличилась почти в два раза. Наибольшие площади орошения приходятся на страны низовья, и особенно на Узбекистан, где расположено более половины всех орошаемых земель бассейна Аральского моря. Соответственно, большая часть водных ресурсов региона

(около 60%) также используется этой страной. А в Таджикистане и Кыргызстане обеспеченность орошаемыми землями является самой низкой по сравнению с другими странами региона.

Во времена СССР было налажено снабжение республик верховья энергоносителями (газом и углем), поставщиками которых выступали равнинные страны. Это позволяло компенсировать потери от простоя гидроэнергетических мощностей в зимнее время. Однако после получения среднеазиатскими республиками независимости эта система рухнула, а сменившая централизованное регулирование система двусторонних соглашений не всегда срабатывала.

Современное состояние межгосударственных связей по водным проблемам

Основные гидротехнические сооружения по регулированию стоков двух главных питающих Аральское море рек располагаются в верховье, на территории Кыргызстана и Таджикистана, в то время как главные потребители воды находятся в низовье, где большое значение играет орошаемое земледелие, — это Узбекистан, Туркменистан и Казахстан.

Водно-энергетические ресурсы в Центральной Азии распределены крайне неравномерно. Мощным гидроэнергетическим потенциалом обладают в основном Таджикистан (527 млрд кВт.ч) и Кыргызстан (142 млрд кВт.ч.). Из общего его объема, по оценкам экспертов, на Таджикистан приходится около 70%, а, соответственно, на Кыргызстан — 21%. По этим показателям Таджикистан и Кыргызстан занимают второе и третье места после России среди стран СНГ. Об обеспеченности этих двух республик водными ресурсами свидетельствует тот факт, что в пределах Таджикистана формируется 43,4% общего стока рек бассейна Аральского моря, в Кыргызстане — 25,1%, тогда как в Казахстане — всего 2,1%, Узбекистане — 9,6%, Туркменистане — 1,2%.

Существующие электроэнергетические мощности в Таджикистане дают возможность максимальной выработки электроэнергии и продажи ее в летний период. Главное место в энергетике Кыргызстана занимают ГЭС, дающие наиболее дешевую электроэнергию. Всего же энергетика Кыргызстана дает примерно 1/5 ВВП республики, при этом экспорт электроэнергии ежегодно составляет около 2,5 млрд кВт.ч. Кыргызская электроэнергия экспортируется в Узбекистан, Казахстан, Россию и Китай. Вместе с тем, по оценкам экс-

пертов, гидроэнергетический потенциал Кыргызстана в настоящее время используется всего лишь на 8—9%.

Формируемые в горах Таджикистана и Кыргызстана водные ресурсы, как известно, используются не только для производства электроэнергии, но и для орошения сотен тысяч гектаров земель в Казахстане, Узбекистане и Туркменистане. В частности, в течение 1995—2005 гг. на Узбекистан приходилось 39,3% от общего объема водозабора из рек Амударьи и Сырдарьи, на Казахстан — 11,07%, Туркменистан — 22,87%. Коэффициент трансграничной зависимости водных ресурсов (доля речного стока, поступающего извне) для Узбекистана составляет 77%, Казахстана — 42%, Туркменистана — 94%, что свидетельствует о необходимости проведения государствами Центральной Азии согласованной политики по рациональному использованию гидроэнергетического потенциала региона.

Если государства, располагающиеся в нижнем течении рек Амударьи и Сырдарьи (Узбекистан, Казахстан, Туркменистан), постоянно испытывают дефицит воды, то государства верхнего течения (Таджикистан и Кыргызстан) сталкиваются с проблемой обеспечения топливными ресурсами из соседних стран для загрузки электростанций в зимний период времени, что приводит к дополнительному использованию гидроэнергетических сооружений. Однако работа гидроэлектростанций зимой на полную мощность чревата рядом негативных последствий: уменьшением объемов водохранилищ, превышением объемов сброса воды в приграничные области соседних государств.

В Центральной Азии сегодня сформировался дефицит водных ресурсов, который в будущем может только обостриться. В этой ситуации в условиях, когда гидроэнергетика стран верховьев рек является конкурентом орошаемого земледелия стран низовьев, эффективное совместное использование водных ресурсов возможно только путем компромисса. Обеспечение общерегионального интереса в использовании водных ресурсов может быть достигнуто только путем согласования отдельных национальных интересов.

Законодательная база межгосударственных связей

По сути дела, к настоящему времени республикам Центральной Азии удалось подписать только два соглашения по водно-энергетическому комплексу: по совместному использованию водно-энергетических ресурсов реки Сырдарьи (1998 г.) и о параллельной работе энергосистем (1999 г.).

Но даже подписание соглашения зачастую не является окончательным решением вопроса. Оно может просто не выполняться. В качестве примера можно привести соглашение по бассейну реки Сырдарьи. Практика показывает, что с самого начала его подписания и по настоящее время это соглашение выполняется далеко не в полной степени.

В результате на всех уровнях управления, включая правительства стран Центральной Азии, сложилось представление, что в данной ситуации отсутствие юридически оформленных соглашений между государствами само по себе служит достаточным основанием для сохранения прежних отношений и, более того, обязывает все страны их придерживаться.

С начала 1990 г. водные проблемы бассейна Аральского моря стали факторами региональной, а наиболее острые (в т.ч. собственно проблема Аральского моря) — и глобальной безопасности. Значительная часть речного стока региона формируется в Афганистане, Таджикистане и Кыргызстане, а основными его потребителями являются Казахстан, Туркменистан и Узбекистан.

По разным оценкам, в Кыргызстане образуется около 25% стока бассейна Аральского моря, в Таджикистане — до 80% стока реки Амударьи и практически весь сток реки Зеравшан. Около 90% используемых Узбекистаном вод образуется в Афганистане, Кыргызстане и Таджикистане.

По мнению многих экспертов и аналитиков, в использовании ТВР Центральной Азии заключен значительный конфликтный потенциал, водные проблемы занимают одно из ведущих мест в иерархии тревог за будущее Центральноазиатского региона. В зависимости от складывающейся политической ситуации водные проблемы региона могут стать фактором сближения или дезинтеграции государств Центральной Азии.

Важнейшим политическим шагом явилась инициатива первых лиц национальных водохозяйственных ведомств государств Центральной Азии, которые приняли Ташкентское заявление (12.10.1991), являющееся отправной точкой создания Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии (МКВК) Центральной Азии. Такие положения Ташкентского заявления, как «объединение и совместная координация действий», «равные права и ответственность», «зависимость и взаимосвязь интересов всех республик», «совместное использование водных ресурсов» на общих принципах, «справедливое регулирование их потребления с учетом интересов

всех народов» региона, «обмен полной информацией об использовании водных ресурсов», исключение «односторонних действий, имеющих негативные последствия», созвучны и отвечают принципам современного международного водного права.

Решением глав государств Центральной Азии в 1993 г. был создан Международный фонд спасения Арала (МФСА). Одновременно с МФСА был создан Межгосударственный совет по проблемам бассейна Аральского моря (МГСА) и его исполнительный комитет. Первое заседание МГСА состоялось 13 июля 1993 г. (Ташкент), последнее (шестое) — 27 февраля 1997 г. (Алматы). На последнем заседании по предложению Президента Казахстана Н.А. Назарбаева главами государств было принято решение о реорганизации структуры МФСА, а МГСА и МФСА были объединены.

Первым президентом МФСА был избран Президент Казахстана Н.А. Назарбаев (1994 г.), позже МФСА возглавляли Президент Узбекистана И.А. Каримов (1997—1999 гг.), Президент Туркменистана С.А. Ниязов (1999—2002 гг.). С 2002-го по 2004 г. МФСА возглавлял Президент Таджикистана Э.Ш. Рахмон.

Сложность решения водных проблем в странах Центральной Азии, помимо наличия чисто финансовых и технических трудностей, определяется сохранением межгосударственных противоречий по характеру использования водных ресурсов, имеющих трансграничный характер ($2/3$ региона получает, по крайней мере, половину гидроресурсов за пределами своих границ). И это несмотря на функционирование различных межгосударственных институтов, в частности Межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии Центральной Азии, и подписание, например, межгосударственного соглашения «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Рост спроса на водные ресурсы на фоне происходящего их истощения может стать фактором, постоянно провоцирующим дестабилизацию политических отношений в регионе в отсутствие механизма урегулирования межгосударственных споров и системы совместного управления трансграничными водными ресурсами.

Президент Республики Узбекистан Ислам Каримов в своем выступлении на заседании Совета глав государств — членов ШОС в г. Бишкеке 16 августа 2007 г. изложил подходы Узбекистана, которые заключаются в следующем:

- вопросы использования водных ресурсов трансграничных рек Центральной Азии должны решаться с учетом интересов насе-

ления численностью более 50 миллионов человек, проживающего во всех странах региона;

- любые действия, осуществляемые на трансграничных реках, не должны оказывать негативного воздействия на сложившийся экологический и водный баланс региона;

- действующая международно-правовая база в сфере водопользования и экологии, в частности Конвенции ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер от 1992 г. и Конвенция ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков от 1997 г., должна стать основой построения эффективной системы совместного использования ресурсов трансграничных рек Центральной Азии;

- должны быть даны гарантии, что сооружение объектов не будет иметь непоправимых экологических последствий и не нарушит сложившийся баланс использования водотока всеми государствами, расположенными вдоль течения этих рек;

- в случае нанесения ущерба должны приниматься все меры по ликвидации или уменьшению такого ущерба, а при необходимости — ставиться вопрос о компенсации;

- реализация проектов по использованию ресурсов трансграничных рек, включая гидротехническое строительство, должна осуществляться при условии их предварительной независимой всесторонней экспертизы на принципах открытости и полной информированности заинтересованных сторон;

- реализация проектов осуществляется на основе конструктивного подхода и компромисса, при котором не ущемляются интересы других заинтересованных государств и гарантируются два сверхважных условия: первое — не должно быть допущено снижение уровня водотока для стран, расположенных ниже по стоку; второе — не должна нарушаться экологическая безопасность региона.

Проблемы сотрудничества в водно-энергетическом секторе

Особенностью сегодняшней ситуации в водно-энергетическом секторе Центральной Азии является то, что она возникла не изначально при формировании водно-энергетического комплекса бассейна Аральского моря, а уже в процессе его функционирования вследствие кардинальных изменений политических и экономических условий в регионе.

Сложность регулирования стока трансграничных рек заключается в том, что в отношении водных ресурсов государствам региона до сих пор не удалось установить какой-то взаимоприемлемой экономической схемы их использования. Это связано как с особенностями используемого продукта — воды, так и с тем, что у участников процесса нет единого понимания экономической сущности регулирования речного стока, не говоря уже о единстве в подходах к вопросам ценообразования и платежей.

Одним из решений существующей проблемы могло бы стать создание в регионе водно-энергетического консорциума. В марте 1998 г. президенты Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан поручили правительствам своих стран подготовить межправительственное соглашение о создании такого международного водно-энергетического консорциума. Во исполнение этого решения республиками Центральной Азии действительно были подготовлены проекты соглашений, положений, уставов и учредительных договоров, причем в нескольких вариантах. Они многократно рассматривались, но ни один из них так и не был подписан.

Очередное решение об ускорении создания водно-энергетического консорциума было принято главами государств Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Таджикистан и Республики Узбекистан в июле 2003 г. в г. Алматы. После этого рабочими группами государств Центральной Азии была подготовлена общая Концепция создания межгосударственного водно-энергетического консорциума, проект которой был одобрен всеми странами-участниками и согласован с Всемирным банком на встрече в г. Алматы 30 июля 2004 г. Этой встрече предшествовало проведение 20 июля 2004 г. при содействии Всемирного банка телемоста по обсуждению проекта Концепции с участием представителей национальных ведомственных рабочих групп, Всемирного банка и дипломатических представительств. Однако вновь до подписания окончательного соглашения о создании консорциума дело не дошло.

Резюмируя, приходится констатировать, что, несмотря на всю эту огромную десятилетнюю работу, результативность ее оказалась практически нулевой — ни одно соглашение до сих пор так и не было подписано. И это при том, что все страны ЦАР на самом высоком уровне с самого начала единодушно поддерживали и поддерживают саму идею создания водно-энергетического консорциума.

По-видимому, основной причиной такого положения является то, что изначально перед участниками была поставлена задача подготовки и подписания Соглашения о создании водно-энергетического консорциума, то есть конечная цель, без проведения тщательной подготовительной работы по обоснованию всех сторон его деятельности. В результате большинство наиболее важных вопросов, которые должны были регулировать деятельность консорциума и определять его нормативно-правовые характеристики, не только не были решены, но, более того, даже не были поставлены. Вместо этого воцарился подход, при котором все ограничивалось подготовкой проектов соглашений и учредительных документов. В результате сами эти документы в значительной части содержат лишь предложения, мнения и намерения сторон, не только не согласованные, но зачастую противоречащие друг другу.

Создание международного водно-энергетического консорциума требует серьезной предварительной проработки и обоснования. Целесообразней всего это, видимо, сделать в виде технико-экономического обоснования — ТЭО. В качестве основных вопросов разработки ТЭО должны быть решены:

- 1) статус консорциума;
- 2) законодательное и нормативно-правовое обеспечение его деятельности;
- 3) взаимоотношения с существующими структурами: национальными и региональными;
- 4) предмет деятельности;
- 5) отношения к собственности: владение, распоряжение, управление;
- 6) формирование основных и оборотных средств;
- 7) экономический механизм деятельности;
- 8) инвестиционная программа.

Одним из наиболее важных вопросов в этом перечне является разработка согласованного экономического механизма взаимоотношений в водно-энергетической сфере. Конечной целью этого является создание общего рынка воды, энергии и услуг. Сегодня же не выработаны даже общие подходы к нему. Вот только перечень нерешенных на сегодняшний день вопросов: вододеление; экономическая стоимость воды; эквивалентный обмен вода — энергия; стоимость услуг по многолетнему и сезонному регулированию речного стока каскадами гидроузлов, принадлежащих разным государствам; совместная эксплуатация водно-энергетических объектов межго-

сударственного значения. Среди других важных вопросов, необходимых для создания благоприятных условий работы консорциума, можно назвать предоставление ему льгот — налоговых, таможенных и др. И, наконец, не согласованы многие вопросы государственной и межгосударственной политики, которые должны определять работу консорциума.

При этом особого рассмотрения требуют два вопроса. Сегодня Таджикистан и Кыргызстан, теряя при оказании услуг по регулированию стока зимнюю электроэнергию, одновременно при поставках воды в период вегетации вырабатывают лишнюю для себя летнюю. Она сегодня просто передается Узбекистану и Казахстану в дополнение к воде. Второй вопрос связан с отсутствием сегодня в Центральной Азии общего рынка и, как следствие, единых цен на электроэнергию, не говоря уже об отсутствии дифференцированных зимних и летних цен на нее (эти сложности остаются и при переходе на прямые денежные расчеты).

К сожалению, сегодня вместо разработки конкретного механизма технико-экономических взаимоотношений в регионе делается попытка повторной разработки рамочных документов, аналогичных Соглашению 1998 г., причем худшего качества.

Собственно говоря, следует отметить, что пакет документов, регламентирующих межгосударственные отношения в водохозяйственном комплексе Центральной Азии, не систематизирован, плохо согласован, а иногда и просто противоречив. При заключении договоров между Таджикистаном и Узбекистаном по бассейну реки Сырдарьи в отношении Кайраккумского водохранилища устанавливаются только обязательства по наполнению и пропускам из него, без каких-либо условий по его наполнению. Понятно, что в таких условиях трудно говорить не только об оптимизации, но и вообще о нормальном функционировании водно-энергетического комплекса.

Перспективы регионального сотрудничества в сфере водных ресурсов

Анализ водных проблем, сложившихся в Центральной Азии, позволяет сделать несколько выводов:

Накопившиеся проблемы обусловлены несколькими факторами:

- водные ресурсы в Центральной Азии распределены неравномерно, что объективно порождает конфликт интересов государств, обеспечивающих и потребляющих водные ресурсы;

- водные ресурсы Центральной Азии постепенно сокращаются, что ведет к водному дефициту, который усиливается в связи с ростом численности населения в странах Центральной Азии, увеличением площадей орошаемых земель, повышением потребности в водных ресурсах со стороны промышленности, других отраслей экономики;

- правовая база межгосударственных отношений не регулирует все вопросы, практическая их реализация происходит с периодическими сбойми, подходы государств Центральной Азии к платности водных ресурсов противоположны;

- для государств, поставляющих воду (Кыргызстан, Таджикистан), в силу того, что их территория в основном является горной, большое значение имеет развитие гидроэнергетики, что, соответственно, и определяет их интересы в области регулирования водопользования;

- усиливаются негативные экологические последствия, что в перспективе может усилить и конфликтность ситуации с межгосударственным использованием воды;

- решение межгосударственных проблем использования воды странами Центральной Азии требует, в свою очередь, решения вопросов признания товарности водных ресурсов и, соответственно, ее экономической стоимости и выработки механизмов урегулирования спорных вопросов.

По мнению ряда экспертов, существуют хорошие возможности для развития интеграционного взаимодействия в водно-энергетическом секторе. Одно из предложений заключается в создании Международного водно-энергетического консорциума, призванного объединить интересы государств региона и привлечь потенциал России.

Анализ ситуации, сложившейся в Центральноазиатском регионе с охраной и использованием водных ресурсов, позволяет сделать следующие выводы:

- во-первых, проблемы использования водных ресурсов межгосударственных источников или трансграничных водных ресурсов (ТВР) Центральной Азии следует рассматривать сквозь призму защиты национальных интересов каждого государства региона в увязке с задачами обеспечения региональной безопасности. Учет национальных интересов должен быть основой при разработке региональной водной политики, так как водная безопасность является одной из важных составных частей региональной экологической безопасности в частности и региональной безопасности в Центральной Азии в целом;

■ во-вторых, проблемы рационального использования водных ресурсов в регионе не могут быть решены централизованно странами в индивидуальном порядке, независимо друг от друга и тем более вопреки друг другу; проявление же чрезмерного национального эгоизма неизбежно приведет к обострению отношений между ними и в конечном счете к дестабилизации обстановки в регионе;

■ в-третьих, налаживание и развитие межгосударственного сотрудничества является, по существу, наиболее эффективным способом перехода от ныне действующих, преимущественно экстенсивных методов использования водных ресурсов к интенсивным с применением водосберегающих, очистных и других современных технологий;

■ в-четвертых, внутрирегиональные отношения по воде в Центральной Азии будут во все возрастающей степени испытывать на себе влияние (ресурсное, финансовое, технологическое, правовое) со стороны внерегиональных стран и международных организаций; это влияние может быть конструктивным, дополняющим внутрирегиональные усилия, а может и служить средством обеспечения узкокорыстных экономических либо политических интересов внешних сил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Южнов Приаралье — новые перспективы. Наука для мира. Проект / Под ред. проф. В.А. Духовного и инж. Ю. де Шуттера. — Ташкент, 2003.
2. Водное хозяйство Узбекистана / Ред. коллегия: Ш.Р. Хамраев, В.А. Духовный, А.А. Кадыров, В.И. Соколов. — Ташкент, 2011.
3. Моисеев В.А. В объективе природа Средней Азии. — Ташкент: Мехнат, 1998.
4. Алибеков Л.А., Нишанов С.А. Природные условия и ресурсы Джизакской области. — Ташкент: Узбекистан, 1978.
5. Жигарев С. Проект Рогуна — цунами для Средней Азии // Правда Востока. — 2011, 29 марта.
6. Verhoog, Frits. Water Resources Problems in Central Asia and the Aral Sea Basin Vision // Водные ресурсы ЦА и их рациональное использование. — Душанбе, 2001.
7. <http://www.relga.ru>.

Коренное обновление СМИ — залог наполнения информационного поля новыми веяниями

КЕНЖАЛИН Ж.О.

Прошедший год останется в памяти народа как год перемен во всех сферах общественно-политической жизни страны. Как было сказано в Послании Лидера нации Президента Нурсултана Назарбаева, перемены эти связаны с изменениями к лучшему жизни людей, их социального обеспечения и дальнейшего процветания. «Мы движемся по ясной формуле: “Сначала — экономика, потом — политика”. Каждый этап политических реформ увязывается с уровнем развития экономики, — пишет Н.А. Назарбаев. — Поэтому мы последовательно идем по пути политической либерализации. Только так можно модернизировать страну и сделать ее конкурентоспособной» [1]. Признавая, что средства массовой информации принимают в решении этих задач дельное и непосредственное участие, мы можем смело сказать, что добрую часть этой ноши неустанно несут на себе периодические издания ТОО «Қазақ газеттері».

Когда-то ТОО «Қазақ газеттері» взяло под свое крыло ряд газет и журналов, способствующих росту духовного потенциала общества, а теперь, определенно, занимает достойное место среди средств массовой информации независимого Казахстана. Мы имеем в своих структурах различные периодические издания, иным из которых девяносто лет, а другие родились пять-шесть лет назад. Появилось наше детище 12 июля 1999 г. как закрытое акционерное общество и с тех пор пускает свои побеги, хорошо известно читателю страны, активно способствует становлению и росту независимого Казахстана.

Сама история порой заставляет оглядываться назад и видеть наше прошлое в другом свете. Не секрет, что было время, когда СМИ, несмотря на свою кажущуюся свободу, были в стесненных обстоятельствах и кое-как выживали. Экономика терпела кризис и вместе с ней — средства массовой информации. Как раз в это время Президент РК Н.А. Назарбаев своим решением №538 от 11 марта 1999 г. поддержал те еженедельные литературные и общественно-политические издания, которые вносили весомый вклад в духовную сокровищницу страны, и обеспечил их государственным финансированием.

Надо бы сказать, что это решение было правильным, и выразить тому признательность. Так пришло в этот мир наше сообщество, объединившее в своих структурах ряд периодических изданий: газеты «Ана тілі», «Қазақ әдебиеті», «Ұйғыр авазы», «Қазақ елі»; объемные журналы: «Ақиқат», «Мысль», «Жұлдыз», «Жалын», «Простор» [2]. Уставной капитал закрытого акционерного общества «Қазақ газеттері» на сто процентов состоял из активов государства. Со временем, когда в стране видоизменялись собственнические отношения, перемены коснулись и нас. Наше творческое объединение, начиная с 2006 г., стало считаться товариществом с ограниченной ответственностью. Позже в структуры ТОО «Қазақ газеттері» вошли газеты «Ана тілі», «Ұйғыр авазы», «Экономика», а также журналы «Ақиқат», «Мысль», «Үркер».

В последний раз ТОО «Қазақ газеттері» прошло очередную перерегистрацию в прошлом году 25 октября в Управлении юстиции города Алматы. Устав нашего коллектива теперь имеет регистрационный №2382-1910-02, а уставной капитал составляет без малого 5 925 000 (пять миллионов девятьсот двадцать пять тысяч) тенге. В каждодневной своей работе ТОО «Қазақ газеттері» берет во главу угла предписанные ей обязательства, правила и законы, вытекающие из правовых положений о деятельности СМИ, правовых актов и своего устава.

В соответствии с требованиями времени, основной задачей нашего объединения является тесная взаимосвязь с читательской аудиторией, которую мы ежедневно снабжаем интересными сведениями и публикациями о жизни страны. Нельзя не сказать о том, что в этом отношении статья Президента РК Н.А. Назарбаева «Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда» оказала и оказывает плодотворное влияние на деятельность коллектива, его настрой и взгляд в будущее [3]. В соответствии с данной

программой и 18-м поручением Главы государства относительно развития и обновления отечественных СМИ, газеты и журналы, входящие в структуры нашего объединения, наметили в 2013—2016 гг. достичь следующих рубежей:

- согласно плану модернизации предприятий, намечается полная замена всего оборудования Товарищества;
- намерены достичь высокой скорости и оперативности при освещении событий благодаря использованию новых инструментов и технологий СМИ;
- планируем организовать работу собственного печатного производства, поставить мини-типографию в целях оперативного издания своей продукции;
- будет вестись работа по улучшению электронных технологий, свободному выходу в мировое информационное пространство с тем, чтобы о наших публикациях узнавали не только в Казахстане, но и во всем мире;
- печатная продукция ТОО «Қазақ газеттері» будет распространяться на казахском, русском и английском языках, будем планомерно осуществлять практический переход на латинскую графику и арабский алфавит;
- планируем открыть представительства ТОО «Қазақ газеттері» в четырех регионах Казахстана: на востоке — в Усть-Каменогорске, на западе — в Актобе, на юге — в Шымкенте, в центральной и северной областях — в Астане.

Мы сейчас вынуждены уделять большое внимание качеству и оперативности предоставляемой читателям информации. В данном отношении приходится постоянно быть в поисках. Читателю сегодня нужны оперативность и новизна в подаче материалов, нельзя забывать и о рентабельности своей хозяйственной деятельности. Все-го этого можно добиться лишь с высокими технологиями в совокупности с менеджментом и маркетингом, отвечающими современным условиям.

Каждый готовящийся к изданию материал газеты или журнала должен быть в поле редакторского зрения от начала плановых работ до его издания и достижения им своего читателя в глубинках и различных регионах страны. Чтобы координировать и улучшить эту работу, при нашем объединении организован Совет главных редакторов Товарищества. Этот орган рассматривает на своих заседаниях все материалы на злобу дня, решает текущие проблемы и кровно заинтересован в успехе работы. Возможно, что это правильно, так как

под началом Совета главных редакторов стали реализовываться различные проекты индивидуального характера, влияющие на маркетинговую политику издания. Скажем так, к примеру, проекты «Ана тілінің аруы» — «Жігіттің сұлтаны» газеты «Ана тілі», «Капитал-Қаражат» газеты «Экономика» совместно с Банковской академией, «Үркер-Үміт» журнала «Үркер», «Келелі кеңес» журнала «Ақиқат», «Еркін мінбер» журнала «Мысль», реализуемый посредством круглого стола, «Көшпелі редакция мінбері» газеты «Ұйғыр аязы» стали привычными методами работы и вызвали у наших читателей особый интерес.

Мы также привыкли и к тому, что в определенные газетными и журналами дни в редакциях организовываются встречи с интеллигенцией и видными общественными деятелями, что вызывает у людей большой интерес. Кстати, были организованы две научно-практические конференции, посвященные 90-летию журналов «Ақиқат» и «Мысль», послужившие нам хорошим подспорьем в работе и придавшие импульс освещению культурной тематики. Мы выпустили сборник с материалами этих двух конференций и довели его до сведения ряда частных изданий Казахстана.

Традиции прошлого для творческих работников являются источником вдохновения всегда. Не касаясь остального, можно сказать и о такой стезе, как спорт. Не ограничиваясь одними публикациями, журналисты издания являются активными участниками различных встреч, а футбольная команда ТОО «Қазақ газеттері» завоевала главный приз на традиционном футбольном турнире им. С. Бердикулова, ежегодно проводимом в его честь. Члены коллектива редакции журнала «Ақиқат» намерены стать призерами шахматных турниров среди журналистов, а волейболисты газет «Ұйғыр аязы» и «Ана тілі» претендуют на призовые места на соревнованиях, которые проводятся периодически.

Эти достижения нашего объединения производят впечатление. Наряду с поставленными задачами, идут в рост актуальные и злободневные темы, звучащие на всю страну.

В феврале 2013 г. в Министерстве культуры и информации состоялось расширенное заседание с участием государственного секретаря РК Марата Тажина. На нем также выступили первый заместитель председателя партии «Нур Отан» Бауыржан Байбек и министр культуры и информации Мухтар Кул-Мухаммед. Выступающие рассматривали и обсуждали животрепещущие вопросы относительно СМИ. «Мы не должны упускать из виду то обстоятельство, что госу-

дарственные СМИ должны постоянно повышать свою конкурентоспособность, — отметил М. Тажин. — Следовало бы рассматривать государственные СМИ и медиа-структуры как активного помощника строительства индустрии рынка, частью которой является он сам, и исходить при реализации намеченного из принципа экономической выгоды, так будет вернее» [4].

Таким образом, необходимо считать политическую линию Стратегии «Казахстан-2050» основным вопросом дня, а журналистам не следует увлекаться сиюминутными темами и предаваться лозунговости, но следует искать дорогу к сердцам читателей, находить в своих статьях ответы на те вопросы, которые их волнуют. СМИ должны стать трибуной миллионов, уподобиться по своей сути дискуссионному клубу людей с разными мнениями. Перехлесты и перегибы тоже недопустимы. Если их допускать, то у читающей публики вместо должного восприятия сути и содержания Генеральной стратегии может возникнуть обратная реакция.

Данные вопросы и проблемы актуального характера находят горячий отклик в сердцах миллионов, а мнения, касающиеся проблем современной журналистики, обсуждаются на наших малых и больших совещаниях и заседаниях. И это отрадно. Иначе нельзя. Думается, что нам надо свои проблемы решать сообща.

Одно из таких важных совещаний состоялось недавно в дискуссионном клубе интеллектуальных идей «Аманат», где обсуждались интересные проблемы и намечались конкретные цели [5]. Не пора ли отказаться от общей журналистики и идти туда, где обсуждаются келейные вопросы и нужны журналисты узкой специализации? И почему в Казахстане усиливается тенденция роста и расширения сфер влияния зарубежных средств массовой информации? И как вывести из устаревшей колеи традиционные телевидение и печать? И как можно будет решить накопившиеся проблемы региональной журналистики и сельских глубин? Эти вопросы находят свой отклик среди массового читателя, волнуют их не меньше нас, журналистов. То, что мои коллеги стали критично относиться к своей работе, находят созвучие с идеями нового времени и ищут новые пути, не может не радовать нас.

Разумеется, творческое вдохновение, поиски новых тем и идей требуют постоянного внимания к себе, социального обеспечения и своевременного финансирования. Хотелось бы обратить внимание на следующее: своевременное финансирование и госзаказ способны поднять жизненный тонус СМИ. О них много говорил министр куль-

туры и информации Мухтар Кул-Мухаммед. Надо бы заметить, что его слова были всецело восприняты журналистами, ибо он сказал то, что им очень близко и понятно. Он говорил о том, что в сферы госзаказа и методов его финансирования будут внедрены новые тарифы. Хотелось бы, чтобы эти новшества были подкреплены законодательно и вошли в законную силу [6].

Разумеется, что творческое вдохновение, поиски нового и реализация инновационных программ находятся в прямой зависимости от удовлетворения социальных нужд в достаточной мере и своевременного финансирования проектов. В этом отношении, я считаю, нужно обратить внимание на такую сторону дела: в данное время стоит в полный рост проблема обеспечения штатных сотрудников редакций жильем, ибо с данным вопросом связана другая проблема — приток в издания Товарищества молодых кадров узкой тематики и свежих сил. Получающие сейчас профессию журналистов молодые люди грамотнее и образованнее нас, имеют соответствующие навыки, приспособлены к современным технологиям и методам журналистской работы. Без таких молодых специалистов журналистика сегодня не может обойтись, а для их плодотворной деятельности на благо общества нужны надлежащие социальные условия. Данный вопрос актуален. Сколько не приходится обсуждать эту проблему в различных кабинетах и направлять письма в высокие инстанции, результатов пока нет.

Думается, что эта проблема должна быть решена следующим путем: в данное время в различных областях и акиматах городов проводится целенаправленная работа по обеспечению жильем учителей и врачей, поэтому со стороны государства должно быть уделено внимание также и журналистам. Решение этого вопроса — во внесении изменений в некоторые законодательные акты, регламентирующие жилищные права и определяющие социальные гарантии сотрудников СМИ.

Мы наполняем отечественные СМИ новыми веяниями, проводим заседания в целях обновления их деятельности, ездим, ищем, исписываем на этом поприще тонны бумаг. Результаты нашей работы, разумеется, есть. Но в отношении проблем с жильем мы только рассуждаем, плодов не видно, а мы живем ожиданиями проявления доброй воли и перемен к лучшему.

Не секрет, что внимание к журналистам со стороны государственных структур половинчатое, а порой и вовсе отсутствует, хотя пишущие люди пребывают на самом остром решении актуальных про-

блем общества и не жалеют своих сил и времени на выбранном пути. Думается, что при решении задач по внедрению новых технологий и обновлению отечественных СМИ на первом месте должен стоять Журналист, его личность, звучащая с большой буквы. Работники слова достойны повышенного внимания. Пока не будет перемен в данной области, обновление кадров, повышение профессионализма и достижение нужных высот будет весьма затруднено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Стратегия «Казахстан-2050»: новый политический курс состоявшегося государства. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера нации Н.А. Назарбаева народу Казахстана. — Астана, Акорда, 2012. — С. 10.
2. О создании ЗАО «Қазақ газеттері». Приказ директора Государственного имущества и приватизации Министерства финансов РК №28 от 21 мая 1999 г.
3. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Мысль. — 2012. — №8. — С. 16.
4. Жаңа міндеттер жаңа тәсілдерді талап етеді // Егемен Қазақстан. — 2013, 23 февраля.
5. БАҚ-тағы қасан жүйені қалай өзгертеміз? // Айқын. — 2013, 2 марта.
6. Жаңа міндеттер жаңа тәсілдерді талап етеді // Егемен Қазақстан. — 2013, 23 февраля.

Кластерные образования как системная управленческая инновация в конкурентной борьбе

БАЙТЕНОВА Л.М.,
МУТАЛИЕВА Л.М.

Все инновации, на что бы они ни были направлены в своем поиске способов роста конкурентоспособности — на товары, оборудование, процессы или систему управления, в конечном итоге должны способствовать увеличению продаж, снижению расходов и росту эффективности национального производства.

При этом достижение национальной конкурентоспособности достигается тогда, когда конкурентоспособными становятся большинство хозяйствующих субъектов, функционирующих на территории страны [1].

Однако показатели уровня конкурентоспособности у хозяйствующих субъектов и у государства разные. У хозяйствующих субъектов — это динамичный рост продаж в силу привлекательности их товаров, работ или услуг в глазах государства, а у страны — уровень жизни ее населения, степень развития способов решения социально-экономических проблем в государстве, включая приобретение услуг здравоохранения, образования, жилищной, культурной сферы и т.п., вплоть до безопасности жизни людей и качества предоставления государственных услуг. Новым направлением создания необходимых условий для развития производственной деятельности в современной экономике стала признаваться кластеризация как способ концентрации определенных видов и сопряженных производств на территории конкретных регионов. Однако при этом кластеризация стала восприниматься эффективной лишь в том случае, если она финансово поддерживается государственной системой управления при помощи льготных налогов, кредитов, снижения транспортных расхо-

дов при обращении к услугам финансовых учреждений, преференций и т.п. Это породило не только разнообразие формы реализации кластерного подхода к способам развития национальной и корпоративной конкурентоспособности, но и разное толкование сущности кластера как экономической категории с одновременным признанием, что в условиях глобализации хозяйственных действий кластер приобретает определенные перспективы в конкурентной борьбе и однозначно способствует устойчивому развитию национального производства не только при создании реального продукта, но и при оказании различного вида услуг самого широкого ассортимента со стороны крупных экономических систем. Это внесло еще большую сумятицу в определение сущности понятия «кластер» и отделение его или соединение с законами развития международной конкуренции. В результате в настоящее время существует немного областей экономики, которые могут противостоять глобальной рыночной конкуренции. Поэтому почти во всех странах мирового экономического сообщества идет поиск способов усиления своей национальной конкурентоспособности любыми доступными для определенных стран методами, в том числе и при помощи кластеризации финансовых и инвестиционных услуг.

Исследование закономерностей функционирования конкуренции показывает, что это очень сложный процесс, который обладает как индивидуальными характеристиками, присущими степени развития той или иной страны, так и всеобщими условиями, характерными для глобальной экономики, изучение которых позволяет противостоять им, но только если такая работа проводится системно, а многие проблемы решаются комплексно и целенаправленно.

Одним из важнейших теоретических аспектов борьбы с международной конкуренцией, по мнению М. Портера, значение работ которого по конкуренции признано глобальными учеными экономического сообщества, является рассмотрение эффективного месторасположения объектов рыночной среды для развития их контактов с потребителями при помощи концентрации этих объектов, основных групп потребителей и объектов рыночной инфраструктуры в одном географическом месте. М. Портер назвал данный процесс географической концентрацией, а место, где группируются объекты и субъекты рыночной среды, — кластерными образованиями. Для того чтобы однозначно трактовать теорию М. Портера, надо разобраться в сущности понятия «кластер», которое сейчас многие путают с сущностью понятий «вертикальная» и «горизонтальная интеграция» [2, 3].

Дело в том, что в математике «кластер» означает разделение изучаемого объекта на составляющие его элементы. Более того, при математическом подходе к оценке закономерностей функционирования и проявления каких-то явлений в природе и обществе есть понятие «кластерный анализ», означающее изучение чего-то на примере использования определенных способов формирования отдельных элементов действия объектов и субъектов, по состоянию которых можно оценить закономерности проявления многих процессов и явлений в целом.

В экономике сущность категории «кластер» приобрела другое значение и стала определяться как конкретным образом сформированная на конкретных территориях группы каких-то объектов, субъектов, процессов и явлений, при помощи оценки состояния которых в текущем и будущем времени можно познать общие закономерности развития, управления и на этой основе выявить какие-то результаты и умозаключения.

При таком подходе в понятие «кластерный анализ» стали входить статистические группировки, методы их формирования и оценки состояния по правилам математической статистики, то есть сложилось положение, что если математики воспринимают «кластер» как действие разделения, то экономисты в это понятие вкладывают действия объединения и придают противоположный для математиков смысл сущности данной категории [4].

Такой разный подход порой затрудняет восприятие многих положений теории кластеров, созданной зарубежными учеными и не всегда правильно переводимой для информационных источников других стран (табл. 1).

Табл. 1. Характеристики определения понятия «кластер»

Понятие	Научный источник
1	2
Кластер — это сконцентрированные по географическому признаку группы взаимосвязанных компаний, специализированных поставщиков товаров и услуг, фирм в соответствующих отраслях, а также связанных с их деятельностью организаций в определенных областях, конкурирующих, но вместе с тем ведущих совместную работу	Портер М. Конкуренция. — СПб, М., Киев: Вильямс, 2001. — С. 205—206

Продолжение

Кластер — это единое место размещения производства и сбыта в рамках технологического процесса	Ван-де-Линде К. Кластер итальянских производителей. — М.: Просвещение, 1993
Кластер — это группа предприятий, соединенных единой коммерческой целью	Александр Р., Арнеи Р., Блек Н., Фроста Е., Шивананды А. Исследования магистрантов Гарварда. — Лондон, 2001
Кластер — широкая группировка объектов рынка, связанная с переработкой сырья, производством и потреблением товаров массового производства	Хаут Т., Руден Э. Секреты успеха глобальных компаний. — Нью-Йорк, 1982
Кластер — десятки инициатив, собирающихся в одном месторасположении	Тайсберг Э., Браун Г. Способы активизации конкуренции. — Вашингтон, 1994
Кластер — объединение предприятий различных отраслей, но связанных потребительским эффектом на территории, не совпадающей с административным делением в рамках управления государством	Бенке И.Ю. Управление ценами на рынке Казахстана: теория, практика, поиск решения проблем. — Алматы, 1997
Иногда за рубежом интеграцию производства по всей ее технологической цепи называют холдингом или кластером	Куватов Р.Ю. Себестоимость и прибыль сельскохозяйственного производства. — Алматы, 1975
Успехи предприятий и компаний Юго-Восточной Азии порой определяются их умением концентрироваться на одной территории, называемой кластером	Сатыбалдин С.С. Научно-технический прогресс и ресурсосбережение в рыночных условиях // Вестник НАН РК. — 1992. — №2

Примечание: систематизировано автором по научным источникам.

Из данных таблицы 1, представляющих целенаправленную выборку сущности формулировок понятия «кластер» из различных источников существующего теоретического наследия экономической науки, видно, что трактовки этого понятия не отличаются единообразием и унификацией основных характеристик данной категории, несмотря на то что все ученые отмечают такие ее показатели, как «группировка» и «одно месторасположение». Это обстоятельство позволяет предложить собственную формулировку сущности категории «кластер» в следующем виде: *кластер — это сосредоточение объектов и субъектов рынка в одном месте расположения с целью извлечения максимальной прибыли от реализации разнообразных товаров, работ или услуг*. По своей сути кластер — это

куст различных по своей деятельности предприятий, размещенных рядом друг с другом, что сокращает время потребителя на приобретение рыночного продукта. По данным характеристикам у кластера есть две специфичные черты:

- единое месторасположение сбыта продукта отдельно осуществляющих свой бизнес фирм, компаний и учреждений;
- общность рыночной деятельности взаимодополняющих друг друга объектов рынка.

Из данных черт вытекает проблема поиска оптимального месторасположения кластерных центров (кустов) для массовых и/или сегментарно разделенных потребителей, где под оптимальностью нужно понимать наиболее выгодное (доходное) место как для всех производителей определенного рыночного продукта, сосредоточенных в одном месте, так и для всех его потребителей, обращающихся за этим продуктом (товарами, работами, услугами) в определенное место.

Следовательно, поиск оптимального места сосредоточения предприятий и организаций различных видов деятельности — это в первую очередь поиск месторасположения, обеспечивающего максимальный рост конкурентоспособности, измеряемой показателями объема продаж, величиной дохода и прибыли или ростом инвестиционных ресурсов.

Для оценки конкурентоспособности конкретной географической территории М. Портер предложил «правило ромба».

В международной конкуренции оно должно означать, что страна, компания или фирма имеют четыре детерминанты конкретного преимущества, в состав которого входят:

- 1) наилучшие условия обеспечения факторами производства, особенно специализированными (научно-технические знания, квалифицированная рабочая сила, наличие рыночной инфраструктуры и т.д.);
- 2) наличие достаточного спроса на продукцию предприятий конкретной отрасли, который в зависимости от своего объема и структуры позволяет использовать эффект масштаба, стимулирует нововведения и повышение качества товара, работ или услуг, подталкивает к выходу на внешний рынок;
- 3) наличие конкурентоспособных поставщиков и родственных отраслей, производящих взаимодополняющую продукцию;
- 4) национальные особенности стратегии, структуры и соперничества фирм, то есть наличие условий, определяющих особенности создания, функционирования и управления предприятиями.

«Ромб» конкурентоспособности прочен лишь тогда, когда все эти условия позволяют обеспечивать в конкурентной борьбе более низкий уровень издержек, дифференциацию продукта (создание продукта с новыми потребительскими свойствами), расширение сервиса.

Кластеры как форма группового размещения предприятий исторически существуют очень давно. Процессы глобализации изменили роль кластеров в конкуренции, эффективность их функционирования была описана еще в работах Альфреда Маршалла.

В последние годы вопросам увеличения прибыли путем образования кластеров посвящается все больше научных работ. Однако в них до сих пор мало отводится места обоснованию эффективности создания региональных финансовых центров как особой формы кластеров, несмотря на то что при их создании явно наблюдается единство экономических кластерных принципов, процессов и явлений, определяющих общую эффективность таких региональных образований.

Следовательно, не только кластерная теория, но и ее ответвление в виде углубления региональной науки и обоснования методов поиска путей расчета эффективности создания крупных экономических систем требуют проведения дальнейших научных исследований и выработки собственных теоретических и методологических положений, при помощи которых можно будет анализировать, оценивать и определять ситуацию, а по состоянию ситуации можно рекомендовать или отклонять принятие конкретных решений по необходимости формирования определенных крупных экономических центров в той или иной стране, включая РФЦ. Одним из таких направлений может стать определение того эффекта, который может приносить кластер национальной экономике. Здесь можно рекомендовать использование следующих критериев:

1. Степень концентрации потребителей на определенной территории, позволяющая усилить рост объема продаж, сопутствующего однозначным запросам населения при приобретении попутного рыночного продукта или услуг.
2. Уровень снижения издержек на транспортные расходы при сближении производства, потребления и обеспечивающих их финансовых учреждений.
3. Уровень функционирования корпоративного управления, организованного при помощи интеграционных процессов, позволяющего не только концентрировать доходы по разным центрам хозяйство-

вания, но и планомерно снижать расходы на проведение многих производственных операций.

4. Ускорение оборота оборотного капитала, обслуживающего производство, или решение социальных проблем путем распределения ресурсов и развития внутренней диверсификации в ближайшие родственные области, что создает условия для получения населением страны более высоких социально-экономических доходов.

5. Тенденции к росту инвестиционного обеспечения наиболее конкурентоспособного национального производства.

При этом кажется, что государство, снижая налоги на территории кластеров, несет бюджетные потери. Но это не совсем так. Увеличение доходов государства приходит через рост продаж на его хозяйствующих субъектах, то есть через налоги, которые выплачиваются с продаж (валового дохода), сумма которых будет тем больше, чем больше валового дохода (объема товарооборота) получили центры зарабатывания прибыли, расположенные на территории определенного кластера, какую бы форму он ни принимал (производственный кластер, специальная экономическая зона, региональный финансовый центр, транснациональная корпорация или холдинг, филиалы которого разбросаны по территории страны, и т.д.).

Подобный эффект сложно смоделировать в качестве конечного результата. Поэтому его расчет надо проводить по этапам, особенно если расчеты носят характер финансовых оценок. В системном моделировании подобные расчеты должны опираться на следующие положения:

- главным преимуществом кластерных образований для рынка финансовых услуг является то, что они могут обеспечить ступенчатые горизонты роста (лестницу роста);

- соединение многих участников рыночных отношений с рынком финансовых услуг порождает единение идей, эффект от которых состоит в том, что сотрудники многих компаний и финансовых структур, ранее озабоченные, прежде всего, заработной платой, превращаются в сообщества людей, объединенных общими целями бизнеса;

- растущая производственная деятельность, концентрируясь с финансовыми интересами, создает основу для всплеска коллективной энергии и формирует чувство команды;

- неудивительно, что кластеры могут создавать условия для рождения новых идей, а успех притягивает в производственную деятельность наиболее активных и талантливых людей. Наличие финансовых возможностей при этом становится базой для безостановочной

работы по созданию новых направлений предпринимательской деятельности.

Из практики международной хозяйственной деятельности видно, что при современных глобальных тенденциях развития экономики подпитка производства финансовым сектором может обеспечить три горизонта роста жизненного цикла бизнеса — зарождение, становление и зрелость (рис.). При этом создается каскадный подъем корпоративного бизнеса и постоянная подпитка этим бизнесом финансовых структур.

Рис. Горизонты роста при концентрации производства и финансов в одном месте

Примечание: авторская систематизация теоретических источников.

Из данных рисунка видно, что географическая концентрация бизнеса и финансовых ресурсов в одном месте порождает потенциал

роста не только для производства, но и для финансовых услуг. Чем плотнее такая концентрация, тем острее конкуренция как способ обеспечения выигрыша для потребителей и возможностей для роста разнообразия производства, порождающих не только потребности в финансовых услугах, но и развитие товарного ассортимента. То есть создается определенная база для параллельного роста производства и устойчивости финансового сектора, размещенного на подобной территории, от которых в комплексе больше отдача для государства в виде роста национальной конкурентоспособности и экономической независимости.

Подобная эффективность определяет возможность создания не только производственных кластеров, но и региональных финансовых центров как определенный вид кластерных образований.

Следовательно, создание региональных финансовых центров как кластерных образований в местах скопления потребителей и производителей является не только эффективным для общества и государства, но и способствует росту конкурентоспособности страны в условиях международной рыночной экономики. Необходимость развития таких центров обеспечивает наличие острой рыночной конкуренции, а государству должны оставаться функции контроля и принятия решений в области соблюдения и достижения социальных условий для населения своей страны по всем элементам ее деятельности, если оно пошло на создание кластеров на своей территории [5, 6].

В этих условиях основными критериями реализации кластерного подхода в государстве при создании РФЦ методом оценки эффективности формирования инновационных форм организации управления экономическими комплексами при помощи системного моделирования должны стать следующие критерии:

1. Критерий привлекательности создания территориальных образований с определенной целью.
2. Критерий затрат на вхождение (создание нового бизнеса).
3. Критерий взаимной выгоды как для государства, так и для хозяйствующих субъектов с оценкой возможности и перспектив увеличения их количества.

Однозначно рассчитать любой из этих критериев сложно. Однако в роли целевого критерия в этом случае может выступать рост национальной конкурентоспособности.

Основой выбора критериев построения комплекса оценок возможностей создания любого вида кластера в государстве при по-

мощи системного моделирования может стать стандартная модель П. Кругмана [7]:

$$P_f D_f - P_c D_c = P_f Q_f - P_c Q_c = V, (1)$$

где P_c и P_f — цены на продукцию субъектов кластера до и после его создания, сформированные по уровню несения затрат;

D_c и D_f — объемы реализации рыночного продукта до и после образования кластера;

Q_c и Q_f — объем производства товаров субъектами, действующими на территории до и после образования кластера;

V — стоимостный выигрыш от образования кластера.

При этом считается, что D и Q как продукция изготавливается по запросам потребителей.

Данная модель означает, что уровень продаж, производства и потребления после образования кластера должен быть выше, чем был до его образования.

Использование этой модели в системе формирования кластеров, и в частности РФЦ, можно обосновать тем, что рынки капиталов и товаров становятся все более интегрированными, вопросы международных экономических отношений становятся все более похожими на вопросы межрегиональных отношений, а экономическое соревнование (конкуренция) между регионами происходит в сфере использования подвижных факторов и в долгосрочном периоде будет зависеть скорее от абсолютного, чем от относительного преимущества.

При этом главное различие регионального уровня и межстранового состоит в степени неперемещаемости факторов производства — большей для первого и меньшей для второго, а движение капитала, включая рабочую силу, что открывает возможность развития кумулятивного процесса неравномерного развития. Примером и доказательством данного положения может служить создание специальных экономических зон (СЭЗ) в разных странах мира, что также можно рассматривать как использование кластерного подхода в национальном производстве. Особенности создания СЭЗ состоят в том, что они формируются в определенном географическом пространстве и также используют помощь государства для данной территории. Создание любой СЭЗ можно рассматривать как в чем-то типичный кластер, функционирование которого направлено на рост экономического потенциала внутри страны путем формирования конкретной цели, миссия и назначение которых могут быть многофункциональными, многоаспектными и многоцелевыми.

Необходимость создания СЭЗ для РФЦ в тех или иных странах, в тех или иных формах чаще всего рассматривается, по меньшей мере, исходя из следующих аспектов:

- с точки зрения конкретной экономики как способ стимулирования определенных действий;
- с точки зрения размещения производительных сил в стране как способ экономического роста потенциала определенных территорий;
- с точки зрения экономических отношений как способ увеличения производства продукции и более пропорционального распределения прибавочного продукта;
- с точки зрения роста инвестиционного капитала как метод формирования большего объема финансовых ресурсов на определенной территории;
- с точки зрения увеличения конкурентоспособности как метод изыскания возможностей снижения финансовых затрат;
- с точки зрения создания способности к диффузному расширению экономической деятельности как централизованные мероприятия по ее стимулированию на основе государственного вмешательства в этот процесс;
- с точки зрения роста или стабилизации финансовых источников для капитализации национальной экономики как метод увеличения доходов для финансовой системы и направления их в дальнейшем в инвестиционную сферу страны при помощи развития ее отдельного региона;
- с точки зрения создания условий для роста общего экономического потенциала страны как способ использования ресурсов отдельной территории (региона) для общего оздоровления национальной экономики.

Создание любого вида специальной (особой) зоны практически всегда направлено на то, чтобы через эту зону (территорию) увеличить экономический потенциал государства в целом за счет каких-то особых экономических или законодательных условий, действующих только на этой территории и не распространяющихся на другие территории страны.

Поэтому такую особую территорию (зону, центр, кластер) можно определить как составную часть хозяйственного комплекса страны, где действуют отличные от других территорий государства экономические и законодательные условия, выбранные в виде стимулов для развития предпринимательской деятельности и всей национальной

экономики во всех ее проявлениях. Данное определение, по-нашему, охватывает все существующее ныне многообразие видов кластеров как особых экономических зон или экономических комплексов в виде центров, в какой бы форме они ни формировались в стране на определенной ее территории (участке, географически ограниченном месте), так как без наличия экономических стимулов (в т.ч. и налогов) производители не станут стремиться на территорию кластера.

По данным компании Boston Consulting Group Inc., которая принимала непосредственное участие в создании и поиске методов развития региональных финансовых центров в Сингапуре, Таиланде, Аргентине, Франции, Германии, Канаде и США, формирование региональных финансовых центров в любой стране позволяет резко нарастить ее инвестиционные ресурсы и развить национальный финансовый рынок. Однако одновременно данный опыт показал, что для создания регионального финансового центра (РФЦ) как специальной экономической зоны, занимающей определенную национальную территорию, требуется совершенствование законодательной базы государства, особенно в части создания экономических стимулов и конкурентоспособных налоговых ставок, льготы по которым формируют дополнительный доход объектов финансового рынка, направляемый затем на развитие производства в виде инвестиционных ресурсов. Кроме того, для системы функционирования РФЦ особым видом деятельности должна быть признана брокерская деятельность, при которой коммерческие банки, находящиеся в зоне расположения РФЦ, должны осуществлять свои банковские услуги только как бэк-операторы в рамках трастовых и инвестиционных операций, то есть не имеют права оказывать банковские услуги в РФЦ без специальной лицензии РФЦ. Таким образом, коммерческие банки на фондовом рынке РФЦ могут оказывать банковские услуги только как операторы РФЦ или как брокеры-дилеры, а не так, как это происходит сейчас.

Одновременное совмещение данных функций с другими финансовыми функциями для банковских учреждений не должно означать, что если банк захочет иметь все инвестиционные и налоговые преференции, связанные с его деятельностью в рамках функционирования РФЦ, то он должен создавать соответствующую дочернюю компанию, которая будет пользоваться этими льготами, а сам головной банк такие льготы не сможет использовать или может использовать их только как эмитент или инвестор.

В настоящее время во многих странах подобные ограничения присутствуют. Для понимания необходимости наличия или отсутствия

таких ограничений страна, где создается РФЦ, должна для себя четко определить, какие интересы она преследует формированием РФЦ на своей территории. К области таких интересов можно отнести:

- общеэкономические интересы государства, точно смоделированные по налоговым поступлениям при росте хозяйственных результатов в условиях наличия налоговых льгот в банковской системе;
- общеэкономические и социальные интересы территорий, на которых создается РФЦ как специальная экономическая зона;
- интересы объектов финансового рынка страны и его отдельных объектов;
- интересы производственной предпринимательской среды и не-финансового сектора бизнеса путем моделирования доступности для них финансовых ресурсов и финансовых инструментов;
- общесоциальные и общеэкономические интересы населения по разным их направлениям и т.п.

Лишь комплексное и системное моделирование совокупности всех интересов может дать полноценный ответ, нужны ли какие-то ограничения и для кого при создании РФЦ на определенной территории как кластерного образования.

По своей сути РФЦ представляет определенный тип оффшорных зон с той только разницей, что на территории оффшорных зон обычно незарегистрированные предприятия не имеют права осуществлять никакой производственной деятельности. У РФЦ иные цели, чаще всего направленные на развитие инвестиционного потенциала, то есть, по сути, на развитие производства на определенной территории.

Поэтому при наличии единого подхода к созданию подобных типов экономических зон (центров) как кластерных образований на основе льготных налогов они, по-нашему, должны иметь свои существенные различия (табл. 2).

Табл. 2. Разница условий функционирования РФЦ и оффшорных зон

Характеристика РФЦ	Характеристика оффшорных зон
Общие черты	
1. Льготный налоговый режим	1. Льготный налоговый режим
2. Наличие преференций	2. Наличие преференций
3. Льготный визовый режим	3. Льготный визовый режим

Продолжение

4. Льготные условия регистрации	4. Льготные условия регистрации
5. Лояльность государственного регулирования	5. Лояльность государственного регулирования
6. Низкий уровень уставного капитала	6. Низкий уровень уставного капитала
7. Упрощенный механизм регистрации	7. Упрощенный механизм регистрации
8. Отсутствие валютных ограничений	8. Отсутствие валютных ограничений
Специфические черты (различия)	
1. Направление на развитие производства	1. Запрет на производственную деятельность
2. Расширение инвестиционных возможностей	2. Создание условий для накопления капитала на своей территории
3. Развитие прозрачности и доступности	3. Высокий уровень банковской секретности
4. Способствование развитию рынка ценных бумаг	4. Снижение уровня банковского надзора
5. Усиление банковского надзора	5. Полное освобождение от местных налогов
6. Создание условий для выхода национального капитала на зарубежные рынки ценных бумаг	6. Отсутствие таможенных пошлин для иностранцев
7. Возможность полной репатриации капиталов и доходов	7. Низкий уровень экстеряльности
	8. Высокий уровень таможенного контроля отдельных сделок

Примечание: авторские разработки.

Как видно из данных таблицы 2, основным преимуществом РФЦ перед оффшорными зонами является большее доверие к системе функционирования РФЦ населения и государства, что требует соответствующего пересмотра стереотипов со стороны государственных чиновников той страны, где создается РФЦ.

В результате можно сделать следующие выводы:

1. Поиск способов роста конкурентоспособности при разрастании процессов хозяйственной глобализации привел к созданию ин-

новационных форм организации в виде кластеров как единого месторасположения разнообразных субъектов рыночной деятельности и современного, наиболее эффективного построения способов конкурентной борьбы. Однако формирование кластеров на территории отдельного государства, если оно направлено на достижение конкретной цели, должно опираться на четкий выбор критериев и оценку текущих и будущих обстоятельств и способов достижения цели с применением математических инструментов системного моделирования.

2. Многочисленность факторов, являющихся резервами роста национальной конкурентоспособности, заставляет искать более обобщенные способы достижения рыночных целей, стимулирующие ее рост у многих видов производств в стране в совокупности с оптимизацией использования национальных финансовых ресурсов, так как большинство из факторов, способствующих повышению конкурентоспособности, требует вложения большого объема финансовых затрат. Следовательно, странам в их борьбе за конкурентоспособность надо искать пути увеличения финансовых ресурсов во всех областях национальной экономики с учетом того, как могут функционировать национальные финансовые потоки внутри собственного государства. В этих условиях кластеры могут приобретать различные виды, в том числе и как создание условий для производственной интеграции по технологическому типу, формирование специальных экономических зон или региональных финансовых центров и т.д. Однако в любом случае, какой бы вид кластеры ни принимали, для их эффективного функционирования требуется определенная помощь со стороны государства (законодательная, налоговая, финансово-кредитная и т.п.) и участие государственной системы управления хотя бы как минимум вначале любого организационного процесса на их территории.

3. Необходимость участия финансовой системы в обеспечении устойчивого роста производства на определенной территории или региона государства выявила возможности формирования региональных финансовых центров как кластерных образований. Однако основным условием создания региональных финансовых центров должно стать соединение в одном географическом месте большого количества потребителей, финансовых учреждений, реальных и потенциальных производителей. В этом случае критерием эффективности возможности создания региональных финансовых центров должна стать имитационная модель оценки изменения общего со-

стояния конкретного региона как места размещения подобного кластера до и после его создания, а также учет специфики систем его функционирования в рамках существующих отличий регионального финансового центра от специальных экономических зон и других видов кластерных образований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байтенова Л.М. Способы развития финансового анализа в условиях формирования региональных финансовых центров и необходимости решения их инвестиционных проблем. Проблемы и предпосылки устойчивого развития Республики Казахстан: Сб. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 10-летию Центрально-Азиатского университета. — ЦАУ, 2007. — С. 48—55.
2. Портер, Майкл. Международная конкуренция (Конкурентные преимущества стран). Пер. с англ. / Под ред. В.Д. Щетинина. — М.: Международные отношения, 1993. — 896 с.
3. Портер, Майкл. Конкуренция. Пер. с англ. — М.: Вильямс, 2005. — 608 с.
4. О кластерах в Казахстане // Офиц. сайт Минсельхоза РК. Новости // <http://www.minagri.kz>.
5. Байтенова Л.М. Моделирование кластеров как мест размещения региональных центров: теоретический аспект: Сб. Высшей школы бизнеса при Академии государственного и общественного строительства Президента РУ. — Ташкент, 2007. — С. 34—40.
6. Байтенова Л.М. Моделирование размещения региональных финансовых центров // Проблемы агрорынка. — Алматы: РГНИИЭАПК, 2008, апрель — июнь. — С. 14—18.
7. Кругман П.Р., Обстфельд М. Международная экономика: теория и политика. — М.: ЮНИТИ, 1997. — 799 с.

Вопросы экономического развития системы риск-менеджмента в национальных компаниях Казахстана

ШАЯХМЕТОВА К.О.,
БАЙМАХАМБЕТОВА Г.И.,
ТУРСУМБАЕВА М.Ж.,
РАХИМЖАНОВ Г.Т.,
ШЫНЫБАЕВ А.А.

В условиях мирового финансового кризиса проблема оценки риска финансово-хозяйственной деятельности всех национальных компаний приобретает самостоятельное значение для поиска потенциала и возможностей риск-менеджмента противостоять негативным структурным явлениям. Очевидно, что в зависимости от содержания предпринимательской деятельности различных дочерних и зависимых организаций, а также экономической и политической стабильности в обществе результат предпринимательской деятельности в разных компаниях будет различен.

Деятельность АО НК «КазМунайГаз» и его дочерних организаций и зависимых обществ подвержена влиянию ряда рисков, начиная с предпринимательских и заканчивая экологическими.

Так, уже с 2007 г. АО НК «КазМунайГаз» осуществляло внедрение системы управления рисками на консолидированной основе с учетом покрытия рисков его дочерних организаций на основе принятой в международной практике риск-менеджмента нефтегазовой индустрии Комитета спонсорских организаций комиссии Тредуэя. Оно заключалось в программном обеспечении Corporate Risk Managing Tool по управлению рисками. Внедрение эффективной корпоративной системы управления рисками, позволяющей идентифицировать,

прогнозировать и управлять существенными рисками, предполагает поэтапное выполнение мероприятий, а также регулярную реализацию процесса корпоративного управления рисками, включающего: развитие внутренней среды системы корпоративного управления рисками; определение цели и задач корпоративной системы управления рисками; интеграцию управления рисками в другие бизнес-процессы; идентификацию и оценку рисков; разработку эффективных мер по управлению рисками; реализацию мер по управлению рисками и мониторинг рисков; постоянное совершенствование корпоративной системы управления рисками [1].

Способность компании противодействовать рискам, снизить вероятность и последствия возможного наступления неблагоприятных событий влияет на способность компании успешно реализовать стратегию развития. Таким образом, одним из важных условий деятельности АО НК «КазМунайГаз» является наличие и реализация эффективной политики управления рисками. Между понятиями риска и неблагоприятного события выделяют различие в сущности, когда под риском понимается возможность неблагоприятного события, которая отрицательно влияет на способность АО НК «КазМунайГаз» успешно достичь своих стратегических целей, а под неблагоприятным событием понимается явление, при котором возникают убытки АО НК «КазМунайГаз», причинение вреда жизни и здоровью работников, третьих лиц, а также причинение ущерба окружающей среде.

Целью политики управления рисками является обеспечение устойчивости и безопасности деятельности АО НК «КазМунайГаз» за счет улучшения ее способности управлять рисками путем почти 12 видов действий: создания и внедрения системы корпоративного управления рисками компании; реализации мероприятий по управлению стратегическими рисками; реализации мероприятий по управлению геологическими рисками; реализации мероприятий по повышению безопасности производства, безопасности труда, по охране окружающей среды; реализации прав организаций, входящих в АО НК «КазМунайГаз» по обеспечению страхования (перестрахования) рисков организаций, в которых они имеют пакет акций (долю участия), а также рисков проектов, в которых они участвуют; реализации мероприятий по управлению информационной безопасностью; реализации мероприятий по управлению финансовыми рисками АО НК «КазМунайГаз»; реализации мероприятий по управлению инвестиционными рисками АО НК «КазМунайГаз»; реализации мероприятий по управлению регуляторными рисками АО НК «Каз

МунайГаз»; признания АО НК «КазМунайГаз» резервов в качестве обязательств; принятия мер в отношении организаций, в которых АО НК «КазМунайГаз» или дочерняя организация имеют доли участия и пакеты акций по разработке, внедрению, обеспечению функционирования такими организациями систем управления рисками; принятия мер по неукоснительному соблюдению АО НК «КазМунайГаз», его дочерними организациями и зависимыми обществами требований законодательства и учредительных документов.

Безусловно, реализация цели политики управления рисками будет достигаться путем решения цикла последовательных задач в области управления рисками:

- идентификация рисков, включающая выявление рисков, причин их возникновения и последствий;
- оценка рисков, включающая определение возможных размеров ущерба и вероятности наступления риска, разработку максимально допустимых лимитов по рискам (предельно допустимых размеров единовременных потерь, которые не являются угрожающими для деятельности организаций);
- оценка эффективности управления рисками, корректировка системы управления рисками с учетом выявления и оценки новых рисков.

Регулирующая функция рисков имеет два аспекта — негативный и позитивный. Негативный аспект состоит в том, что принятие и реализация решений с необоснованным риском ведут к волонтаризму, крайним проявлением которого является авантюризм. Эта разновидность риска объективно содержит значительную вероятность невозможности достижения цели при реализации решения. Действие негативного аспекта регулирующей функции риска выступает в качестве дестабилизирующего фактора в хозяйственной практике [2].

Позитивный аспект данной функции риска исполняет роль своеобразного катализатора при принятии экономических решений. Практически этот аспект проявляется в деятельности инновационных банков, инвестиционных фондов, особенно венчурных (рисковых) фирм классического западного типа.

В целом для проведения оценки эффективности уровня риск-менеджмента АО НК «КазМунайГаз» необходимо обобщить ряд факторов, позволяющих определить, зафиксировать риски предпринимательской деятельности АО НК «КазМунайГаз»:

1. Экспортноориентированность нефтяной отрасли. Нефть составляет около 70% общего экспорта и 35% в доходах государства. Посто-

янно высокие мировые цены на нефть, по всей вероятности, позволят сохранить растущие денежные поступления. Эти доходы от экспорта позволили накопить важные национальные резервы и стабилизационный фонд нефтяных доходов. Подобные фонды существуют в России и Норвегии. Активы национального фонда в данное время составляют около 26,5 млрд долл. США. Данные тенденции обусловили ситуацию, когда торговый баланс во многом зависит от устойчивости цен на нефть, стабильности экспортных доходов и уязвимости к мировому кризису. Отсюда следует необходимость учета валютного риска.

2. Высокий уровень иностранных и национальных инвестиций в нефтяной сектор. Более 80% всех инвестиций направлены на разведку, добычу нефти и газа. Отсюда следует необходимость учета инвестиционного и производственного рисков.

3. В последнее время в Казахстане делаются попытки построения системы национальных экологическо-экономических моделей в целях планирования и управления реальными производственно-экологическими процессами. Их главная задача состоит в оптимизации взаимоотношений человека и природы. Критерием оптимальности в таких моделях выступает соотношение полученного экономического эффекта с затратами на уничтожение загрязнений. Отсюда следует необходимость учета экологического риска.

4. Казахстанскими активами на сегодняшний день управляет объединенная холдинговая корпорация «Самрук-Казына», которую часто сравнивают с сингапурским «Темасек». Ежегодно КХУГА «Самрук» приносит 20% от общего дохода в ВВП страны. Как выявил анализ предыдущих пунктов, как в головной организации, так и в отдельных национальных компаниях наблюдается чрезмерно излишняя иерархическая структура среднего и высшего топ-менеджмента. По этой причине мы обобщили данные тенденции в социальные риски.

Исходя из данных факторов все риски АО НК «КазМунайГаз» были обобщены в четыре основные группы, которые важны в системе финансового менеджмента:

- Валютно-экономические риски (финансовые);
- Производственные риски;
- Технические риски;
- Экологические риски.

Оценка вероятности наступления риска инвестиций осуществляется методом экспертных оценок. Для проведения этой работы были привлечены три группы экспертов с дочерних организаций АО НК «КазМунайГаз», хорошо знакомых с существом проблемы:

- АО «Разведка Добыча «КазМунайГаз»»;
- АО «Торговый дом «КазМунайГаз»»;
- АО «КазТрансОйл».

Каждой группе экспертов, работающих отдельно, предоставлялся перечень рисков компании и предлагалось оценить вероятность их наступления по системе оценок:

- 0 — риск рассматривается как несущественный;
- 25 — риск, скорее всего, не реализуется;
- 50 — о наступлении события определенного вывода сделать

нельзя;

- 75 — риск, скорее всего, проявится;
- 100 — риск наверняка реализуется.

В результате экспертных опросов были определены три приоритетные группы рисков по вероятности наступления (табл. 1).

Табл. 1. Ранжирование рисков и определение приоритетных групп

Риски, $S_i, i = 1, \dots, n$	Группа приоритетов, $Q_j, j = 1, \dots, k$
S_1 — Влияние мирового рынка нефтепродуктов	Q_1
S_2 — Удаленность от транспортных узлов и инженерных сетей	
S_3 — Отсутствие социальной инфраструктуры	
S_4 — Высокая доля высшего звена менеджмента в структуре топ-менеджмента	
S_5 — Платежеспособность потребителей	
S_6 — Недостаточная квалификация кадров	Q_2
S_7 — Несвоевременная поставка комплектующих изделий	
S_8 — Выбросы в атмосферу и сбросы в водоемы	
S_9 — Недостаток оборотных средств	
S_{10} — Недостатки проектных работ	
S_{11} — Непредвиденные затраты	Q_3
S_{12} — Изношенность оборудования	
S_{13} — Близость населенных пунктов	
S_{14} — Новизна технологий	
S_{15} — Отсутствие резерва мощностей	
S_{16} — Складирование отходов	

Примечание: составлено на основе расчетов.

Таким образом, выделены 16 простых рисков ($n = 16$), объединенных в три группы приоритетов ($k = 3$) и сделано предположение о том, что первый приоритет в четыре раза весомее третьего приоритета ($f = 4$).

В первую приоритетную группу, обладающую высокой вероятностью наступления, включены пять основных рисков:

- S_1 — Влияние мирового рынка нефтепродуктов;
- S_2 — Удаленность от транспортных узлов и инженерных сетей;
- S_3 — Отсутствие социальной инфраструктуры;
- S_4 — Высокая доля высшего звена менеджмента в структуре топ-менеджмента;

- S_5 — Платежеспособность потребителей.

Вторая приоритетная группа, состоящая из пяти рисков, обладает средней вероятностью наступления:

- S_6 — Недостаточная квалификация кадров;
- S_7 — Несвоевременная поставка комплектующих изделий;
- S_8 — Выбросы в атмосферу и сбросы в водоемы;
- S_9 — Недостаток оборотных средств;
- S_{10} — Недостатки проектных работ.

Третья приоритетная группа, состоящая из шести рисков, обладает низкой вероятностью наступления:

- S_{11} — Непредвиденные затраты;
- S_{12} — Изношенность оборудования;
- S_{13} — Близость населенных пунктов;
- S_{14} — Новизна технологий;
- S_{15} — Отсутствие резерва мощностей;
- S_{16} — Складирование отходов.

Результаты расчетов вероятности наступления рисков АО НК «КазМунайГаз» представлены в таблице 2.

Табл. 2. Вероятность наступления рисков и анализ непротиворечивости мнений экспертов, %

Риски	$Э_1$	$Э_2$	$Э_3$	Средняя вероятность, P_i	$ Э_1 - Э_2 $	$ Э_1 - Э_3 $	$ Э_2 - Э_3 $	$\max Э_i - Э_j $
S1	95	90	95	93,3	5	0	5	5
S2	90	95	90	91,7	5	0	5	5
S3	90	75	80	81,7	15	10	5	15

Продолжение

S4	85	75	80	80,0	10	5	5	10
S5	75	70	70	71,7	5	5	0	5
S6	60	50	60	56,7	10	0	10	10
S7	50	40	50	46,7	10	0	10	10
S8	40	20	25	28,3	20	15	5	20
S9	25	40	20	28,3	15	5	20	20
S10	20	25	15	20,0	5	5	10	10
S11	15	15	15	15,0	0	0	0	0
S12	10	15	15	13,3	5	5	0	5
S13	15	10	15	13,3	5	0	5	5
S14	10	5	10	8,3	5	0	5	5
S15	5	5	10	6,7	0	5	5	5
S16	5	5	10	6,7	0	5	5	5
$\Sigma \Delta_i - \Delta_j / n =$								135/16 = 8,4

Примечание: составлено на основе расчетов.

Анализ показал приемлемую согласованность мнений экспертов и возможность использования их в расчетах, так как правила оценки непротиворечивости мнений экспертов выполняются:

- правило 1: $\max |\Delta_i - \Delta_j| < 50$;
- правило 2: $\Sigma |\Delta_i - \Delta_j| / n = 8,4 < 25$.

Далее необходимо определить удельный вес каждого простого риска по всей их совокупности. Для этого установим вес группы с наименьшим приоритетом, используя формулу (2):

$$W_3 = 2 / [3 \cdot (4 + 1)] = 0,134.$$

Определим вес остальных групп приоритетов по формуле (3):

$$W_1 = 0,133 \cdot [(3 - 1) \cdot 4 + 1 - 1] / (3 - 1) = 0,532;$$

$$W_2 = 0,133 \cdot [(3 - 2) \cdot 4 + 2 - 1] / (3 - 1) = 0,334.$$

Произведем расчет удельного веса простых рисков, применяя формулу (4):

$$W_1 = W_2 = W_3 = W_4 = W_5 = 0,532 / 4 = 0,1064;$$

$$W_6 = W_7 = W_8 = W_9 = W_{10} = 0,333 / 5 = 0,0667;$$

$$W_{11} = W_{12} = W_{13} = W_{14} = W_{15} = W_{16} = 0,133 / 6 = 0,0222.$$

Определение итоговой оценки по всем рискам АО НК «КазМунайГаз» производится по формуле:

$$R = \sum W_i * P_i, \quad (1)$$

где P_i — средняя вероятность наступления i -го риска.
Результаты расчетов сведем в таблицу 3.

Табл. 3. Общая оценка рисков АО НК «КазМунайГаз»

Группа приоритета, $Q_j, j = 1, \dots, k$	Вес группы, W	Риски, $S_i, i = 1, \dots, n$	Средняя вероятность, P_i	Веса рисков, W_i	Итоговая оценка, R
Q_1	0,532	S_1	93,3	93,3	9,93
		S_2	91,7	91,7	9,76
		S_3	81,7	81,7	8,69
		S_4	80,0	80	8,51
		S_5	71,7	71,7	7,63
Q_2	0,334	S_6	56,7	56,7	3,78
		S_7	46,7	46,7	3,11
		S_8	28,3	28,3	1,89
		S_9	28,3	28,3	1,89
		S_{10}	20,0	20	1,33
Q_3	0,134	S_{11}	15,0	15	0,33
		S_{12}	13,3	13,3	0,30
		S_{13}	13,3	13,3	0,30
		S_{14}	8,3	8,3	0,18
		S_{15}	6,7	6,7	0,15
		S_{16}	6,7	6,7	0,15
ИТОГО	1				57,93

Примечание: составлено на основе расчетов.

В целом определенная нами общая оценка риска деятельности АО НК «КазМунайГаз» составила 57,93 балла и свидетельствует о повышенной его рискованности.

Таким образом, результаты количественного анализа, выполненного по данной методике, на наш взгляд, позволяют выделить наиболее значимые из простых рисков инвестируемых средств, а также дать им обобщенную оценку.

Среди выявленных рисков большое влияние имеют конъюнктурные колебания цены на мировом рынке нефти на фоне мирового финансового кризиса.

Казахстан можно сравнивать со странами, получающими основную часть доходов от нефтяного сектора. По данному признаку Ка-

захстан занимает 2 место среди шести стран, уступая 1 место Норвегии. Казахстан превосходит Россию, Мексику, Индонезию и Венесуэлу. Однако следует отметить, что Норвегия — это единственная страна, чье население меньше населения Казахстана (4,7 млн чел.), в то время как население других стран намного превосходит наше (Индонезия, Россия, Венесуэла — более 100 млн чел.) (табл. 4)

Табл. 4. Сравнение позиций Казахстана со странами, имеющими высокую зависимость от развития нефтяного сектора в 2007 г. по рейтингу IMD

№	Страна	Индекс конкурентоспособности	Экономическая деятельность	Эффективность правительства	Эффективность бизнеса	Инфраструктура
	Норвегия	11	10	15	13	10
	Казахстан	39	50	24	31	46
	Россия	48	49	31	50	45
	Мексика	51	33	41	56	55
	Индонезия	52	53	39	45	54
	Венесуэла	56	55	56	54	52

Примечание: составлено согласно Исследованию рейтинга глобальной конкурентоспособности Республики Казахстан по методике IMD / Отчет о НИР АО «Институт экономических исследований». — Астана, 2008.

Проанализируем позиции Казахстана в сравнении с остальными странами по всем пяти показателям таблицы. Основным результатом рейтинга IMD является индекс глобальной конкурентоспособности. Занимая 39 место по данному рейтингу, Казахстан позиционируется следующим образом среди зависимых от нефти стран.

По фактору экономической деятельности Казахстан находится во второй половине списка зависимых от нефти стран — 4 место из шести стран. При этом Казахстан опережают Норвегия, Мексика и Россия.

По фактору эффективности правительства позиции Казахстана находятся в среднем на уровне остальных стран группы, не отставая, но и не лидируя (3 место).

Эффективность бизнеса в среднем лучше эффективности правительства, и в сравнении с другими странами группы Казахстан занимает лидирующие позиции в списке (2 место).

По фактору инфраструктуры Казахстан находится в среднем на уровне остальных стран группы, не отставая, но и не лидируя, как и по эффективности правительства (3 место).

В целом среди стран, зависимых от нефти, по общему рейтингу Казахстан уступает только Норвегии (в общем ранжировании страна занимает 11 место), что в действительности при рассмотрении по всем факторам соответствует такому положению. В стране активно проводятся экономические реформы, на достаточно высоком уровне развивается инфраструктура.

Таким образом, снижение степени риска и повышение конкурентоспособности определяют следующие направления:

- диверсификация нефтяного сектора, уменьшающая энергозависимость от сырья;
- совершенствование механизма государственно-частного партнерства;
- постоянное улучшение экономической и социальной инфраструктуры, которое позволит поддерживать развитие среднего класса;
- улучшение создания более высокого уровня функционирования средних предприятий с экспортными возможностями, которое, в свою очередь, может помочь развитию среднего класса;
- поддержка малого предпринимательства;
- прозрачное законодательство о бизнесе и эффективный менеджмент;
- особое внимание научной и технической культуре для улучшения развития технологических новшеств;
- разработка системы налоговых и кредитных мер, стимулирующих выпуск высокотехнологичной продукции;
- развитие образования и подготовки большого количества национальных менеджеров с мировыми знаниями и международной ориентацией;
- подготовка квалифицированного управленческого госаппарата для регулирования взаимоотношений субъектов кластерного комплекса, инвестиционных потоков и эффективности конечного результата;
- сохранение национальной культуры как средства защиты подлинности и уникальности Казахстана в глобальном мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Прибыткова Г.В. Анализ и оценка рисков предприятий производственной сферы в процессе инвестиционного проектирования // Вестник МГТУ. — 2005. — Т. 8. — №2. — С. 300—305.
2. Лукашов А.В. Сравнительные корпоративные финансы и корпоративное управление // Управление корпоративными финансами. — 2005. — №2 (8).

Региональный конфликт: сценарий для Центральной Азии*

БУРНАШЕВ Р.Р.,
ЧЕРНЫХ И.А.

1. Сценарное планирование и его задачи

На настоящий момент существует достаточно большое количество определений того, что понимается под *сценарием* в рамках прогнозирования политических и социальных процессов**. Одним из наиболее релевантных является определение, согласно которому сценарии — это «гипотетические последовательности событий, конструируемые в целях фокусирования внимания на причинных процессах и точках принятия решения. Они отвечают на два типа вопросов: (1) Как точно, пошагово, могла бы осуществляться предполагаемая ситуация? и (2) Какие существуют альтернативы для каждого актора на каждом этапе для предотвращения, изменения или содействия процессу?» [1].

Методологической предпосылкой сценарного планирования (*scenario planning*) политических и социальных процессов выступает признание *открытости и альтернативности будущего* — принципиальной неопределенности будущего и его зависимости от действий в настоящем. Соответственно, суть сценарного плани-

* Данная статья носит методологический характер и представляет собой изложение методики сценарного планирования, которая использовалась авторами в рамках их работы в ряде аналитических и исследовательских структур в Казахстане и Узбекистане. В качестве примера взят анализ ситуации в Центральной Азии. Приводимый пример, несмотря на то что он строится на рассмотрении вполне реальной, по мнению авторов, проблемы, не является законченным вариантом сценарного планирования и имеет, прежде всего, иллюстративное значение. Блоки текста, приводимые авторами в качестве примеров, выделяются заливкой.

** Например, набор определений и варианты их типологии. — См.: Ахременко А. Политический анализ и прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006. — С. 280—284.

рования — формирование механизмов «управления неопределенностью будущего» [2] на основе выявления в рамках исследуемой ситуации predetermined elements) и ключевых неопределенностей (*key uncertainties*) и формулирования альтернативных сценариев будущего, в каждом из которых обязательно присутствуют все predetermined elements, а ключевые неопределенности принимают различные состояния. Оценка ключевых неопределенностей производится на основе двух критериев: насколько исход не определен и насколько он важен. Важнейшие и наиболее неопределенные тренды становятся основой разрабатываемых сценариев.

Помимо этого, сценарное планирование направлено на обнаружение факторов, заложенных в текущих процессах и ситуациях, которые могут выступить механизмами воздействия на будущие состояния. Таким образом, сценарное планирование считается эффективным при средней и высокой степени неопределенности будущего и [3]:

- выявляет возможные, наиболее вероятные варианты будущего;
- фиксирует риски с целью управления ими;
- направлено на выработку и принятие решений.

В своей совокупности задачи сценарного планирования могут быть сведены к двум:

- прогнозно-поисковая: описание системы и доминирующих тенденций ее трансформации, выявление возможных направлений изменений ситуации и их пошаговое описание;
- нормативная: определение путей достижения желаемых будущих состояний системы через выявление «точек излома тенденций», когда локальное действие может повлиять на ход событий, планирование и разработка системы действий, направленных на достижение желаемой ситуации. В отличие от поисковой, где задается только исходная ситуация, при нормативном прогнозировании существуют две точки отсчета: исходная и целевая ситуации.

2. Определение проблемы и цели исследования

Сценарное планирование, как и любое исследование, начинается с постановки проблемы. Ее исходная форма может быть крайне сжата.

Формулировка проблемы. Вариант А. Возможно ли изменение региональной политики безопасности стран Средней Азии и Казахстана в среднесрочной перспективе?*

Однако для решения задач сценарного планирования исходная проблема должна быть формализована, должны быть четко определены все ключевые понятия, имеющие отношение к исследованию. Как правило, наиболее эффективным здесь выступает выбор теоретического контекста, в рамках которого будет проводиться анализ.

Определение теоретического контекста. С нашей точки зрения, наиболее эффективной для анализа вопросов региональной безопасности является теория комплекса безопасности (*security complex theory*)**. Однако данная теория не дает полного объяснения политики безопасности развивающихся (транзитных) стран (каковыми являются в т.ч. и страны Центральной Азии) и должна быть дополнена концепцией слабых государств (*weak state**** и идеей дилеммы небезопасности (*insecurity dilemma*)****.

Под **региональным комплексом безопасности** (*regional security complex*) понимается «набор единиц (государств) международных отношений, чьи главные процессы секьюритизации и десекуритизации так взаимосвязаны, что вопросы их безопасности не могут разумно анализироваться или разрешаться отдельно друг от друга» [4].

Сила/слабость государства фиксируется как минимум в трех измерениях [5]: (1) инфраструктурные возможности — способность государственных институтов реализовывать важнейшие задачи и

* Рассмотрение Центральной Азии с точки зрения сценарного планирования не является новым. — См.: Борщиполоц К., Чернявский С. Среднесрочный прогноз развития ситуации в регионе Центральной Азии // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — №4. — С. 28—32.

** Подробнее о теории комплекса региональной безопасности см.: Buzan, B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. — Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1991; Buzan, B., Wæver, O. and de Wilde, J. *Security: A New Framework for Analysis*. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. — Pp. 9—19; Buzan, B., Wæver, O. *Regions and Powers: The Structure of International Security*. — Cambridge: Cambridge University Press, 2003.

*** О делении государств на сильные и слабые см., например: Buzan, B. *People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era*. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1991. — Pp. 96—107; Weinstein, J., Porter, J., Eizenstat, S. *On the Brink: Weak States and U.S. National Security*. — Washington, DC: Center for Global Development, 2004. — Pp. 12—13.

**** Идея дилеммы небезопасности впервые была выдвинута в работе Job, B. *The Insecurity Dilemma: National, Regime, and State Security in the Third World in The Insecurity Dilemma: National Security of the Third World States*. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1992. — Pp. 11—36; см. также: Sørensen, G. *After the Security Dilemma: the Challenges of Insecurity in Weak States and the Dilemma of Liberal Values* // *Security Dialogue*. — 2007. — No. 38 (3). — P. 357—378.

определять политику на своей территории; (2) возможности к принуждению — способность и готовность государства использовать силу против вызовов ее власти; (3) социальная (идентификационная) связанность — степень, в которой население идентифицирует себя с национальным государством и принимает его легитимную роль в своей жизни.

Дилемма небезопасности — ситуация, в которой национальная безопасность, определяемая как безопасность режима (*regime security*), противостоит несовместимым с ней требованиям тех или иных социальных сил. При этом «чем больше элиты (режимы) слабых государств стремятся установить эффективное государственное управление, тем в большей степени они провоцируют вызовы для своей власти со стороны влиятельных общественных групп» [6].

Для определения стратегии безопасности стран Средней Азии и Казахстана важно не только то, что они сами являются слабыми государствами*, но и то, что их ближайшее окружение, в рамках которого происходит их регионализация — «Центральная Азия»** — состоит из слабых государств. Это, в свою очередь, определяет то, что Центральная Азия не может рассматриваться как самостоятельный региональный комплекс безопасности. В лучшем случае это — неструктурированное пространство, выполняющее функции изолятора [7].

В рамках такого теоретического контекста формулировка проблемы приобретет развернутый вид и будет включать в себя достаточно четко определенные понятия.

Формулировка проблемы. Вариант Б. В настоящее время одним из ключевых вопросов для стран Центральной Азии становится формирование стратегии безопасности и повышение эффективности государственного управления в ситуации дилеммы небезопас-

* Как отмечали авторы данной статьи в 2005 г., «государства Центральной Азии являются слабыми, хотя и не в одинаковой степени. Обобщая, можно сказать, что в большей или меньшей степени для них характерны низкий уровень социальной и политической связанности, узость социальной базы поддержки действующих политических режимов, особенно «среднего» класса (в меньшей степени это характерно для Казахстана) <...> Национальные идентичности здесь слабы и вынуждены конкурировать с другими идентичностями, в первую очередь этническими, субэтническими и клановыми». — См.: Burnashev, R., Chernykh, I. *Conditions for Securitization of International Terrorism in Central Asia* // *Connections*. — 2005. — Spring. — P. 134.

** Об истории регионализации в формате «Центральная Азия» см.: Бурнашев Р. Казахстан и Средняя Азия: конструирование региона. — В кн.: Республика Казахстан: достижения независимости и взгляд в будущее: Материалы 9 Ежегод. Алматинской конф., посвящ. 20-летию независимости Республики Казахстан (г. Алматы, 14 июня 2011 г.) / Отв. ред. С.Т. Сейдуманов, Б.К. Султанов. — Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2011. — 232 с. (С. 113—121).

ности. Возможно ли изменение политики безопасности одной из стран Центральной Азии, проводимое с целью преодоления дилеммы небезопасности и выходящее за рамки традиционных схем*?

Формулировка проблемы с точки зрения определенного теоретического контекста задает рамки последующего анализа: Какие внутренние угрозы проистекают из слабости стран Центральной Азии? Как влияет на их проявление соседство с другими слабыми государствами? Какие действия наиболее эффективны в рамках дилеммы небезопасности? Помимо этого, теория вводит ограничение спектра траекторий развития событий определенными рамками («крайними векторами») за счет установления системы концептуальных допущений о характере развития политической ситуации и взаимодействии ее участников.

Определив проблему, нужно выделить тот ее аспект, который нас более всего интересует — сформулировать цель исследования. При этом надо исходить из того, что чем четче поставлена цель и чем она конкретнее, тем больше шансов на ее полное рассмотрение.

Цель исследования — определить, какой может быть региональная стратегия безопасности слабого государства, находящегося в рамках неструктурированного комплекса безопасности, включающего только слабые государства, направленная на преодоление дилеммы небезопасности и выходящая за рамки традиционных схем.

3. Определение исходной ситуации

Следующий этап сценарного планирования — детальное изучение текущей ситуации, выделение в ней предопределенных элементов (доминирующих тенденций и трендов) и ключевых неопределенностей, а также выявление возможных направлений изменений ситуации. Как правило, изучение текущей ситуации проводится по схеме одного из видов ситуационного анализа. В данном случае в качестве примеров берутся PEST-анализ, SWOT-анализ и ситуационный анализ по методике Е. Примакова.

* Традиционные схемы включают в себя: (1) на внутрисоциальном уровне — развитие репрессивного аппарата, формирование системы противоречий между силовыми структурами и связанными с ними элитами, формирование системы патронажа, манипулирование этническими и другими идентификационными противоречиями, а также демократическим процессом; (2) на международном уровне — формирование альянсов с значимыми внешними акторами и альянсов на региональном уровне. — См.: Jackson, R. *Regime Security // Contemporary Security Studies*. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — Pp. 192—194.

Поскольку цель исследования — анализ возможности преодоления дилеммы небезопасности за счет акций на региональном уровне, в центре внимания при изучении ситуации должны находиться как факторы, способные усилить дилемму небезопасности, так и факторы, способные определять внешнюю политику слабых государств.

3.1. PEST-анализ. PEST — акроним четырех групп факторов, которые берутся во внимание при анализе внешней среды принятия решений в сфере безопасности: политические (*political*), экономические (*economic*), социальные (*social*) и технологические (*technological*)*.

PEST-анализ, помимо описательной составляющей, направлен на выделение предопределенных элементов и ключевых неопределенностей за счет ответа на следующие вопросы [8]:

1. Какие из трендов являются предопределенными (неизбежными)?
2. Какие из сил будут определять или существенно влиять на природу и направление будущего?

PEST-анализ: случай Центральной Азии. Основными факторами, влияющими на политику безопасности стран Центральной Азии, являются следующие характеристики:

1. **Политика.** С точки зрения теории регионального комплекса безопасности Центральная Азия является неструктурированным регионом безопасности или мини-комплексом, выполняющим функцию изолятора между соседними комплексами. При этом Центральная Азия является периферией современной системы международных отношений, в которой интересы великих держав не проявлены и, соответственно, не пересекаются в значительной степени. Данная ситуация может претерпеть изменения в случае смены режима в одной или нескольких странах Центральной Азии с участием одной из великих или региональных держав, в ходе вывода войск Антитеррористической коалиции из Афганистана** или в случае начала военной кампании в связи с противоречиями, сложившимися вокруг Ирана.

* Питер Шварц (Schwartz, P. *The Art of the Long View*. — N.Y.: Doubleday, 1991) рекомендует начинать сценарное планирование со STEEP-анализа, предполагающего рассмотрение также инвайронментальных (*environmental*) факторов. При анализе международных процессов не менее важную роль может играть учет международно-правовых (*legal*) аспектов и соответствующий переход к PESTLE-анализу.

** В этой связи в дальнейшем, наряду с пятью традиционно выделяемыми странами Центральной Азии, в рамках PEST-анализа также рассматривается Афганистан.

Международные структуры, в которые вовлечены страны Центральной Азии, не формируют полноценных режимов безопасности и, соответственно, не дают эффективных гарантий безопасности этих государств и режимов. Вместе с тем нормы временной системы международных отношений защищают страны Центральной Азии от традиционных угроз безопасности («территориального исчезновения») [9]. Практически ни один конфликт здесь не вышел за рамки государственных границ и не приобрел межгосударственного измерения. Наиболее показателен в данном случае конфликт в июне 2010 г. в южных областях Кыргызстана — даже Узбекистан, имевший все основания и предпосылки вмешаться в него, дистанцировался от конфликта и ограничился только временным принятием беженцев.

Все страны, входящие в мини-комплекс, являются слабыми. Степень устойчивости действующих режимов в странах Центральной Азии различна. Важным политическим фактором является то, что ни в одной из стран Центральной Азии нет механизма преемственности власти, который рассматривался бы как легитимный и населением, и элитами.

Важным фактором, формирующим политический контекст обеспечения безопасности стран Центральной Азии, является трансформация норм международного права и, прежде всего, актуализация вопроса гуманитарной интервенции, опирающегося на размытие концепции национального суверенитета и принципа невмешательства.

2. *Экономика.* Экономики стран Центральной Азии слабо связаны друг с другом. Дистанцирование усиливается из-за вхождения разных стран в различные экономические и торговые режимы (Кыргызстан с 1998 г. является членом ВТО, Казахстан с 2010 г. — членом Таможенного союза). Проблемными на настоящее время являются вопросы эксплуатации трансграничных рек (в т.ч. определение режима функционирования имеющихся и строящихся водно-энергетических объектов, а также обеспечение их безопасности); транзита (в основном проблема касается Таджикистана и Узбекистана); легальной и нелегальной трудовой миграции. Наиболее важными показателями в экономической сфере с точки зрения цели исследования являются:

- диспропорция в распределении трудовых ресурсов: в регионе достаточно четко выделяются страны с избыточными трудовыми ресурсами (Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан) и их нехваткой (Казахстан);

- диспропорция в соотношении трудоспособного и нетрудоспособного населения (доля трудоспособного населения в Казахстане составляет 49,85%, в Кыргызстане — 42,64, в Таджикистане — 27,03, в Туркменистане — 55,39, в Узбекистане — 55,08)*;
- достаточно жесткое социально-экономическое расслоение населения (относительное исключение — Казахстан) (табл. 1).

Табл. 1. Показатели социально-экономического расслоения в странах Центральной Азии

	Индекс дохода, скорректированный с учетом неравенства (Quintile income ratio)			Коэффициент Джини (GINI index)			Население с доходом ниже черты бедности (%)	
	ООН (2000—2011)	ЦРУ	Всемирный банк	ООН (2000—2011)	ЦРУ	Всемирный банк	ООН (2000—2009)	ЦРУ
Афганистан	—	6,3	5,7 ⁵⁾	—	29,4 ⁵⁾	27,8 ⁵⁾	36,0	36
Казахстан	4,6	6,6 ⁴⁾	6,0 ⁶⁾	30,9	26,7 ⁶⁾	29,0 ⁶⁾	15,4	8,2
Кыргызстан	4,9	6,8 ⁴⁾	9,9 ⁶⁾	33,4	33,4 ⁴⁾	36,2 ⁶⁾	43,1	33,7
Таджикистан	4,2	7,8 ⁴⁾	6,9 ⁶⁾	29,4	32,6 ³⁾	30,8 ⁶⁾	47,2	53
Туркменистан	7,9	12,2 ¹⁾	12,2 ¹⁾	—	40,8 ¹⁾	40,8 ¹⁾	—	30
Узбекистан	6,2	10,6 ²⁾	10,2 ²⁾	36,7	36,8 ²⁾	36,7 ²⁾	—	26

1) 1998 г.; 2) 2003 г.; 3) 2006 г. 4) 2007 г. 5) 2008 г. 6) 2009 г.

Источники: Human Development Report 2011. — N.Y.: Palgrave Macmillan for UNDP, 2011. — 178 p.; The World Factbook // Central Intelligence Agency // <https://www.cia.gov>; GINI index // The World Bank // <https://data.worldbank.org>; Income share held by highest 10% // The World Bank // <https://data.worldbank.org>; Income share held by lowest 10% // The World Bank // <https://data.worldbank.org>.

3. *Общество.* В странах Центральной Азии сильны противоречия между государственной, этнической и религиозной идентичностями. Высокая роль родовых и/или родственно-земляческих отношений и соответствующих «кланов», значимыми являются патронально-клиентные связи, опирающиеся на определяющую роль бюрократии или финансово-экономические структуры, а в некоторых странах — и общинные (например, на уровне махали в Узбекистане). Также значимыми являются следующие факторы:

* Цифры приведены согласно The World Factbook // Central Intelligence Agency // <https://www.cia.gov>.

- наличие диаспор из представителей титульных наций других стран Центральной Азии (табл. 2);

Табл. 2. Этнический состав

	ЦРУ					Национальные статистические агентства				
	Казахи	Киргизы	Таджики	Туркмены	Узбеки	Казахи	Киргизы	Таджики	Туркмены	Узбеки
Афганистан ¹⁾	-	-	27	3	9	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Казахстан ²⁾	63,1	-	-	-	2,8	64,0	-	-	-	2,9
Кыргызстан ³⁾	-	64,9	-	-	13,8	0,6	71,7	0,9	-	14,3
Таджикистан ⁴⁾	-	1,1	79,9	-	15,3	-	-	-	-	-
Туркменистан ⁵⁾	-	-	-	85	9	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
Узбекистан ⁶⁾	3	-	5	-	80	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д

¹⁾ 2011 г.; ²⁾ 2009 г.; ³⁾ 1999 г.; ⁴⁾ 2000 г.; ⁵⁾ 2003 г.; ⁶⁾ 1996 г.

Источники: The World Factbook // Central Intelligence Agency // <https://www.cia.gov>; Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2006—2010. — Бишкек: Национальный статистический комитет КР, 2011; Демографический ежегодник Казахстана: 2011. — Астана: Агентство РК по статистике, 2011.

- высокая степень демографического давления в ряде стран Центральной Азии (табл. 3);

Табл. 3. Демографические показатели

	Численность населения				Прирост населения, %			
	ООН (2011)	Всемирный банк (2010)	ЦРУ 2012	Национальные статистические агентства	ООН (2010 — 2015)	Всемирный банк (2010)	ЦРУ	Национальные статистические агентства
Афганистан	32,4	34,4	30,4	-	3,1	2,8	2,22	-
Казахстан	16,2	16,3	17,5	16,4 ²⁾	1,0	2,4	1,235	1,47
Кыргызстан	5,4	5,4	5,5	5,5 ¹⁾	1,1	0,8	0,887	1,09
Таджикистан	7,0	6,9	7,8	7,6 ¹⁾	1,5	1,4	1,823	1,15
Туркменистан	5,1	5,0	5,1	-	1,2	1,2	1,143	-
Узбекистан	27,8	28,2	28,4	29,6 ²⁾	1,1	1,4	0,94	1,50

¹⁾ 2011 г.; ²⁾ 2012 г.

Источники: Human Development Report 2011. — N.Y.: Palgrave Macmillan for UNDP, 2011. — 178 p.; Population growth (annual %) // The World Bank // <https://data.worldbank.org>; Population, total // The World Bank // <https://data.worldbank.org>; The World Factbook // Intelligence Agency // <https://www.cia.gov>; Население // Официальный сайт Агентства РК по статистике // <http://www.stat.kz>; Население // Официальный сайт Национального статистического комитета КР // <http://212.42.101.124:1041/stat1.kg>; Макроэкономические показатели // Официальный сайт Агентства по статистике при Президенте РТ // <http://www.stat.tj.ru>; Демографические данные // Официальный сайт Государственного комитета РУ по статистике // <http://www.stat.uz>.

- необходимость затраты значительных ресурсов на социализацию молодежи. В Казахстане средний возраст населения составляет 30,2 года, при этом 21,6% населения — лица моложе 15 лет. В Кыргызстане эти показатели составляют 25 лет и 29,3%. В Таджикистане — 22,6 года и 33,9%, в Туркменистане — 25,3 года и 27,5%, в Узбекистане — 25,7 лет и 26,5% [10]. В Казахстане данный вопрос приобретает дополнительное измерение, связанное с реализацией программы по принятию репатриантов [11];

- преобладание населения, исповедующего ислам (в основном суннизм, ханафитский мазхаб). В силу низкой религиозной грамотности населения также распространены упрощенные (фундаменталистские) формы суннизма. Тесная связь Духовных управлений мусульман стран Центральной Азии с правительственными структурами подрывает доверие к ним и способствует популярности альтернативных религиозных организационных форм, например «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», или возникновению новых структур, таких, как «Акрамия».

4. *Технология.* Базу технологических возможностей, которыми обладают страны Центральной Азии, составляют ресурсы, созданные в рамках Советского Союза и частично модернизированные в период независимости. С точки зрения современных форм смены режимов (модель «арабских» революций) необходимо учитывать степень распространения современных средств коммуникации (Интернет и мобильная телефония), а с точки зрения возможности смены внешней политики особое значение приобретает военная составляющая (табл. 4).

Основными неопределенностями для формирования политики являются:

- формат изменения места Центральной Азии в системе международных отношений в случае вывода войск Антитеррористической коалиции из Афганистана и/или начала военной кампании в связи с противоречиями, сложившимися вокруг Ирана;

- развитие социальной, социально-экономической и политической ситуаций в странах Центральной Азии в кратко- и среднесроч-

ной перспективе (возможность попыток смены власти по моделям «оранжевой» или «арабской» революций или трансформация ситуации в случае смены политического лидера);

Табл. 4. Силовой потенциал стран Центральной Азии (2010 г.)

	Численность вооруженных сил, чел., согласно данным The Military Balance					Военный бюджет, согласно данным ЦРУ		Мобилизационный ресурс (мужчины), млн, согласно данным ЦРУ		
	Сухопутные войска	ВВС и ПВО	Внутренние войска	Пограничные войска	Национальная гвардия	ВМС	млн долл. США	% от ВВП	допустимо	пригодно
Афганистан ¹⁾	90 800	3 000	80 000	18 000	—	—	492,3	1,9 ⁴⁾	7,06	4,05
Казахстан	34 000 ²⁾	12 000	20 000	9 000	2 500	3 000	2 214,3	1,1	4,16	2,91
Кыргызстан	8 500	2 400	3 500	5 000	1 000	—	62,2	0,5 ⁴⁾	1,46	1,12
Таджикистан ³⁾	7 300	1 500	3 800	н/д	1 200	—	226,5	1,5	2,01	1,49
Туркменистан	18 500	3 000	н/д	н/д	н/д	500	1 175,7	3,4 ⁵⁾	1,38	1,07
Узбекистан	50 000	17 000	19 000	н/д	1 000	—	3 073,7	3,5	7,89	6,57

1) имеются значительные силы, не контролируемые правительством; 2) включая подразделения Министерства обороны; 3) к силовым структурам также относятся подразделения МЧС (3 500 человек); 4) 2009 г.; 5) 2005 г.

Источники: The Military Balance 2010. — London: Taylor & Francis, 2010; The World Factbook // Central Intelligence Agency // <https://www.cia.gov>.

- формат изменения отношения к нормам современной системы международных отношений (насколько о них в настоящее время можно говорить) в случае смены режима в одной из стран Центральной Азии;

- реакция великих и региональных держав на серьезный конфликт между странами Центральной Азии.

Основными факторами, оказывающими или существенно влияющими на развитие ситуации в Центральной Азии, являются:

- позиция режимов стран Центральной Азии относительно внутренней и внешней политики;
- позиция великих и региональных держав.

3.2. SWOT-анализ предполагает деление всех факторов, влияющих на объект исследования, на четыре категории:

Внутренние (находящиеся под контролем исследуемого объекта):

- сильные стороны (*strengths*) — свойства объекта, дающие ему преимущества перед другими;
- слабые стороны (*weaknesses*) — свойства, ослабляющие объект.

Внешние (неконтролируемые объектом):

- возможности (*opportunities*) — факторы, дающие дополнительные возможности по достижении цели;
- угрозы (*threats*) — факторы, которые могут осложнить достижение цели.

Исходя из формулировки исследовательской проблемы при анализе ситуации в странах Центральной Азии необходимо концентрировать внимание на основных атрибутах государства, характеризующих его силу/слабость (эффективность государственных институтов, монополия на инструменты насилия в рамках своих государственных границ, наличие в обществе консенсуса относительно идеи государства), а также на его характеристиках как державы (возможности реализовывать внешнее влияние).

Ниже приводится пример SWOT-анализа Узбекистана. Аналогичным образом необходимо рассмотреть и другие страны Центральной Азии.

SWOT-анализ: случай Узбекистана

1. Внутренние факторы

1.1. Силы:

- государство сохраняет контроль над основными информационными каналами и коммуникационными технологиями. Число пользователей Интернета в Узбекистане 2009 г. составило более 4,689 млн человек (15,86% от всего населения), доступ к мобильной телефонии имеет 20,952 млн человек (70,88% всего населения);
- в стране развита транспортная инфраструктура. Практически все крупные города страны объединены единой железнодорожной

* Иногда позиционируются как ограничения (*limitations*).

сетью (исключение — Ферганская долина, связанная с остальной страной через территорию Таджикистана). В военном плане стоит обратить внимание на авиационную компоненту инфраструктуры: Узбекистан имеет 33 аэродрома с бетонной или асфальтовой взлетно-посадочной полосой, из них 6 имеют длину полосы более 3 047 м*;

- в Узбекистане сохраняется слабая способность насильственного вмешательства силовых структур в политику, в том числе за счет противоречий между ними. Вместе с тем руководство страны имеет возможность и демонстрирует готовность к использованию насильственных средств поддержания режима (наиболее яркий пример — события в Андижане в мае 2005 г. и последующие акции руководства страны);

- Узбекистан имеет значительный, по меркам Центральной Азии, силовой потенциал. Реформирование вооруженных сил было проведено в первой половине — середине 2000-х гг. и связано со структурными изменениями (переход на бригадный принцип организации, формирование военных округов и разработка системы взаимодействия различных силовых структур). Вооруженные силы Узбекистана имеют опыт ведения боевых действий;

- с точки зрения возможности наличия консенсуса по вопросам идеи государства важно, что 80% населения Узбекистана составляют этнические узбеки.

1.2. Слабости:

- узбекистанское общество в значительной степени фрагментировано с социально-экономической точки зрения. Коэффициент Джини составляет 36,8%; 26% населения получает доход ниже черты бедности, по экспертным оценкам, при общей численности трудоспособного населения в 16,28 млн человек (55,08%), более 20% из них не имеют постоянной работы**. В силу низкой покупательной способности населения, внутренний рынок ограничен;

- в стране высока роль родственно-земляческих отношений и соответствующих «кланов» (в настоящее время выделяется пять таких групп: ферганская, ташкентская, самаркандская, кашкадарьинско-сурхандарьинская и хорезмская). Значимыми являются общинные (на уровне махалли) и патронально-клиентарные связи, опирающиеся на определяющую роль бюрократии. На основе последних постепенно формируются «функциональные» группы влияния;

* Согласно данным 2006 г., в Узбекистане имеется 8 авиационных баз. — См.: Jane's Sentinel Security Assessment. Russia and CIS: Issue 18. — Coulsdon, Surrey: Jane's Information Group, 2006. — P. 832.

** Официальные показатели уровня безработицы — 1%.

- выделенная роль бюрократии приводит к эрозии государственных институтов и значительным масштабам коррупции*. Наряду с правовыми нормами, закрепленными законодательно, в стране сильны установки, регламентируемые исторически сложившимися традициями (например, особая роль в принятии решений относительно спорных вопросов на бытовом уровне аксакалов и других авторитетных лиц) и нормами ханафитского мазхаба (88% населения исповедует ислам);

- в силу низкой религиозной грамотности населения в стране также распространены упрощенные (фундаменталистские) формы суннизма. Тесная связь Духовного управления мусульман Узбекистана с правительственными структурами подрывает доверие к нему и способствует популярности альтернативных религиозных организационных форм, например «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», или возникновению новых структур, таких, как «Акрамия».

2. Внешние факторы

2.1. Возможности:

- Узбекистан как государство, имеющее достаточные ресурсы, может относительно свободно реализовывать региональную политику, так как Центральная Азия является периферией международных отношений и внешние силы (глобального и регионального уровней) демонстрируют низкую готовность к вмешательству в события в регионе;

- наличие во всех странах Центральной Азии крупных узбекских диаспор, склонных сохранять свою этническую идентичность.

2.2. Слабости:

- конфликты в соседних с Центральной Азией странах (Афганистан, возможно, Иран);

- транзитная зависимость от соседних стран (прежде всего, Казахстана и Туркменистана);

- нехватка земельных и водных ресурсов, зависимость в вопросе получения водных ресурсов от других стран Центральной Азии (Таджикистан, Кыргызстан, Туркменистан, отчасти Афганистан);

- существование транснациональных групп, ставящих целью изменение политического строя в Узбекистане (Исламское движение Узбекистана);

* Согласно данным Transparency International, уровень коррупции в Узбекистане в 2011 г. составил 1,6 (177 место из 183 стран). — См.: Corruption Perceptions Index 2011. — Transparency International, 2011. — 7 p. // <https://www.transparency.org>.

- ограниченность рынков сбыта (экспорта) продукции, в том числе в силу отсутствия (разрушения) единого экономического пространства Центральной Азии.

3. Основными неопределенностями являются:

- насколько Узбекистан готов использовать силу за пределами своей территории;
- поведение силовых структур, религиозных, родственно-земляческих и «функциональных» групп в случае смены лидера государства.

3.3. Ситуационный анализ, согласно Е. Примакову*, предполагает три стадии исследования:

- выделение проблемных блоков в ситуации, подлежащей анализу (ее декомпозиция)**;
- получение по каждому из проблемных блоков разноплановых экспертных оценок;
- создание заключительного документа, критически обобщающего полученные оценки.

Выделение проблемных блоков: случай Центральной Азии.

Выделение проблемных блоков (выделение вопросов, закрепляемых за экспертом) по модели ситуационного анализа может выглядеть следующим образом:

1. Элементы предполагаемой системы безопасности Центральной Азии:
 - 1.1. ШОС.
 - 1.2. ОДКБ.
2. Позиция региональных и великих держав:
 - 2.1. Россия.
 - 2.2. Китай.
 - 2.3. США.
3. Механизмы смены режима:
 - 3.1. «Цветная революция».

* О методике проведения ситуационного анализа, разработанной отечественными авторами во главе с академиком Е.М. Примаковым, см., например: Примаков Е.М. Ситуационный анализ как аналитический жанр / Примаков Е.М., Хрусталева М.А. Ситуационные анализы: методика проведения. — М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, МГИМО МИД России, 2006. — С. 6—9; Иран: что дальше? Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // Россия в глобальной политике. — 2003. — №2; Ядерная программа КНДР: перспективы развития. Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // Россия в глобальной политике. — 2004. — №1; Иракский кризис и перспективы урегулирования. Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // Россия в глобальной политике. — 2004. — №3.

** Варианты выделения проблемных блоков см.: Борщиполов К. Методы политических исследований. — М.: Аспект Пресс, 2005. — С. 129—130.

3.2. «Арабская революция».

3.3. «Дворцовый переворот».

4. Внешняя политика нового режима.

Заключительный документ по проблемному блоку «Внешняя политика нового режима». Анализ ситуации позволяет утверждать, что, в случае смены режима в одном из государств Центральной Азии, его новое руководство, с целью преодоления дилеммы небезопасности, может выбрать одну из четырех, не исключающих друг друга моделей поведения:

- сохранение имеющейся внешнеполитической стратегии;
- альянс с одной из великих или региональных держав;
- инициация формирования регионального альянса, включающего только некоторые страны Центральной Азии и, возможно, Афганистан;
- реализация агрессивной внешней политики.

Принципиально новыми из них являются третья и четвертая. Их ключевая идея — повышение инфраструктурных и принудительных возможностей государства, а также социетальной связанности страны за счет активизации и изменения региональной политики — перевода ее в формат принудительной дипломатии (*coercive diplomacy*) [12]. Помимо этого, такая модель поведения позволяет переформатировать расстановку сил в Центральной Азии, включая изменение имеющихся государственных и региональных границ.

Стремясь достичь своих целей, государство региона, делающее ставку на принудительную дипломатию, будет использовать те аспекты современных международных отношений, которые ограничивают возможность эффективного применения в Центральной Азии военной мощи заинтересованных внерегиональных держав и международных структур, то есть насколько возможно избегать прямой агрессии. Угрозы силой и малоинтенсивные силовые акции будут проводиться в неоднозначных обстоятельствах с упором на подрывную деятельность и инициацию гражданских волнений. Задача — совершать акции таким образом, чтобы: (1) вызвать ответные действия со стороны страны-конкурента, которые, с точки зрения международного права, могли бы интерпретироваться как агрессия, и (2) не перешагнуть линию, за которой может последовать военное вмешательство внерегиональных сил. Помимо этого, акты, которые могут интерпретироваться как агрессивные, будут осуществляться в ответ на неприемлемую со стороны междуна-

родного сообщества внутреннюю политику страны, подвергшейся агрессии, и позиционироваться как «гуманитарная интервенция».

3.4. Заключительный этап. Итоговыми исследовательскими действиями по определению ситуации являются:

1. *Установление прогнозных презумпций* (принятие решения относительно того, что следует учитывать, а чем можно пренебречь) с целью сужения множества рассматриваемых вариантов действия для каждого из участвующих в исследуемой ситуации политических субъектов до разумного числа, которое может быть реально охвачено в ходе анализа. Слишком жесткое ограничение числа учитываемых факторов сокращает диапазон рассматриваемых гипотез и альтернатив и формирует опасность произвольного, эмпирически и логически не обоснованного выбора, диктуемого субъективными предпочтениями исследователя. Учет слишком многих факторов ведет к ненужной сложности. Необходимо соблюдение баланса между способностью субъекта, принимающего решение, рассматривать большое число факторов и важностью этих факторов по отношению к изучаемой проблеме и получаемому результату: в исследовании учитываются только наиболее значимые факторы, влияющие на выбор объектом прогнозирования той или иной альтернативы развития (на «движение» объекта по той или иной траектории).

2. *Введение допущений*, обоснованное тем, что, наряду с субъективным ограничением числа учитываемых факторов, существует и объективное, связанное с тем, что в большинстве случаев невозможно знать все детали исследуемой ситуации. Допущения позволяют снизить затраты и усилия на определение точной величины какого-либо фактора, проводить анализ с использованием принятого метода оценки, сузить рамки анализа до приемлемых размеров.

Прогнозные презумпции и допущения. Определение исходной ситуации позволяет рассматривать смену политического лидера (в т.ч. по моделям «оранжевой» или «арабской») как основную предпосылку выхода политики безопасности одной из стран Центральной Азии за рамки традиционных схем с целью преодоления дилеммы небезопасности. Неопределенность в поведении силовых структур, религиозных, родственно-земляческих и «функциональных» групп, в случае смены лидера государства, составляет суть дилеммы небезопасности. Таким образом, эти положения в дальнейшем рассматриваются как *допущения*.

В целях упрощения анализа вводятся две прогнозные презумпции:

1. Возможный формат изменения места Центральной Азии в системе международных отношений в случае вывода войск Антитеррористической коалиции из Афганистана и/или начала военной кампании в связи с противоречиями, сложившимися вокруг Ирана, в дальнейшем не рассматривается (выделяется в отдельное исследование).

2. Руководство хотя бы одного из региональных центров силы заинтересовано в переформатировании Центральной Азии.

Таким образом, в качестве основных неопределенностей в дальнейшем выступают:

1. Будут ли страны Центральной Азии осуществлять силовые акции, направленные на формирование регионального альянса вокруг одного из региональных центров силы (группа событий А):

- посредством принудительной дипломатии (A1);
- посредством гуманитарного вмешательства (A2).

2. Будут ли страны Центральной Азии использовать силу в виде действий, направленных на инициирование регионального конфликта (группа событий В):

- в форме открытой агрессии (B1);
- в форме провоцирования агрессии (B2).

3. Реакция внерегиональных сил на события в Центральной Азии (группа событий С):

- поддержка происходящих событий (C1);
- силовое вмешательство с целью не допустить изменений (C2).

3. *Количественные оценки неопределенностей.* Определение ситуации позволяет получить количественно определенные (на порядковом уровне) оценки. Так, по итогам рассмотрения ситуации могут быть сформулированы вопросы экспертам относительно основных неопределенностей, анализируемые в дальнейшем в формате метода Дельфи, например: «Какова вероятность, что новый режим будет проводить внешнюю политику, принципиально отличную от той, которая существовала ранее?». При этом вероятность, как правило, оценивается по шкале от 0 до 1 (или в процентных показателях с шагом в 10 пунктов) с учетом соответствующих качественных характеристик:

- 0,0 — «совершенно невероятно»;
- 0,1 — «практически невероятно»;

- 0,2 — «крайне маловероятно»;
- 0,3 — «маловероятно»;
- 0,4 — «скорее маловероятно, чем вероятно»;
- 0,5 — «равновероятно»;
- 0,6 — «скорее вероятно, чем нет»;
- 0,7 — «вероятно»;
- 0,8 — «весьма вероятно»;
- 0,9 — «практически неизбежно»;
- 1,0 — «совершенно неизбежно».

3.5. Конструирование целевой ситуации. В случае нормативного сценарного планирования, помимо определения исходной ситуации, необходимо также определить целевую ситуацию (возможно, несколько альтернативных ситуаций):

- какими характеристиками должна обладать ситуация, чтобы быть оптимальной для реализации поставленных целей;
- каково должно быть соотношение ресурсов основных акторов;
- какие альянсы и оппозиции должны возникнуть.

Отправной пункт нормативной модели — различия между исходной и целевой ситуацией.

4. Структурный анализ

Проведенное исследование ситуации направлено на выявление возможных направлений ее изменения. Основным исследовательским приемом здесь выступает формулирование *альтернативных конкурирующих гипотез* — прогнозных предположений развития исследуемой ситуации, которые определяются на основе изучения вариативности основных неопределенностей, их взаимосвязи между собой и с доминирующими тенденциями и трендами. Исследование альтернатив — важная составляющая процесса разработки сценария. Число альтернативных гипотез-прогнозов определяет число стратегий, имеющихся у субъектов сценарного планирования и, соответственно, число сценариев развития событий, которые необходимо рассмотреть*.

* «Стратегия есть некоторый план, настолько исчерпывающий, что он не может быть нарушен действиями противника или природы, так как все что может предпринять противник или природа, вместе с набором ваших возможных действий, является частью описания стратегии». — См.: Вильямс, Дж. *Совершенный стратег*, или *Бухварь по теории стратегических игр*. — М.: Советское радио, 1960. — С. 34. С этой точки зрения термины «стратегия» и «сценарий» крайне близки.

Изучение взаимосвязи гипотез и доминирующих тенденций и трендов опирается на структурный анализ, например: матричный анализ, логическую обработку или разработку карты взаимодействия факторов.

4.1. Матричный анализ [13]. Матричный анализ направлен на создание картины развития анализируемой ситуации, учитывающей не только влияние на поведение объекта прогнозирования каждого фактора в отдельности, но и эффект интегрального взаимодействия факторов. Задачами матричного анализа являются:

- выявление взаимосвязанных событий (построение матрицы смежности);
- выявление характера взаимосвязи событий (построение матрицы взаимосвязи).

Матрица смежности и взаимозависимости формируется на основе ответа на вопрос: «Если вероятность события A1 стремится к единице, меняется ли вероятность осуществления события A2 и если да, то как?».

Матричный анализ. Матрица смежности и взаимозависимости для выделенных в подразделе 3.4 неопределенностей имеет следующий вид:

		A		B		C	
		A ₁	A ₂	B ₁	B ₂	C ₁	C ₂
A	A ₁		↑	↓	↑	↓	0
	A ₂	↑		↓	↑	↓	↑
B	B ₁	↓	↓		0	↓	↑
	B ₂	↑	0	↑		0	0
C	C ₁	0	0	↑	↑		↓
	C ₂	↓	↓	↓	↓	↑	

где: ↑ — прямая, положительная связь факторов; ↓ — обратная, отрицательная связь; — связь остается неопределенной; 0 — отсутствие связи.

Для дальнейшего анализа отбираются только те группы событий, между которыми существует взаимосвязь.

4.2. Логическая обработка. На языке формальной логики выделенные в рамках матричного анализа взаимосвязи факторов можно записать следующим образом:

- 1) $(A_1 \rightarrow A_2) \wedge (A_1 \rightarrow (B_1 \vee \neg B_1)) \wedge (A_1 \rightarrow B_2) \wedge (A_1 \rightarrow (C_1 \vee \neg C_1));$
- 2) $(A_2 \rightarrow A_1) \wedge (A_2 \rightarrow \neg B_1) \wedge (A_2 \rightarrow B_2) \wedge (A_2 \rightarrow (C_1 \vee \neg C_1)) \wedge (A_2 \rightarrow (C_2 \vee \neg C_2));$
- 3) $(B_1 \rightarrow \neg A_1) \wedge (B_1 \rightarrow \neg A_2) \wedge (B_1 \rightarrow \neg C_1) \wedge (B_1 \rightarrow (C_2 \vee \neg C_2));$
- 4) $(B_2 \rightarrow A_1) \wedge (B_2 \rightarrow B_1);$
- 5) $(C_1 \rightarrow B_1) \wedge (C_1 \rightarrow B_2) \wedge (C_1 \rightarrow \neg C_2);$
- 6) $(C_2 \rightarrow \neg A_1) \wedge (C_2 \rightarrow \neg A_2) \wedge (C_2 \rightarrow \neg B_1) \wedge (C_2 \rightarrow \neg B_2) \wedge (C_2 \rightarrow (C_1 \vee \neg C_1)),$

где: $\rightarrow$ — импликация (связка *если... то...*); $\neg$ — отрицание (связка *не...*); $\wedge$ — конъюнкция (связка *и...*); $\vee$ — дизъюнкция (связка *или...*).

В результате приведения указанных взаимосвязей к нормальной дизъюнктивной форме находим основные конкурирующие варианты развития событий.

Например, для анализа ситуации 4 (отражающей взаимосвязь провоцирования агрессии с другими ключевыми неопределенностями) необходимо рассмотреть варианты развития событий: $\neg B_2$, $(\neg B_2 \wedge A_1)$, $(\neg B_2 \wedge B_1)$ и $(A_1 \wedge B_1)$. Аналогичным образом анализируется каждый из выделенных шести рядов. В совокупности логическая обработка позволяет выявить все конкурирующие варианты развития событий.

4.3. Карта взаимодействия факторов строится на основе методики построения диаграммы связей или интеллекта карты (*mind map*). Карта взаимодействия позволяет наглядно представить и структурировать связи между гипотезами с целью понять:

- какие комбинации факторов ведут к тому или иному исходу развития ситуации;
- какие «узлы факторов» играют ключевую роль с точки зрения выбора объектом прогнозирования той или иной альтернативы.

В зависимости от изменения состояния одного из факторов («входного»), можно проследить изменения вероятности реализации целых цепочек других факторов, с ним связанных. Иными словами, мы имеем готовую модель для создания системы сценариев развития исследуемого нами объекта.

Карта взаимодействия факторов. Схематическое изображение вариантов стратегии поведения государства, делающего ставку на «новую региональную политику» в Центральной Азии:

5. Построение событийных последовательностей

На основе структурного анализа составляются событийные последовательности — собственно сценарии развития ситуации. В случае групповой работы взаимодействие экспертов может осуществляться:

- в режиме деловой (пошаговой) игры*, в рамках которой каждый эксперт выступает в роли одного из субъектов ситуации;
- в формате метода Дельфи, когда каждый из экспертов независимо от своих коллег составляет сценарий (набор сценариев), содержащий пошаговое описание вероятного развития ситуации, с учетом выделенных в ходе структурного анализа ключевых точек, и комментариев-обоснование**.

Особое внимание уделяется технической стороне реализации сценария — ответу на вопрос, какие акции конкретно будет использовать каждый субъект рассматриваемой ситуации.

Вариант экспертного сценария: использование принудительной дипломатии (A₁). Принудительная дипломатия направлена на то, чтобы заставить оппонента (1) отойти от своих целей, (2) отказаться от действий, которые уже начали реализовываться, (3) провести фундаментальные изменения в системе управления государ-

* Рамки для действий игроков задают результаты предшествующего анализа (в ходе которого определяются интересы, цели, ресурсы, типичные тактики субъектов ситуации). Каждое принимаемое решение должно быть обосновано экспертом.

** Для упрощения обработки все документы должны иметь унифицированный вид.

ством [14]. В качестве дополнительной мотивации использования мер принудительной дипломатии для одной из стран Центральной Азии может выступить снижение потенциала стран-конкурентов: экономическое положение стран Центральной Азии определяется, прежде всего, степенью их социально-политической стабильности. Любые акции, создающие возможность даже локальной дестабилизации, могут стать катализатором снижения конкурентоспособности и, соответственно, потери страной имеющихся экономических (финансовых) преимуществ.

К основным типам акций, соответствующим очерченным условиям, в Центральной Азии могут быть отнесены:

- «немотивированные» террористические акции по образцу акций 1999 г. в Ташкенте либо захват заложников с выдвижением любого набора (в т.ч. абсурдных) политических требований по образцу акций в Москве («Норд Ост») или Беслане;
- проникновение на территорию страны незаконных вооруженных формирований по модели «Баткенских событий» 1999 и 2000 гг. с возможным установлением контроля над одним или несколькими населенными пунктами по модели событий в Буденновске в 1995 г.;
- выступления маргинализированных слоев населения, сопровождающиеся демонстративной жестокостью к определенным группам (национальные меньшинства, работники правоохранительных органов, работники местных государственных органов, трудовые мигранты), призванные вызвать жесткую ответную реакцию со стороны силовых структур (образец — события в Андижане в мае 2005 г.);
- серия взрывов на нефте- и газопроводах, а также аналогичные акции на водно-ирригационных объектах, призванные не только дестабилизировать экспорт углеводородного сырья, но и вызвать экологические бедствия;
- провоцирование на несоразмерные и неправомерные с точки зрения норм международного права действия военного характера, например через организацию этнических погромов, арест иностранных граждан, провокации на границе, национализация предприятий, созданных с участием страны — объекта рассматриваемой стратегии.

Страна, подвергшаяся таким атакам, бесспорно, будет стремиться найти поддержку среди соседних государств, что может быть положено в основу формирования регионального альянса, трансформирующего политические и экономические границы Центральной Азии.

Помимо решения тактических задач, очерченных выше, последствия принудительной дипломатии для страны-оппонента могут секьюритизироваться, что будет способствовать повышению инфраструктурных и принудительных возможностей государства, использующего принудительную дипломатию, а также социетальной связанности этой страны.

Негативным для страны, начавшей придерживаться принудительной дипломатии, станет вариант развития событий, когда страна, подвергшаяся атакам, соотнесет их с государством-инициатором. В этом случае акции принудительной дипломатии будут восприняты как агрессия или провоцирование к агрессии, что может привести к региональному вооруженному конфликту и вмешательству в процесс внерегиональных сил.

Итогом данного этапа сценарного планирования является составление и анализ конечных ситуаций для каждого из полученных сценариев — статическое описание будущих ситуаций, возникающих на последнем шаге каждого из сценариев.

Если параметры одной или нескольких итоговых ситуаций будут признаны оптимальными для лица, принимающего решения, то они приобретают статус целевых установок (переход из поисковой плоскости в нормативную).

В случае нормативного сценарного планирования осуществляется создание сценариев направленной трансформации исходной ситуации в целевую. Принятие решения на этом этапе — продумывание, какого рода действия необходимы для осуществления оптимального и нейтрализации альтернативных сценариев.

Разработка любого сценария предполагает «петлю обратной связи»: уточнение модели исходной ситуации и системы прогнозных презумпций, корректировку целевой ситуации на основании составленных сценариев.

Разработанные сценарии могут быть оценены с точки зрения их относительной важности, под которой в данном случае понимается произведение коэффициента вероятности сценария на коэффициент его важности. Вероятность реализации сценария оценивается так же, как и вероятность в рамках ситуационного анализа. Коэффициент важности события варьируется от 0 до 1 и отражает степень качественных изменений ситуации, наступающих вследствие реализации данного сценария.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kahn, H., Wiener, A. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty Three Years. — N.Y.: Macmillan, 1967. — P. 6.
2. Рингланд Дж. Сценарное планирование для разработки бизнес-стратегии. — М.: Лабиринт, Вильямс, 2007. — С. 18.
3. Линдгрен М., Бандхольд Х. Сценарное планирование. Связь между будущим и стратегией. — М.: Олимп-Бизнес, 2009.
4. Buzan, B., Wæver, O. and de Wilde, J. Security: A New Framework For Analysis. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1998. — P. 201.
5. Jackson, R. Regime Security // Contemporary Security Studies. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — P. 188.
6. Ibid. P. 187.
7. Бурнашев Р., Черных И. Безопасность в Центральной Азии: методологические рамки анализа (военный сектор безопасности). — Алматы: Казахстанско-Немецкий университет, 2006. — С. 336—359.
8. Schwartz, P. Inevitable Surprises. — N.Y.: Gotham Books, 2003.
9. Job, B. The Insecurity Dilemma: National, Regime, and State Securities in the Third World. The Insecurity Dilemma: National Security of the Third World States. — Boulder, CO: Lynne Rienner, 1992. — Pp. 12—13; Jackson, R., Rosberg, C. Sovereignty and Underdevelopment: Juridical Statehood in the African Crisis // The Journal of Modern African Studies. — 1986. — No. 24. — Pp. 1—31.
10. Center Asia // The World Factbook // Central Intelligence Agency // <https://www.cia.gov>.
11. Об утверждении Программы «Нұрлы жол» на 2009—2011 гг. Постановление Правительства РК от 2 декабря 2008 г. №1126 // Казахстанская правда. — 2008, 11 декабря.
12. George, A. Forceful Persuasion: Coercive Diplomacy as an Alternative to War. — Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 1991. — P. 5; Art, R. Introduction // The United States and Coercive Diplomacy. — Washington, DC: United States Institute of Peace Press, 2003. — P. 6—7.
13. Ахременко А.С. Политический анализ и прогнозирование. — М.: Гардарики, 2006. — С. 297—300.
14. George, A. Coercive Diplomacy: Definition and Characteristics // The Limits of Coercive Diplomacy. — Boulder: Westview Press, 1994. — P. 9.

Рецензия

ЛАУМУЛИН М.Т.

Айткен Дж. Казахстан. Сюрпризы и стереотипы. — М.: Художественная литература, 2011. — 208 с.

Aitken, J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan. — London, New York: Continuum, 2009. — IX+256 pp.

Новая книга британского исследователя Дж. Айткена «Казахстан: сюрпризы и стереотипы» является логическим и тематическим продолжением его предыдущего труда «Нурсултан Назарбаев и создание Казахстана» (2009). По-видимому, объем информации, идей и впечатлений был настолько велик, что потребовал продолжения. Сравним обе книги.

Книга Джонатана Айткена «Назарбаев и создание Казахстана»^{*} была призвана устранить недостаток знаний внешнего мира, прежде всего Запада, и ближе познакомить зарубежную аудиторию с архитектором наиболее успешного государства в Центральной Азии. Это результат многочасовых бесед автора с нашим президентом, в которых Нурсултан Абишевич делился

своими воспоминаниями и идеями. Благодаря доверительным беседам автора со своим персонежем, а также полному доступу, который получил автор в государственные архивы, книга содержит много материала, прежде неизвестного, который был бы крайне интересен отечественным исследователям. Автор в то время сделал попытку не только показать жизненный путь своего героя, но и выяснить, какие обстоятельства и какие личные качества казахстанского лидера привели его не только к вершине власти, но и определили ему роль «творца нации», создателя современного Казахстана.

В новом, фактически документальном исследовании Айткен развивает сюжеты, заложенные в предыдущем издании, но уже

^{*} См.: Aitken, J. Nazarbayev and the Making of Kazakhstan. — London, New York: Continuum, 2009. — IX+256 pp. См. также нашу рецензию: Казахстан в глобальных процессах. — Алматы, ИМЭП, 2010. — №1. — С. 122—131 (в соавт. с Махмудовым А.С.).

без акцентирования на личности казахстанского лидера. Главный персонаж новой книги — это сам современный Казахстан, его двадцатилетний опыт независимости. Основная мысль автора книги состоит в том, что на Западе и вообще в мире «ширится осознание того, что в степи зреет новая держава. На стратегическом перекрестке, где сходятся вместе российская, китайская, среднеазиатская и западная цивилизации, Казахстан утвердил себя как стабильное и значимое суверенное государство».

Британский ученый считает, что механизм государственного управления и политические процессы в Казахстане заслуживают пристального внимания и западным СМИ и части политологов следует отказаться от стереотипов и клише в духе характеристики страны как диктатуры, полицейского государства или жесткого авторитарного режима. По его мнению, несмотря на богатые природные ресурсы, главным достоянием Казахстана являются люди, в которых «сочетаются таланты и традиции, амбиции и крепкая историческая память». Основная идея книги Айткена состоит в том, что для лучшего понимания прошлого и будущего Казахстана чрезвычайно важно учитывать три взаимосвязанные составляющие: движение через «страдания и невзгоды, выжива-

ние и успех». Как уверен автор, понимание тяжелых испытаний, выпавших на долю республики в XX в., дает более ясное представление о ее будущем в XXI столетии.

С экономической точки зрения, пишет Айткен, многообещающим признаком стабильности и роста является появление в стране молодого и амбициозного среднего класса. В то же время автор не проходит мимо проблем современного Казахстана, среди которых он называет советское наследие, однопартийность (книга писалась до выборов в декабре 2011 г.), высокий уровень коррупции, низкую квалификацию судебно-юридической системы, ограниченность свободы СМИ. И хотя полноценная демократия остается делом будущего, по мнению автора, все-таки в большинстве указанных сфер реальный прогресс очевиден. Особенно Дж. Айткена поразили два факта: если на Западе общественность склонна проявлять цинизм по отношению к власти и там высок уровень недоверия к политическим лидерам, то казахстанское общественное мнение сохраняет противоположную тенденцию.

В качестве главной политической интриги последнего времени Айткен называет отмену референдума, когда, по его мнению, «новый Казахстан победил старый». То есть отказ от про-

ведения референдума по продлению полномочий действующего президента (весной 2011 г.) стал поражением старой элиты, предпочитающей статус-кво, которое гарантирует ей стабильное существование в рамках действующей системы под покровительством президента. Подобное решение Н.А. Назарбаева снискало ему поддержку тех слоев населения, которых автор называет «новым Казахстаном» и к которым относится либеральную интеллигенцию, студенчество, молодежь,

прогрессивную часть предпринимательского класса и чиновничества и простых тружеников.

В целом Дж. Айткен затрагивает широкий спектр проблем внутренней и внешней политики Казахстана. Не вызывает сомнений, что книга написана от лица доброжелателя и друга Казахстана, хотя в ней немало места уделено объективной и справедливой критике. Но это конструктивная критика, которая не вызывает раздражения, а призывает устранять недостатки и решать проблемы.

Малашенко А. Центральная Азия: на что рассчитывает Россия? — М.: РОССПЭН, 2012. — 118 с.

В конце прошлого года российские коллеги порадовали нас выходом сразу нескольких монографий, посвященных Центральной Азии. Первой, о которой идет речь, является новая книга известного политолога, ориенталиста и исламоведа Алексея Малашенко: «Центральная Азия: на что рассчитывает Россия?» (Московский центр Карнеги). Как следует из заглавия книги, работа посвящена политике Российской Федерации в нашем регионе. Основной упор в данном исследовании автор сделал на выявлении направлений, целей, задач и слабых мест российской стратегии и политики в Центральной Азии на протяжении всего постсоветского периода.

А. Малашенко исходит из того, что Центральная Азия не относится к числу главнейших внешнеполитических приоритетов России, а ее влияние в этом регионе становится все более ограниченным. Это звучит парадоксально на фоне многочисленных заявлений Кремля на протяжении двух десятилетий, что настоящий регион был и остается важнейшим приоритетом внешней политики РФ. Автор ставит целью доказать несостоятельность данного тезиса. Он считает, что главная дилемма российской стратегии — выбор между Западом и Востоком. А Центральная Азия не является в полной мере ни тем, ни другим. Ученый даже отказывает региону в полно-

ценном статусе «постсоветского пространства» (за исключением Казахстана, который связывают с Россией особые отношения).

А. Малашенко задается вопросом, чего хочет Россия от этого региона. По мнению автора, у его страны как минимум пять главных целей: 1) сохранить свое влияние в рамках стратегии удержания остатков постсоветского пространства; 2) сохранить местные авторитарные режимы, идеологически и гомогенно близкие кремлевскому; 3) минимизировать потери от сокращения транзита энергоносителей; 4) бороться по мере сил с распространением наркотиков; 5) сдерживать проникновение в ЦА внешних сил (США и КНР). Перечисляя цели Москвы в регионе, автор высказывает мысль, что стабильность отнюдь не является для нее стратегическим императивом. Более того, не волнует Кремль и судьба многомиллионной русской диаспоры, оставленной в регионе на произвол судьбы.

Исследователь уверен, что Россия за все это время так и не сумела в рациональной форме выразить свои национальные интересы в регионе. При этом он уверен, что Россия может: во-первых, сохранить свое влияние, для чего она располагает достаточным экономическим и политическим потенциалом; во-вторых, она способна и дальше поддерживать

авторитарную модель правления (которая сохранится в регионе и без помощи Москвы); в-третьих, Россия способна принимать участие практически во всех проектах транзита энергоносителей, минуя ее территорию; в-четвертых, у России есть возможности ограничить ввоз и переправку через свою территорию наркотиков (другой вопрос, почему это не делается эффективно) и, наконец, в-пятых, в стратегическом плане Россия способна поддерживать кондоминиум с Америкой и Китаем по разделению ответственности за стабильность и безопасность региона.

Сравнительно новым фактором в отношениях России и Центральной Азии Малашенко считает миграцию, которая спаяла обе стороны, вызывая при этом взаимный дискомфорт. В конечном счете, замечает автор, модернизация политики в Центральной Азии требует от Москвы совершенствования политического инструментария, разумного баланса в двусторонних и многосторонних отношениях и пересмотра ряда устаревших подходов и принципов, с чем нельзя не согласиться. Но при этом следует добавить, что здесь не все зависит от воли и желания Москвы — государства региона и местные режимы также должны пересмотреть свои отношения (и требования к ней) с Россией.

Следует отметить, что А. Малашенко отказался от хронологического принципа изложения событий, не прибегает он и к тематическому методу (двусторонние отношения и конкретные направления сотрудничества между РФ и республиками ЦА). Вместо этого ученый берет за основу крупные проблемные блоки. Первый такой блок автор назвал «Неиспользованные шансы». Как следует из названия главы, автор сосредоточивается на перечислении неиспользованных Россией возможностей сохранить или нарастить свое утраченное влияние в регионе, но не только. Малашенко справедливо считает, что эти шансы носили во многом эфемерный характер: Россия давно утратила волю и способность к индуцированию имперской идеи, а спорадические вспышки ее агрессивности есть выражение недовольства поведением в регионе других внешних сил.

Без злорадства и сожаления, как и подобает истинному ученому, Малашенко констатирует тот факт, что нынешняя Россия не способна выполнять ту цивилизационную миссию, которую она несла с середины XIX в. России нет места в дихотомии «Запад — Исламский мир», которые ведут борьбу за цивилизационное будущее Центральной Азии. Основной вопрос, который стоит перед Россией, — следует ли вос-

принимать Центральную Азию как целостный регион? Автор придерживается точки зрения, что не следует. Именно такой подход осложняет политику РФ в ущерб двусторонним отношениям, которым следует отдать приоритет. Главным изъяном внешней политики России автор считает ущербность ее ведущей идеологии о том, что постсоветскому пространству присуща некая «особость», позволяющая России играть на нем привилегированную роль. Отсюда, от этой идеологизированности, происходят хвастовство и бездумные схемы во внешней политике страны.

По мнению Малашенко, данная идеология, которая скрывает истинную цель российской стратегии — интеграцию постсоветского пространства, состоит из двух элементов: так называемого скрытого «постсоветизма» и евразийства (причем этот аспект восходит не к В. Путину, как можно было предположить, а еще к эпохе Б. Ельцина). Автор отмечает, что, помимо России, (нео)евразийство распространено и в Казахстане, но в иной интерпретации. Но ученый обращает внимание на сильную сторону российско-центральноазиатских отношений, связанную с данной идеологией: это вера родственных (авторитарных) режимов в то, что у их народов существует «особый путь», и ощущение их

(режимов) генетической близости на политическом уровне. Это также утверждение решающей роли государства во всех сферах социальной жизни и приверженность традиции (для ЦА — клану, роду, племени и т.д.).

А. Малашенко отмечает тот факт, что ни в одной из центральноазиатских республик (за исключением Кыргызстана) не сложилось четко структурированное и организованное пророссийское лобби, готовое в любой ситуации идти в фарватере Москвы. Другой тревожный факт — явная и ползучая дерусификация в местных обществах и государствах, и при этом Россия не оказывает никакой помощи русскоязычным общинам региона, с тревогой констатирует автор. Другие тревожные симптомы падения российского влияния — это самоустранение Москвы от вмешательства во внутренние дела центральноазиатских государств, от урегулирования двух- и многосторонних отношений между ними. То есть Россия утратила способность быть медиатором во внутрирегиональных отношениях. Вердикт автора звучит следующим образом: Россия более не присутствует в регионе, оставаясь пусть и специфическим, но все-таки только внешним субъектом в его политике. Она не выбирает местные режимы, а подстраивается к ним, что является неоспоримым

подтверждением ограниченности ее возможностей.

Вторая глава книги посвящена региональным инструментам влияния, которыми располагает или к которым могла бы прибегать Россия. К первой группе автор причисляет, без всякого сомнения, различные региональные организации. К ним он относит такие, как ЕвразЭС, ТС, ЕЭП, ЕС (Евразийский союз), ОДКБ и ШОС. В процессе анализа их деятельности и эффективности в рамках региона и применительно к интересам России А. Малашенко приходит к выводу, что результаты деятельности созданных РФ международных организаций малоэффективны и зачастую носят символический характер. Их воздействие на внутреннюю и внешнюю политику государств региона крайне мало. Исследователь предрекает исчезновение ЕвразЭС, сохранение ОДКБ (до тех пор, пока есть угроза из Афганистана) и его постепенное угасание. Но автор избегает категорических выводов в отношении перспектив Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского союза.

Третий проблемный блок затрагивает деликатный вопрос о роли ислама в отношениях между Россией и странами региона, причем исламский фактор рассматривается автором в контексте не менее деликатной проблемы

миграции. Малашенко предлагает изучать влияние исламского фактора в трех аспектах. Первое: страны Центральной Азии (как и ряд регионов РФ) переживают процесс реисламизации. Здесь автор обращает внимание на следующие аспекты: слияние религиозного и светского, возросшая роль и политизация суфийских братств, кумулятивный эффект от слияния мусульманского и тюркского факторов.

Второй аспект заключается в существовании и укреплении в регионе исламистов. Автор отмечает «реактивность» местного исламизма, то есть его востребованность как ответ на существующие социально-экономические проблемы, и влияние на подъем исламизма внешних исламистских организаций. Третий аспект связан с проблемой миграции. Отвергая обвинения в том, что подъему исламизма в Казахстане способствует проникновение в республику исламистов с территории России, Малашенко утверждает, что Россия сама является объектом проникновения исламистов из Центральной Азии. Основным объектом инфильтрации исламистов являются области Волжско-Уральского региона и Западной Сибири (т.е. где проживает тюрко-мусульманское население), но при этом существует и связь с Северным Кавказом. При этом, с тревогой констатирует

автор, в кавказские республики проникают не только исламисты-пропагандисты, но и боевики.

Роковой ошибкой российского истеблишмента, могущей иметь стратегические последствия, А. Малашенко считает тот факт, что последний не воспринимает ЦА как полноценный сегмент исламского мира и регион выпадает из стратегии отношений России с остальным мусульманским миром.

В заключение автор ставит сакраментальный вопрос, который должен придать смысл всей книге: кто бросает вызов России в Центральной Азии? Существует три основных геополитических вызова — китайский, американский и исламский. Автор считает, что китайский вызов носит не политический, а экономический характер (хотя не исключает в будущем его эволюции в нечто более серьезное для Москвы). В отличие от первого, американский вызов носит не экономический (точнее, энергетический), а военно-стратегический (добавим, геополитический) характер. Но Малашенко пытается сгладить остроту вызова со стороны США для своей страны, характеризуя его как «политическую конкуренцию, в которой Вашингтон не столь амбициозен и обидчив, как Москва». По сути, речь идет не об угрозе России и ее интересам, а ее авторитету.

Вызов России со стороны мусульманского мира, по мнению исследователя, носит для нее как внешний, так и внутренний характер. Но это не вызов, а скорее сигнал России к тому, что ее политика должна строиться с учетом цивилизационной принадлежности местных народов. Серьезным вызовом Малашенко считает угрозу распространения религиозного радикализма, который является имманентным фактором исламизации или реисламизации (доверимся компетентному исламоведу).

Второй ряд вызовов включает в себя существование наркотрафика, сокращение роли России как энергетического транзитера. К потенциальным вызовам России автор относит предстоящую смену режимов в центральноазиатских государствах. Он уверен, что нигде к власти больше не придут политики, безальтернативно ориентирующиеся на Россию. Москва ничего не сделала для создания своего лобби среди молодого поколения, бросив тем самым вызов самой себе. Существенной проблемой автор считает также тот факт, что сохраняется неясность, кто принимает окончательные решения относительно политики РФ в ЦА (речь идет о периоде правления Д. Медведева).

А. Малашенко заключает, что в связи с геополитическими дви-

гами Россия вынужденно заняла реактивную оборонительную позицию, одним из следствий которой и стало падение ее влияния в Центральной Азии. Как и принято среди московских либералов, аффилированных с западными фондами, виновными во всем у Малашенко остаются советские коммунисты, «которые обрушили мировую систему, превратив Россию в вечно отыгрывающуюся сторону». Но следует отдать должное автору, он не предлагает сидеть сложа руки, критикуя «экономическую слабость и политическую заско-рузлость внешнеполитического менталитета» правящих кругов, а выбрать качественно новую и динамичную политическую линию, бросить «новый российский вызов».

Книга А. Малашенко оставляет двойственное впечатление. С одной стороны, многие в российских политологических кругах расценили бы ее как антипатриотическую. Слишком много внимания автор уделяет критике ошибок и просчетов политики своей великой страны в нашем регионе. Но, с другой стороны, ученый предлагает объективный (хотя порой и беспощадный) анализ стратегии постсоветской России в Центральной Азии (и даже в более широком контексте). Но с двумя тезисами автора невозможно не согласиться: боль-

ше уже нельзя ни в России, ни в республиках Центральной Азии закрывать глаза на масштабы угрозы со стороны исламизма ни тем более разыгрывать в политических целях исламистскую карту. А также хочется верить, что Россия, с которой Центральную Азию связывает великая

двухвековая эпоха модернизации и европеизации, все еще способна, как заключает автор, бросить «новый российский вызов» — вызов мракобесию, отсталости и социальной архаизации, как это уже было не раз в нашей совместной истории. Но начать Россия в первую очередь должна с себя.

Евсеев В.В. Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы. — М.: Наука, 2012. — 358 с.

Монография В.В. Евсеева (директора Центра общественно-политических исследований РАН) «Центральная Азия: внутренние и внешние угрозы» носит более академический характер в сравнении с предыдущей рецензируемой книгой. Автор исходит из традиционной посылки, что Центральная Азия — это хронически нестабильный регион, который вдобавок находится в окружении потенциально серьезных угроз своей безопасности. По-видимому, автор разделяет эту точку зрения, точнее — стереотип. Хотя справедливости ради следует отметить, что простой количественный подсчет терактов во всех странах Центральной Азии вместе взятых за последние двадцать лет будет существенно меньше, чем в таких государствах, как Россия, Турция, Ирак, Индия, Пакистан и ряд других. Тем не менее Евсеев в своей ра-

боте поставил целью раскрыть степень и характер угроз безопасности региона.

Первая глава монографии посвящена существующим и потенциальным угрозам. Для этого автор выделяет благоприятные и негативные факторы развития государств ЦА. К первой группе он относит, прежде всего, богатые природные ресурсы, в первую очередь нефтегазовые. Группа негативных факторов шире, к которым исследователь относит следующие: нехватка воды, географическая удаленность от мировых рынков, избыток рабочей силы в результате демографических изменений последних десятилетий. В разделе, посвященном военно-политической обстановке в регионе, исследователь выделяет такие источники угроз, как соседство с Афганистаном, иранская ядерная программа и связанный с ней кризис, рост

влияния фундаменталистского ислама и проблему преемственности власти.

Автор достаточно подробно останавливается на анализе ситуации вокруг Афганистана, подвергает острой критике политику Соединенных Штатов в этой стране (выдавая ее за российский взгляд) и предлагает четыре сценария развития ситуации в этой стране после ухода коалиционных сил. Данные сценарии хорошо известны (позитивный, негативный, сохранение статус-кво), за исключением, может быть, последнего, который предполагает сотрудничество с «умеренными талибами», влекущее за собой «талибанизацию» центрального правительства и синтезирование в результате так называемых неоталибов, с которыми и придется иметь дело внешнему миру в будущем.

В разделе, посвященном иранской проблеме, автор, на наш взгляд, слишком подробно останавливается на причинах, ходе и предполагаемой развязке (опять же в виде сценариев) иранского атомного кризиса, что, несомненно, подтверждает его компетентное владение проблемой. Однако данный раздел уводит нас далеко от проблем безопасности собственно Центральной Азии. Автор считает, что степень угрозы региону резко возрастет в ходе военного конфликта между

ИРИ и Западом не в результате, например, ответного удара иранских сил по американским военным объектам на территории некоторых республик ЦА или радиационного заражения в регионе, а в полной дестабилизации Афганистана сторонниками Ирана из среды таджиков и хазарейцев. Согласимся, что и такая точка зрения имеет право на существование.

Становым хребтом книги по объему и ядром первостепенного анализа является вторая глава монографии, посвященная политике России в регионе. Евсеев в начале дает краткую характеристику политике РФ в ЦА в различные периоды постсоветской эпохи, а затем рассматривает тему в рамках двусторонних отношений. Автор исходит из того, что руководители всех стран Центральной Азии с самого начала независимости строили свою тактику и стратегию на том, что обвиняли Москву во всех своих бедах, преследуя такие цели, как скрыть собственную неэффективность в управлении, ослабить свою зависимость от России и получить большую самостоятельность на международной арене.

Автор формулирует задачи, стоящие перед Россией в регионе, следующим образом: 1) уравновесить растущее влияние Запада и Китая; 2) сохранить свое военное присутствие; 3) поощрять

развитие регионального военно-технического сотрудничества; 4) упрочить свое экономическое влияние. С точки зрения национальных интересов России и обеспечения ее безопасности Евсеев определяет эти интересы так: 1) наличие протяженных границ с Казахстаном, близость других государств ЦА, внутренняя нестабильность и внутрирегиональные противоречия; 2) поток наркотиков и радикально-исламистских идей (из Афганистана); 3) рынок трудовых ресурсов, в котором Россия объективно заинтересована. Отметим, что последнее положение резко контрастирует с выводами других российских исследователей, в частности А. Малащенко, которые видят в этом скорее угрозу, чем шанс.

Переходя к двусторонним отношениям, В.В. Евсеев характеризует Таджикистан как «внешний периметр российской границы». Автор обращает внимание на чрезвычайную зависимость этой республики от России, что было характерно для всего постсоветского периода. Данная зависимость отражалась в следующих параметрах: военная безопасность, охрана внешней границы, торгово-экономическая зависимость, возникшая в результате гражданской войны и массового бегства русскоязычного населения, катастрофическая потребность Таджикистана в кад-

рах и инженерно-техническом персонале, протекция Москвы в контексте таджикско-узбекских противоречий, зависимость таджикского бюджета от российского рынка труда. Исследователь обращает также внимание на некоторые негативные тенденции в двусторонних отношениях, проявляющиеся в последнее время. К ним он относит антироссийскую политику, проводимую частью национальной элиты, существование проблемы наркотиков, препоны на пути российского бизнеса, целенаправленное понижение статуса русского языка официальной властью и т.д. Тем не менее автор считает, что Таджикистан нужен России, которой следует бороться за сохранение своего влияния и которую ждет конкуренция со стороны Ирана и Китая.

В несколько ином ключе рассматривает Евсеев казахстанско-российские отношения. Автор априори признает тот неоспоримый факт, что Казахстан имеет ключевое значение для России, что очевидно и не требует особых доказательств, хотя автор с присущей ему скрупулезностью приводит их. Ученый разделяет точку зрения других российских экспертов, что большинство внешнеполитических инициатив Н.А. Назарбаева ориентированы на Россию. Но при этом политика Казахстана в отношении России

носит противоречивый характер. Это противоречие кроется в дихотомии: с одной стороны, Россия — главный политический и экономический партнер; с другой — потенциально опасный сосед, способный претендовать на обширные территории республики и даже на ее поглощение (в рамках тех же интеграционных инициатив).

Автор внимательно анализирует известную «многовекторную» внешнюю политику Казахстана и приходит к выводу, что она представляет собой сознательный выбор Астаны, позволяющий проводить последней более или менее самостоятельную политику на международной арене, балансируя между Россией, США и Китаем. Однако такая политика создает некоторые пределы развитию двусторонних отношений между РК и РФ и подвержена внешнеполитической конъюнктуре. Далее Евсеев подробно рассматривает различные периоды в истории постсоветского Казахстана и соответствующие области взаимодействия двух стран: ядерную проблему, сотрудничество в сфере высоких технологий, военно-политическое сотрудничество. И повсюду ученый находит тесный уровень взаимодействия и высокую степень взаимной заинтересованности сторон, хотя и натывается на различные противоречия. Но основной вывод

автора базируется на убеждении, что казахстанско-российские отношения в наименьшей степени подвержены конъюнктурным соображениям и сохраняют мощный потенциал для развития, в первую очередь в перечисленных сферах. Нам трудно не согласиться с подобным выводом, который мы полностью разделяем.

В.В. Евсеев характеризует российско-узбекские отношения как непростые. Сделать подобный вывод ему позволяет внимательный анализ двусторонних отношений, начиная с 1990-х гг. Автор считает, что примерно до середины 1990-х гг. Россия занимала приоритетное место во внешней политике Узбекистана. Охлаждение, которое наступило в дальнейшем, имело место по вине российского руководства, что заставило, по мнению автора, Ташкент начать поиск других партнеров. В дальнейшем двусторонние отношения не налаживались и также не раз откатывались назад. Но взаимная заинтересованность сторон друг в друге сохраняется, делает вывод исследователь, что относится в первую очередь к экономическому сотрудничеству (нефтегазовая сфера, атомная энергетика).

Раздел, посвященный российско-киргизским отношениям, содержит большой информационно-исторический материал, содержащий анализ эволюции

постсоветского Кыргызстана, без чего, по-видимому, нельзя понять суть двусторонних отношений и реакцию Москвы на те или иные события в Кыргызской Республике. Решающим фактором, оказывавшим нарастающее влияние на двусторонние отношения, как считает автор, была и остается хроническая внутриполитическая нестабильность в Кыргызстане и ее крайне скудный ресурсно-экономический потенциал. Москва также обеспокоена сохраняющейся в республике межэтнической напряженностью. Таким образом, заключает исследователь, так называемый «особый киргизский путь развития» создает серьезные проблемы для развития взаимоотношений Москвы и Бишкека.

В анализе российско-туркменских отношений Евсеев исходит из того факта, что после распада СССР туркменское руководство совершило резкий поворот в сторону национализма, что и определило в дальнейшем место этой республики в системе внешнеполитических координат РФ и в рамках СНГ. В рамках этого курса, питаемого национализмом и потребностями защитить С.А. Ниязовым свой деспотический режим, происходило свертывание отношений с Россией. Исключением оставалось (до определенного времени) сотрудничество в газовой сфере и позиции Газпро-

ма. Основной причиной российско-туркменских противоречий и трудностей автор считает тот факт, что обе стороны используют сугубо коммерческий подход к выстраиванию всего комплекса отношений, будь то экономика, политика или безопасность. Автор уверен, что первый шаг должна сделать Москва, предложив Ашхабаду новые формы экономического и энергетического сотрудничества, увязав свои геополитические интересы с интересами Туркменистана.

Итак, к каким выводам приходит В.В. Евсеев, подводя итоги российской политики в регионе? Согласно его анализу, политика Москвы претерпела следующую эволюцию. В первой половине 1990-х гг. она сделала серьезную политическую ошибку, перестав оказывать экономическую помощь республикам региона и свернув политическое сотрудничество. В результате произошел отток русскоязычного населения и возникла «геополитическая пустота». Во второй половине 1990-х гг. Москва попыталась восстановить свое доминирование в регионе, но было уже поздно. При этом политика РФ оставалась непоследовательной. В первой половине 2000-х гг. Россия потерпела много неудач на фоне укрепления позиций Запада. Но вторую половину десятилетия автор называет периодом

относительных побед Москвы. И, наконец, нынешнее время, заключает исследователь, — это период неопределенности. Чтобы вновь стать локомотивом для развития региона, России может элементарно не хватить ресурсов в условиях противодействия со стороны Запада, Китая и Ирана.

Третья глава монографии В.В. Евсеева посвящена активности в регионе других держав, первой из которых по значению автор называет США. Он вполне точно подмечает, что политика Вашингтона в регионе обуславливалась в первую очередь динамикой российско-американских отношений, а также влиянием афганского и иранского факторов. Исследователь приходит к выводу, что американская политика в регионе велась непоследовательно, поскольку все администрации пытались почти одновременно осуществлять плохо согласованные (если не противоречивые) между собой проекты: ГУАМ, БДТ, создание внутрирегиональных экономических союзов, проекты строительства трансафганского трубопровода и Набукко, формирование Большой Центральной Азии, присоединение региона к Большому Ближнему Востоку.

Во второй половине 2000-х гг. политика администрации Дж. Буша (автор называет ее «политикой агрессивного реализма») завела Соединенные Штаты

в Центральной Азии в тупик. Администрация Б. Обамы отказалась от политики насаждения демократии в регионе путем смены существующих режимов. В общей сложности автор высоко оценивает достижения администрации Б. Обамы в регионе, к которым он относит стабилизацию отношений с Россией, улучшение отношений с Узбекистаном и Туркменистаном, обеспечение северного маршрута снабжения, а в будущем — отвода коалиционных сил из Афганистана. Хотя автор оценивает политику США в регионе как противоречивую, он, вместе с тем, разделяет широко распространенное мнение, что они сыграли свою положительную роль в защите Центральной Азии от угрозы воинствующего фундаментализма в лице Талибана.

Следующий по значимости для В.В. Евсеева игрок в Центральной Азии — это Китай. Автор обращает внимание, что Пекин с самого начала выбрал политику, которая в будущем полностью себя оправдала: не вступая в открытое противоборство с конкурентами, Китай сделал ставку на расширение торгово-экономических связей. К концу 1990-х гг. на первый план у Пекина стали выходить геополитические интересы. Поэтому, добившись в ЦА существенного экономического влияния, Китай

приступил к решению проблем в сфере политики и безопасности. Именно с этой целью, считает автор, Китай инициировал создание ШОС. Ученый пришел к выводу, что в перспективе позиции Москвы в Центральной Азии будут во многом зависеть от того, насколько Россия сможет сохранить партнерские отношения с КНР.

Крайне мало внимания автор уделяет политике Европейского Союза в Центральной Азии, хотя она была в постсоветский период не менее насыщенной, чем у любой другой рассматриваемой державы. Исследователь скупко останавливается на политике отдельных европейских держав в регионе и делает попытку периодизации стратегии ЕС в регионе. Выводы автора по указанному вопросу могут вызвать возражения. Он считает, что Евросоюз старается активнее работать в регионе (хотя факты указывают на то, что пик активности уже давно миновал). С другой стороны, автор явно занижает экономический вклад ЕС в развитие региона, который существенно превышает помощь со стороны других игроков.

Политику Турции в регионе, который Анкара рассматривает как часть общетюркского пространства, Евсеев рассматривает через призму реакции России на активность Анкары. В целом он приходит к обоснованному выво-

ду, что влияние Турции на регион носило ограниченный характер, что было обусловлено, прежде всего, собственными внутренними проблемами этой страны. В то же время политику Ирана в Центральноазиатском регионе автор рассматривает через призму реакции Запада, прежде всего Соединенных Штатов, на действия Тегерана. Он считает, что, несмотря на ожесточенное противодействие, Иран сумел завоевать определенные (хотя и ограниченные) позиции в регионе.

Последнюю главу книги В.В. Евсеев посвятил деятельности в Центральноазиатском регионе различных международных организаций. Вполне справедливо он отмечает обилие организаций и международных институтов, в состав которых входят государства региона. Автор начинает с изучения активности Североатлантического альянса в ЦА. Его вывод гласит, что, несмотря на кажущуюся гиперактивность НАТО и ее присутствие по соседству в Афганистане, основной вклад в обеспечение безопасности региона все-таки вносит Россия. Здесь ученый логически переходит к изучению места и роли ОДКБ, которая является основным инструментом военно-стратегической активности России в регионе. Именно по этой причине Брюссель игнорирует эту организацию.

Много внимания автор уделяет деятельности такой организации, как ШОС, которую автор рассматривает как удачное дополнение к ОДКБ, но в то же время не в качестве антипода НАТО. Но он также обращает внимание и на изъяны организации (несовпадение интересов РФ и КНР, разрыв экономических потенциалов государств-участников, отсутствие механизмов реагирования на конфликтные ситуации, вероятное ослабление организации за счет расширения). Автор уверен, что сам факт наличия ШОС является позитивным обстоятельством, сдерживающим в отношении Китая и повышающим международное значение ЦА.

Евсеев проводит параллель между ШОС и СНГ, которые являются политико-экономическими организациями. Причем потенциал СНГ, по его мнению, еще далеко не исчерпан. Хотелось бы согласиться с таким выводом, но реальность подталкивает к другому. Кроме того, автор в сжатом виде рассматривает другие организации — ОЭС, ЕАС, ТС, ЕврАзЭС, ЕЭП, ЦАЭС/ЦАС — скорее для того, чтобы картина не выглядела неполной.

В заключение автор вновь возвращается к позициям России в регионе. Он вынужден признать, что региональные позиции Москвы не выглядят устойчивыми. В целях укрепления последних

автор предлагает ряд шагов, которые, на наш взгляд, носят скорее тактический, чем стратегический характер. Евсеев считает, что России целесообразно потратить период относительной открытости Туркменистана для сближения с Ашхабадом, использовать в свою пользу состояние политической неопределенности в Казахстане, оказать помощь в укреплении военных потенциалов Кыргызстана и Таджикистана, не реагировать на рецидивы геополитических шараханий Ташкента. Судя по отдельным действиям российского руководства в последнее время, некоторые из рекомендаций автора приняты к сведению.

Таким образом, монография В.В. Евсеева носит фундаментальный научно-прикладной характер и способна предложить заинтересованному читателю не только обильный фактический материал, но и аргументированные выводы и рекомендации. И, главное, в работе отсутствует идеологическая или политическая ангажированность, которая могла бы нанести ущерб академической честности. Также очевидно, что автору далеко не безразличны интересы его страны в регионе, которые он деликатно отстаивает на страницах своей работы. Безусловно, книга В.В. Евсеева не должна остаться незамеченной для всех экспертов, занимающихся Центральной Азией.

Summary

Political Struggle in China prior XVIII CPC Congress

Syroezhkin K.L., Senior Research Fellow, Department of Foreign Policy and International Security Analysis, Kazakhstan Institute for Strategic Studies under President of Kazakhstan (KazISS), Doctor of Sciences (Political Science)

The article deals with the issues of political developments in the People's Republic of China. The author argues that while China is witnessing considerable economic advance, enhancing its

position in the international arena and successfully tackling the challenges of social nature, there are initial signs of possible crisis in social and political spheres.

Legal Basis for Good Neighborhood

Alimov R.K., Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Republic of Tajikistan to China, Honorary Professor, University of International Relations (Beijing, China), Winner of "Silk Road Humanitarian Cooperation" Prize (Beijing, China, 2012), Candidate of Sciences (Sociology)

The article is dedicated to the 20th anniversary of the Joint Declaration on Principles of Relations between Tajikistan and China as it has historic significance for the Tajik-Chinese relations. The author emphasizes that the document provided the legal basis for further development of bilateral ties.

The article covers the practical achievements in the relations of Tajikistan and China over the last twenty years, the basic directions of bilateral cooperation in the medium and long terms. It is concluded that better, friendly relations and cooperation are in the fundamental interests of the both countries.

On Transboundary Water Resources in Central Asia

Pikulina M.L., *Independent Expert*

The article deals with the issues of water resources in Central

Asia. The territory of the region is mostly deserts and semi-deserts (Turan lowlands) with the mountain ranges of the Tien Shan and Pamir-Altai affluent with glaciers. As the region's climate

is arid with little rainfall, and it makes water the most valuable resource. Therefore, its efficient use is crucial for Central Asia.

Radical Renovation of the Media to Bring New Trends in Information Space

Kenzhalin Zh.O., *General Director, Chairman of Editorial Board of the "Kazakh Gazetteri", Candidate of Sciences (Political Science)*

The article provides a review of the problems of the media in Kazakhstan mentioned by President Nursultan Nazarbayev in his Annual Address to the Nation "Kazakhstan Strategy 2050:

a New Policy of the Established State". Additionally, the author analyzes the experience and prospects of the media that are the members of the LLP "Kazakh Gazetteri".

Cluster Formation as Systematic Innovative Managerial Tool in Competition

Baitenova L.M., *Associate Professor, Ryskulov Kazakh University of Economic, Doctor of Sciences (Economics)*

Mutalieva L.M., *Associate Professor, Ryskulov Kazakh University of Economic, Candidate of Sciences (Economics)*

This article discusses establishment of the regional financial centers as cluster formations where consumption and production are concentrated. The author argues that clusters are effective for the state and society, and also enhance the

country's competitiveness in the international market economy. Their development shall boost market competition, the state, however, must remain monitoring and decision-making function in order to maintain decent social conditions.

On Development of Risk Management in National Companies of Kazakhstan

Shayakhmetova K.O., *Department Head, Department of Finance and Accounting, Satpayev Kazakh National Technical University (KazNTU) Doctor of Sciences (Economics), Professor*

Baymakhambetova G.I., *Department Head, Department of Industrial Management and Marketing, Satpayev KazNTU, Doctor of Sciences (Economics), Professor*

Tursumbaeva M.Zh., *Associate Professor, Satpayev KazNTU, Candidate of Sciences (Economics)*

Rakhimzhanov G.T., *Candidate of Sciences (Economics), Astana*
Shynybaev A.A., *Undergraduate Student, Institute of Economics and Business, Satpayev KazNTU*

The global financial crisis accentuated the need for better risk assessing of financial and economic activities of national companies as it enhances capacity of risk management to with-

stand negative structural challenges. The article discusses the problems of economic development of the risk management system in the national companies of Kazakhstan.

Regional Conflict: Scenario for Central Asia

Burnashev R.R., *Department of Social and Political Sciences, Kazakh-German University (KNU), Candidate of Science (Philosophy), Professor*

Chernykh I.A., *Chief Research Fellow, Department of Social and Political Analysis, KazISS, Doctor of Science (History), Professor*

This article is methodological by nature and describes the procedure of scenario planning applied by the authors during their work for a number of analytical and research institutions in Kazakhstan and Uzbekistan. The situa-

tion in Central Asia is the case considered in the article. Despite being based on actual developments in the regions, according to the authors, the case given in the article is not a full scenario and shall be primarily seen as illustrative.